

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Амурский государственный университет»**

Кафедра философии

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ДИСЦИПЛИНЫ
ОСНОВЫ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ**

Основной образовательной программы по специальности
040101.65 и направлению подготовки 040100.62 «Социальная работа»

Благовещенск 2012

УМКД разработан
доцентом кафедры философии

Коренной Ольгой Борисовной

Рассмотрен и рекомендован на заседании кафедры

Протокол заседания кафедры от « 03 » 10 2012 г. № 3

Зав. кафедрой _____ / _____ А.В. Дюмин _____ /
(подпись) (И.О. Фамилия)

УТВЕРЖДЕН

Протокол заседания УМСС специальности
040101.65 Социальная работа 04000.62

от « 03 » 10 2012 г. № 3
Председатель _____ / _____ Н.М. Полевая _____ /
(подпись) (И.О.Фамилия)

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ

Целью дисциплины является формирование у студентов знаний об аргументативном процессе, видах аргументации, основных приемах, корректности и некорректности в процессе аргументации, особенностях аргументации ценностных суждений, особенностях спора как частного случая аргументации.

К числу задач курса основы теории аргументации относятся:

- овладение знаниями о понятии и предмете теории аргументации как науки о коммуникативном процессе;
- уяснение природы теории аргументации как основного инструмента в коммуникативном процессе;
- усвоение содержания и механизма построения основных видов аргументации, правил и ошибок, возможных в аргументации, правил корректности аргументативного процесса.

Требования к освоению дисциплины:

В результате изучения курса основы теории аргументации студент должен:

– знать:

основные формы аргументации, отличительные особенности различных видов аргументации, законы мышления, правила построения и способы доказательства и опровержения, способы построения и доказательства гипотез.

– уметь:

- применять полученные знания при изучении других дисциплин,

понимать роль науки в развитии цивилизации, соотношение науки и техники и связанные с ними современные социальные и этические проблемы, ценность научной рациональности и ее исторических типов, знать структуру, формы и методы научного познания, их эволюцию; ориентироваться в функциях, выполняемых различными элементами разговорного и научного языка в различных коммуникативно-познавательных ситуациях, эффективно использовать логические законы как средства познания, убеждения и средства контроля за правильностью самых разнообразных рассуждений,

- быть чувствительным к логическим противоречиям, умышленным и произвольным погрешностям в рассуждениях, недопустимым приемам в дискуссиях и спорах.

– владеть:

методами и приемами логического анализа;

уверенно и грамотно строить и анализировать аргументативный процесс; подбирать необходимые аргументы; чувствовать логические противоречия; умышленные и произвольные погрешности в рассуждениях; недопустимые приемы в дискуссиях и спорах и др.

2. МЕСТО КУРСА ОСНОВЫ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ООП ВПО.

ФТД.8 Курс «Основы теории аргументации» относится к циклу факультативных дисциплин, устанавливаемых ВУЗом. Изучается студентами в течение __3-^{го}__ семестра. Значение курса обусловлено местом и ролью основных законов мышления и коммуникативного процесса в цикле дисциплин ГСЭ. Учебный материал курса имеет межпредметные связи с дисциплинами, изучавшимися в рамках школьной программы: литературой, русским языком, математикой, а также дисциплинами, изучающимися в ВУЗе: философией, культурологией, этикой.

3. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ (040101.65)

Общая трудоемкость дисциплины составляет 44 час

№	Раздел дисциплины	Семестр	№ недели	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в час.)			Форма текущего контроля
				Лекции	Семинары	Самост. работа студентов	
1.	Виды аргументации.	3	1-10	10	8	2	Тест.
2.	Корректные и некорректные приемы и методы аргументации.	3	11-14	4	6	2	Тест
3.	Искусство спора.	3	15-18	4	4	4	Тест
	Итого час. 44			18	18	8	

3. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ (040100.62)

Общая трудоемкость дисциплины составляет 94 час

№	Раздел дисциплины	Семестр	№ недели	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в час.)			Форма текущего контроля
				Лекции	Семинары	Самост. работа студентов	
1.	Виды аргументации.	5	1-10	10	8	18	Тест.
2.	Корректные и некорректные приемы и методы аргументации.	5	11-14	4	6	20	Тест
3.	Искусство спора.	5	15-18	4	4	20	Тест
	Итого час. 94			18	18	58	

Итоговая форма контроля – зачет.

4. СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛОВ И ТЕМ ДИСЦИПЛИНЫ

Лекционный курс.

Раздел 1..

Тема 1. Убедительные основания. Что такое аргументация. Структура и субъекты аргументативного процесса. Поля аргументации, содержание и согласование полей аргументации. Графические схемы структуры аргументации. Основные стадии процесса аргументации. Важнейшие методы аргументации. Принцип достаточного обоснования. Абсолютное и сравнительное обоснование.

Тема 2 Эмпирическая аргументация. Прямое подтверждение. Подтверждение следствий. Факты как примеры. Факты как иллюстрации.

Тема 3. Теоретическая аргументация. Дедуктивное обоснование. Системная аргументация. Опровержимость и проверяемость. Условие совместимости. Методологическая аргументация. Границы обоснования.

Тема 4. Контекстуальная аргументация. Традиция и авторитет. Интуиция и вера. Здравый смысл и вкус.

Тема 5. Аргументация и ценности. Ценности и эпистемология. Описание и оценка. Многообразие оценок. Квазиэмпирическое обоснование оценок. Теоретическое обоснование оценок. Контекстуальные аргументы. Принцип морали.

Раздел 2

Тема 6. Корректные приемы. Многообразный мир проблем. Явные проблемы. Неявные проблемы.

Тема 7. Некорректная аргументация. Некорректные доказательства. «Есть» и «должен». Стандартные некорректные аргументы.

Раздел 3

Тема 8. Спор как частный случай аргументации. Корректные приемы спора. Некорректные приемы спора.

Тема 9. Споры об истине и споры о ценностях. Четыре разновидности споров. Общие требования к спору. Стандартные приемы НЛП в споре.

Семинарские занятия:

- 1, 2 Определение логических ошибок в текстах, определение видов аргументации (доказательство, опровержение).
- 3, 4 Анализ речей известных политических деятелей.
- 5, 6 Анализ речей известных русских юристов второй половины 19в.
7. Анализ речи И. Резника.
8. Анализ речи А. Меня.
9. Деловая игра по сюжету материалов дел, находящихся в реальном рассмотрении.

Темы докладов

1. Теория аргументации как наука об убеждении
2. Контекстуальная аргументация.
3. Некорректная аргументация.
4. Значение аргументации в обыденной жизни и профессиональной деятельности человека.
5. Анализ и оценка аргументативного дискурса.
6. Многообразие моделей аргументации.
7. Аргументация как деятельность человека.
8. Возникновение парадоксов в теории аргументации, деятельности и науке.
9. Софизмы и софистические приемы доказательства в теории аргументации.
10. Роль эристики в современной аргументации.
11. Несостоятельность теории «основных» законов логики.
12. Логика абсолютных и сравнительных оценок.
13. Логика норм.

14. Логика причинности
15. Паранепротиворечивая логика.
16. Логика времени.
17. Логика изменения.
18. Доказательство и опровержение.
19. Индуктивное обоснование оценок.
20. Применение аналогии в науке и технике. Особенности применения аналогии в правовом процессе.
21. Софизм как интеллектуальное мошенничество.
22. Софизмы как особая форма постановки проблем.
23. Софизмы в античной философии и логике.
24. Роль софизмов в становлении логики.
25. Логические ошибки в софизмах.
26. Апории Зенона и их современное истолкование.
27. Понятие логического парадокса.
28. Парадокс «Лжец».
29. Парадокс Рассела.
30. Парадокс «Протагор и Еватл».
31. Роль парадоксов в развитии логики.
32. Перспективы разрешения парадоксов.
33. Разграничение языка и метаязыка.
34. Устранение и разрешение парадоксов.

5. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА (040101.65)

№	Раздел дисциплины	Вид (форма) самостоятельной работы	Трудоемкость в часах
1.	Виды аргументации.	Подготовка к семинарскому занятию (конспектирование теоретических вопросов, чтение заданных текстов, составление плана ответа)	2
2.	Корректные и некорректные приемы и методы аргументации.	Подготовка к семинарскому занятию (конспектирование теоретических вопросов, чтение заданных текстов, составление плана ответа)	2
3.	Искусство спора.	Подготовка к семинарскому занятию (конспектирование теоретических вопросов, чтение заданных текстов, подготовка к деловой игре)	4
	Итого:		8

5. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА (040100.62)

№	Раздел дисциплины	Вид (форма) самостоятельной работы	Трудоемкость в часах
1.	Виды аргументации.	Подготовка к семинарскому занятию (конспектирование теоретических вопросов, чтение заданных текстов, составление плана ответа)	18
2.	Корректные и некорректные приемы и методы аргументации.	Подготовка к семинарскому занятию (конспектирование теоретических вопросов, чтение заданных текстов, составление плана ответа)	20
3.	Искусство спора.	Подготовка к семинарскому занятию (конспектирование теоретических вопросов, чтение заданных текстов, подготовка к деловой игре)	20
	Итого:		58

6. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В процессе преподавания и изучения студентами курса логики используются следующие образовательные технологии: неимитационные активные инновационные методы обучения (проблемная лекция, лекция визуализация и др.), активные и интерактивные формы проведения занятий (групповые дискуссии, ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, деловые игры): Раздел 2 тема 6.7 (6ч); раздел3 тема 8.9(4ч.); удельный вес активных и интерактивных форм проведения занятий составляет 23%.

7. ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ ТЕКУЩЕГО КОНТРОЛЯ УСПЕВАЕМОСТИ, ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ ПО ИТОГАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

В процессе проведения семинарского занятия оценивается степень подготовленности отдельных студентов по заданной теме:

- наличие полного конспекта;
- овладение терминологией (словарные диктанты);
- развернутые устные и письменные ответы, освоение важных моментов темы (тестирование);
- аналитика заданных текстов (речей классиков юристов).;
- реферирование дополнительной литературы;
- подготовка докладов;
- подготовка и участие в деловой игре.

Образец теста для промежуточного контроля.

1. Логическая операция, обоснования каких-либо суждений, в которой наряду с логическими применяются так же речевые, эмоционально-психологические и другие

внелогические методы и приемы убеждающего воздействия, называется:

- а) суждением; б) умозаключением; в) аргументацией; г) гипотезой;
- д) модальным суждением.

2. Структура доказательства включает в себя: 1) тезис; 2) демонстрацию; 3) аргументы; 4) поля аргументации; 5) субъекты аргументации.

- а) 1, 2, 3; б) 4, 5; в) 4; г) 5; д) 1, 3.

3. Правила, относящиеся к аргументам, включают:

- а) аргументы должны быть истинными суждениями;
- б) истинность аргументов устанавливается независимо от тезиса;
- в) аргументы не должны противоречить друг другу;
- г) аргументов должно быть достаточно для обоснования тезиса;
- д) все перечисленные варианты.

4. Логическая связь между аргументами и тезисом называется:

- а) тезисом; б) аргументами; в) демонстрацией; г) доказательством; д) нет верных вариантов.

5. Обоснование тезиса путем установления ложности противоречащего ему допущения (антитезиса) называется:

- а) индуктивным обоснованием; б) обоснованием в форме аналогии;
- в) апагогическим обоснованием; г) разделительным обоснованием; д) прямым обоснованием.

6. Выдвинутое пропонентом суждение, которое он обосновывает в процессе аргументации, называется:

- а) демонстрацией; б) гипотезой; в) тезисом; г) аргументами;
- д) антитезисом.

7. Правила и ошибки в аргументации делятся на:

- а) две группы; б) четыре группы; в) три группы; г) семь групп;
- д) нет верных вариантов.

8. К субъектам аргументации относятся:

- а) пропонент; б) оппонент; в) аудитория; г) все перечисленные варианты;
- д) нет верных вариантов.

9. Исходные теоретические или фактические положения, с помощью которых обосновывают тезис, называются:

- а) гипотезой; б) демонстрацией; в) аргументами; г) доказательством;
- д) нет верных вариантов.

10. Выделите тезис и аргументы в следующем рассуждении: (а) Каждый отличник получает повышенную стипендию. (б) Студент Петров получает повышенную стипендию, (в) так как он отличник.

- а) а – тезис, б, в – аргументы; б) в – тезис, а, б – аргументы;
- в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов;
- г) б – тезис, а, в – аргументы; д) нет верных вариантов.

11. Какая ошибка содержится в аргументации «Это пьяница, посмотрите, какой у него красный нос»?

- а) необоснованный аргумент; б) в рассуждении нет никакой ошибки;
- в) круг в аргументации; г) отсутствие логической связи между тезисом и аргументами; д) это вообще не рассуждение.

12. Рассуждение, в ходе которого показывается ложность или несостоятельность положений, взятых в качестве доказательства некоторого тезиса, это:

- а) критика аргументов; б) доказательство; в) опровержение тезиса; г) критика демонстрации; д) критика тезиса.

13. Известный адвокат Ф.Н. Плевако как-то защищал на суде укравшую грошовый чайник старушку. Прокурор решил в обвинительной речи перечислить все возможные аргументы,

которыми мог воспользоваться Плевако: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не только сострадание, но и жалость. Но – частная собственность священна, и если мы позволим людям потрясать ее, страна погибнет. Поднялся Плевако: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России. Печенег терзали ее, половцы, татары, поляки... Дванадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия... Но теперь... Старушка украла чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет»...

Какую уловку применил Плевако?

а) аргумент к человеку; б) аргумент к публике; в) аргумент к жалости; г) аргумент к невежеству; д) аргумент к авторитету.

14. Найдите тезис и аргументы в следующем высказывании:

“(а) Воздержанность и труд – вот два истинных врача человека: (б) труд обостряет его аппетит, а (в) воздержанность мешает злоупотреблять им” (Ж.-Ж. Руссо):

а) а – тезис, б, в – аргументы; б) в – тезис, а, б – аргументы; в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов; г) б – тезис, а, в – аргументы; д) нет верных вариантов.

15. Прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства – это:

а) вера; б) интуиция; в) вкус; г) здравый смысл; д) нет верных вариантов.

16. К выражениям оценочного характера относятся:

а) стандарты; б) образцы; в) идеалы; г) все перечисленные варианты; д) нет верных вариантов

17. Способы обоснования оценок, через различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценки и заключение которых также являются оценками называются:

а) контекстуальными; б) индуктивными; в) дедуктивными; г) эмпирическими; д) квазиэмпирическими.

18. Аргументация, неотъемлемым элементом которой является ссылка на опыт, на эмпирические данные называется:

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

19. Факт или частный случай, призванный укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного и принятого общего положения это:

а) иллюстрация; б) образец; в) идеал; г) пример; д) нет верных вариантов.

20. Выведение обосновываемого положения из других, ранее принятых утверждений это:

а) дедуктивная аргументация; б) индуктивная аргументация, в) аргументация в форме аналогии; г) контекстуальная аргументация; д) нет верных вариантов.

21. Обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в хорошо обоснованную систему утверждений или теорию называется:

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

22. Анонимная, стихийно сложившаяся система образцов, норм, правил, которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей называется:

а) авторитетом; б) традицией; в) здравым смыслом; г) вкусом; д) верой.

23. Ситуация, практическая или теоретическая, которая не имеет соответствующего обстоятельствам решения и поэтому заставляет остановиться и задуматься называется:

а) проблемой; б) гипотезой; в) риторикой; г) полемикой; д) дискуссией.

24. Попытка опереться на мнения, чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами называется:

а) аргумент к личности; б) аргумент к аудитории; в) аргумент к массам; г) аргумент к тщеславию; д) аргумент к человеку.

25. Найдите тезис и аргументы в следующем высказывании:

“(а) Смерть для человека – ничто, так как (б) когда мы существуем, смерть еще не существует, а (в) когда смерть присутствует, тогда мы не существуем” (Эпикур).

а) а- тезис, б, в- аргументы. б) в- тезис, а, б- аргументы в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов г) б – тезис, а, в – аргументы д) нет верных вариантов.

Образец теста для итогового контроля.

1. К субъектам аргументативного процесса относятся:

а) пропонент; б) оппонент; в) аудитория; г) все перечисленные варианты; д) поля аргументации.

2. Аргументация, неотъемлемым элементом которой является ссылка на опыт, на эмпирические данные называется:

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

3. Факт или частный случай, призванный укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного и принятого общего положения это:

а) иллюстрация; б) образец; в) идеал; г) пример; д) нет верных вариантов.

4. Выведение обосновываемого положения из других, ранее принятых утверждений это:

а) дедуктивная аргументация; б) индуктивная аргументация, в) аргументация в форме аналогии; г) контекстуальная аргументация; д) нет верных вариантов.

5. Обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в хорошо обоснованную систему утверждений или теорию называется:

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

6. Искусство ведения спора называется:

а) риторикой; б) эристикой; в) аргументацией; г) дискуссией; д) полемикой.

7. Анонимная, стихийно сложившаяся система образцов, норм, правил, которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей называется:

а) авторитетом; б) традицией; в) здравым смыслом; г) вкусом; д) верой.

8. Ситуация, практическая или теоретическая, которая не имеет соответствующего обстоятельствам решения и поэтому заставляет остановиться и задуматься называется:

а) проблемой; б) гипотезой; в) риторикой; г) полемикой; д) дискуссией.

9. Попытка опереться на мнения, чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами называется:

а) аргумент к личности; б) аргумент к аудитории; в) аргумент к массам; г) аргумент к тщеславию; д) аргумент к человеку.

10. Найдите тезис и аргументы в следующем высказывании:

“(а) Смерть для человека – ничто, так как (б) когда мы существуем, смерть еще не существует, а (в) когда смерть присутствует, тогда мы не существуем” (Эпикур).

а) а- тезис, б, в- аргументы. б) в- тезис, а, б- аргументы в) рассуждение вообще не является аргументацией и не содержит ни тезиса, ни аргументов г) б – тезис, а, в – аргументы д) нет верных вариантов.

11. Угроза неприятными последствиями, и в частности угроза применения насилия или прямое употребление каких - либо средств принуждения это:

а) аргумент к незнанию; б) аргумент к силе; в) аргумент к жалости; г) аргумент к авторитету; д) аргумент к личности.

12. Спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приемы спора называется:

а) полемикой; б) дискуссией; в) эклектикой; г) софистикой; д) нет верных вариантов.

13. Спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приемы называется:

а) полемикой; б) дискуссией; в) эклектикой; г) софистикой; д) нет верных вариантов.

14. Аргументация о принадлежности определенного признака предмету на основе того, что сходный с ним иной предмет обладает этим признаком называется;

а) индуктивной аргументацией; б) дедуктивной аргументацией; в) аргументацией по аналогии; г) проблематическим умозаключением; д) нет верных вариантов.

15. Аргументация, опирающаяся на рассуждение и не пользующаяся непосредственно ссылками на опыт называется:

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) методологической аргументацией.

16. Факт или частный случай, используемый в качестве отправного пункта для последующего обобщения и для подкрепления сделанного обобщения это:

а) пример; б) образец; в) идеал; г) иллюстрация; д) нет верных вариантов.

17. Спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов называется:

а) полемикой; б) дискуссией; в) эклектикой; г) софистикой; д) нет верных вариантов.

18. Ассертивы это:

а) утверждающие речевые акты; б) речевые акты, содержащие просьбу или вопрос; в) речевые акты, содержащие обещание, соглашение, одобрение; г) речевые акты, в которых выражаются поздравление, соболезнование; д) речевые акты, с помощью которых отражается определенное состояние дел, совпадающее с содержанием утверждения;

19. Директивы – это:

а) утверждающие речевые акты; б) речевые акты, содержащие просьбу или вопрос; в) речевые акты, содержащие обещание, соглашение, одобрение; г) речевые акты, в которых выражаются поздравление, соболезнование; д) речевые акты, с помощью которых отражается определенное состояние дел, совпадающее с содержанием утверждения;

20. Комиссивы – это:

а) утверждающие речевые акты; б) речевые акты, содержащие просьбу или вопрос; в) речевые акты, содержащие обещание, соглашение, одобрение; г) речевые акты, в которых выражаются поздравление, соболезнование; д) речевые акты, с помощью которых отражается определенное состояние дел, совпадающее с содержанием утверждения;

21. Экспрессивы – это:

а) утверждающие речевые акты; б) речевые акты, содержащие просьбу или вопрос; в) речевые акты, содержащие обещание, соглашение, одобрение; г) речевые акты в которых выражаются поздравление, соболезнование; д) речевые акты, с помощью которых отражается определенное состояние дел, совпадающее с содержанием утверждения;

22. Декларативы – это:

а) утверждающие речевые акты; б) речевые акты, содержащие просьбу или вопрос; в) речевые акты, содержащие обещание, соглашение, одобрение; г) речевые акты в которых выражаются поздравление, соболезнование; д) речевые акты, с помощью которых отражается определенное состояние дел, совпадающее с содержанием утверждения;

23. Обоснование оценочных суждений посылками заключением которого являются также оценочные суждения называются

а) теоретической аргументацией; б) эмпирической аргументацией; в) контекстуальной аргументацией; г) системной аргументацией; д) квазиэмпирической аргументацией.

24. Поведение лица или группы лиц, которому надлежит следовать это:

а) пример; б) образец или идеал; в) авторитет; г) норма; д) традиция.

25. Неумеренная похвала противнику в споре в надежде, что, тронутый комплиментами, он станет мягче и покладистой представляет собой:

а) аргумент к незнанию; б) аргумент к силе; в) аргумент к жалости; г) аргумент к тщеславию; д) аргумент к личности.

Вопросы к зачету

1. Структура доказательства. Поля аргументации. Согласование полей аргументации.
2. Способы доказательства.
3. Чем отличаются косвенные доказательства от доказательств прямых? На какой основной закон опираются в косвенных доказательствах?
4. Опровержение. Понятие опровержения, виды, структура.
5. Правила доказательства и опровержения.
6. Ошибки, возникающие при нарушении правил в доказательствах и опровержениях. Виды ошибок.
7. Абсолютное и сравнительное обоснование.
8. Основные функции языка.
9. Принцип достаточного основания.
10. Эмпирическая аргументация.
11. Дедуктивное обоснование.
12. Системная аргументация.
13. Опровержимость и проверяемость.
14. Методологическая аргументация.
15. Контекстуальная аргументация.
16. Ценности и эпистемология.
17. Описание и оценка.
18. Квазиэмпирическое обоснование оценок.
19. Теоретическое обоснование оценок.
20. Контекстуальные аргументы. Принципы морали.
21. Объяснение и понимание в аргументации.
22. Проблемные ситуации в аргументации.
23. Некорректная аргументация. Стандартные некорректные аргументы.
24. Спор как частный случай аргументации.
25. Корректные приемы спора.
26. Некорректные приемы спора.
27. Четыре разновидности споров.
28. Общие требования к спору.
29. Психология спора
30. Стандартные приемы НЛП в аргументации

8. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

а) основная литература

1. Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации: учеб пособие/ И.А. Герасимова.-2^{-е} изд.-М.: Логос 2010.- 312с. (ЭБС Университетская библиотека online)

2. Кириллов В.И. Логика: учеб./ В.И. Кириллов, А.А. Старченко/ М.: Проспект, 2009, 2010.- 256с.

б) дополнительная литература:

1. Коренная О.Б. Основы теории аргументации: материалы к курсу. Благовещенск, АмГУ 2008.-156с.

в) периодические издания:

1. Вестник Московского университета. Сер.7 «Философия»
2. Вопросы философии.
3. Общественные науки и современность.
4. Социально-гуманитарные знания.
5. Философские науки.
6. Философия и общество.

г) программное обеспечение и интернет-ресурсы:

№	Наименование ресурса	Краткая характеристика.
1	Электронная библиотечная система «Университетская библиотека – online» www.biblioclub.ru	ЭБС по тематике охватывает всю область гуманитарных знаний и предназначена для использования в процессе обучения в высшей школе, как студентами и преподавателями, так и специалистами-гуманитариями.
2	http://elibrary.ru	Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU – это крупнейший российский информационный портал в области науки, технологии, медицины и образования, содержащий рефераты и полные тексты более 14млн. научных статей и публикаций. На платформе eLIBRARY.RU доступны электронные версии более 2500 российских журналов, в том числе 1300 журналов в открытом доступе.
3	http://e.lanbook.com	Электронная библиотечная система (Лпань) – это ресурс, включающий в себя как электронные версии книг издательства «Лань», и других ведущих издательств учебной литературы, так и электронные версии периодических изданий по естественным, техническим и гуманитарным наукам

9. МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Для чтения лекций, проведения семинаров и дополнительных форм работы со студентами (работа секции научной студенческой конференции, заседания философского клуба) на кафедре философии имеется *мультимедийная установка*.

10. РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

Соотношение видов рейтинга

№	Вид рейтинга	Весовой коэффициент, %
1.	Стартовый	30
2.	Текущий	50
3.	Итоговый	20
	Всего по дисциплине	100

Соотношение видов учебной деятельности студента в рамках текущего рейтинга

№	Вид учебной деятельности	Весовой коэффициент, % (макс.)
1.	Посещение занятий	10
2	Опрос	30
3	Подготовка аналитики текстов	30
4	Подготовка и участие в деловых играх	30
Итого		100

Краткое содержание лекционного курса Тема. Убедительные основания

1. Что такое аргументация.
2. Принципы достаточного основания.
3. Абсолютное и сравнительное обоснование.
4. Основные функции языка.

Цели и задачи:

Дать понятие аргументации, разобрать принципы достаточного основания; дать характеристику и отличительные черты сравнительного и абсолютного обоснования; охарактеризовать основные функции языка.

Ключевые вопросы: Что такое убедительные основания? Что называется аргументацией? Кто является субъектами аргументативного процесса? Какова их роль в процессе доказывания? Что такое поля аргументации? Как согласуются поля аргументации? Какие стадии проходит процесс аргументации? Что такое метод аргументации? Как понимается и формулируется принцип достаточного обоснования? В чем отличие абсолютного и сравнительного обоснования? Что такое функции языка? Какова роль каждой из них в процессе аргументации?

1. Что такое аргументация

Аргументация – это приведение доводов с целью изменить позицию или убеждения другой стороны.

Довод, или аргумент представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначен для поддержки **тезиса аргументации** – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений.

Классическая структура аргументации включает в себя: **тезис** – обосновываемое утверждение, **аргументы** – теоретические и (или) фактические данные, подтверждающие истинность тезиса, и **демонстрацию** – логическую связь между аргументами и тезисом. Графически схему аргументации можно представить следующим образом:

- демонстрация

Словом «аргументация» часто называют не только процедуру приведения аргументов в поддержку какого-то положения, но и саму совокупность таких аргументов. Теория аргументации исследует многообразные способы убеждения аудитории с помощью речевого воздействия. Эта теория анализирует и объясняет открытые механизмы «незаметного искусства» речевого воздействия в рамках самых разных коммуникативных систем – от научных доказательств до политической пропаганды, художественного языка и торговой рекламы.

Влиять на убеждения слушателей или зрителей можно не только с помощью речи и словесно выраженных доводов, но и многими другими способами: жестом, мимикой, наглядными образами и т.п. Даже молчание в определенных случаях оказывается достаточно веским аргументом. Эти способы воздействия на убеждения изучаются психологией, теорией искусства и др., но не затрагиваются теорией аргументации.

Аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения. Она обращается в первую очередь к разуму человека, который способен принять или отвергнуть это мнение.

Таким образом, для аргументации характерны следующие черты:

1. Аргументация всегда *выражена в языке*, имеет форму произнесенных или написанных утверждений; теория аргументации исследует взаимосвязь этих утверждений, а не те мысли, идеи, мотивы, которые стоят за ними.

2. Аргументация является *целенаправленной* деятельностью: она имеет своей задачей усиление или ослабление чьих-то убеждений.

3. Аргументация – это *социальная* деятельность, поскольку она направлена на другого человека или других людей, предполагает *диалог* и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы.

4. Аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать.

Участники аргументации называются субъектами аргументативного процесса. Обязательными участниками, или субъектами аргументативного процесса являются: проponent (протагонист), оппонент и аудитория (реципиент).

Пропонентом (S_1) называют участника, выдвигающего и отстаивающего определенное положение. Без проponentа нет аргументативного процесса, поскольку спорные вопросы не возникают сами по себе, они должны быть кем-то сформулированы и поставлены на обсуждение. Пропонент может выражать свою личную позицию либо представлять коллективное мнение – научной школы, партии, религиозного сообщества, трудового коллектива, обвинения.

Оппонентом (S_2) называют участника, выражающего несогласие с позицией проponentа. Оппонент может непосредственно присутствовать и лично участвовать в обсуждении, но может и не быть непосредственным участником аргументативного процесса. Оппонент – это не всегда явный и персонифицированный участник обсуждения. Бывают выступления, когда присутствующие не возражают проponentу, однако в аудитории находится неявный оппонент, который в последствии может выступить с возражениями.

Аудитория (S_3) – коллективный субъект аргументативного процесса, поскольку как проponent, так и оппонент видят главную цель обсуждения не только и не столько в переубеждении друг друга, сколько в завоевании на свою сторону аудитории. Поэтому аудиторию нельзя рассматривать как пассивную массу. Она имеет свое лицо, свои взгляды и свои коллективные убеждения, – это социум, выступающий основным объектом

аргументативного воздействия. Аудитория может (и часто выражает) свое согласие или несогласие с позицией ведущих участников – проponenta и оппонента.

2. Принципы достаточного основания

Искусство аргументации включает многие компоненты. Но наиболее важным, соединяющим все другие, является умение рассуждать обоснованно, подкреплять свои выдвигаемые положения убедительными аргументами.

Обоснованность знания – одно из наиболее важных требований, предъявляемых к теоретическому мышлению. Понятие *обоснования* – центральное в теории познания вообще и в методологии научного познания в частности.

В каждой конкретной научной дисциплине исторически складываются свой уровень точности и доказанности. Но к какой бы области знания ни относилось то или иное положение – идет ли речь о математике или этике, - всегда предполагается, что имеются *достаточные основания*, в силу которых данные положения принимаются или считаются истинными.

Требование обоснованности предъявляются и к практическому мышлению, однако здесь эти требования имеют несколько ослабленную форму. Но и в практическом мышлении выдвигаемые идеи должны поддерживаться достаточно отчетливыми и убедительными аргументами, хотя сам характер аргументации в рамках практического мышления существенно меняется. Требование обоснованности относится и к повседневному знанию. При всей неточности и аморфности повседневное знание также должно опираться на определенные, относительно надежные основания.

Требование обоснованности знания иногда называют принципом достаточного основания. Впервые его в явном виде сформулировал Г. Лейбниц. Однако вопрос об обоснованности рассуждения был поставлен уже в период античности. Демокрит подчеркивал, что он физик ценит больше чем оратора, поскольку физик пытается найти и обосновать причину исследуемого явления, в то время как оратор больше заботится о внешней красоте речи. (Понятие «физик» употребляется в античном смысле, т.е. наблюдатель, исследователь). По мысли Лейбница, все существующее имеет достаточное обоснование для своего существования. В силу этого ни одно явление не может считаться действительным и ни одно утверждение истинным или справедливым без указания его основания. Если в основе всех *необходимых истин* лежит логический закон противоречия, считал Лейбниц, предпосылкой *всех фактических и случайных истин* выступает принцип достаточного основания.

В традиционной логике требование обоснованности знания называется законом достаточного основания, он рассматривается в логике как один из основных формально логических законов (наряду с законом противоречия, исключенного третьего и законом тождества). Требование достаточного основания обычно распространялось на все суждения, но иногда делалось исключение для суждений непосредственного опыта и выводные суждения, уже обоснованные посредством доказательств, они сами могут выступать достаточным основанием. Вопрос о том, как обосновываются эти «конечные элементы» (аксиомы или определения), обычно оставался открытым.

3. Абсолютное и сравнительное обоснование

Все многообразные способы обоснования, обеспечивающие в конечном счете достаточные основания для принятия утверждения, условно можно разделить на абсолютные и сравнительные.

Абсолютное обоснование – это приведение убедительных, или достаточных оснований, в силу которых должно быть принято обосновываемое положение.

Сравнительное обоснование – это система убедительных доводов в поддержку того, что лучше принять обосновываемое положение, чем иное, противопоставляемое ему положение.

Абсолютное обоснование относится к отдельному утверждению и представляет собой совокупность доводов в его поддержку. Сравнительное обоснование касается пары

связанных между собой утверждений и является системой доводов в поддержку того, что должно быть принято (лучше принять) одно из утверждений, а не другое. Совокупность доводов, приводимых в поддержку обосновываемого положения, называется **основанием** обоснования.

Общая схема, или структура, абсолютного обоснования такова: «*А должно быть принято в силу С*»; Структура сравнительного обоснования такова: «*Лучше принять А, чем принять В в силу С*».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что абсолютное обоснование является *абсолютной оценкой* какого-то утверждения, взятого само по себе; сравнительное обоснование – это *сравнительная оценка*, связывающая между собой два утверждения.

Сравнительное обоснование обычно называется рационализацией. В условиях, когда абсолютное обоснование недостижимо, применяется сравнительное обоснование.

Иногда «хорошо» определяется через «лучше»; нечто является хорошим, когда его наличие лучше, чем его отсутствие.

Требования обоснования и рационализации (абсолютного и сравнительного обоснования) являются конкретизацией принципа достаточного обоснования, сформулированного Г.Лейбницем. Эти требования представляют собой два фундаментальных, описательно-оценочных принципа:

1.а) Оценка с точки зрения абсолютной обоснованности относится прежде всего к знанию, взятому в динамике, еще не сложившемуся и требующему каких-либо надежных оснований.

б) Оценка с точки зрения относительности обоснованности – это по преимуществу оценка знания, рассматриваемого в статике, как нечто уже сформировавшееся, устоявшееся и завершенное.

2. Первая оценка идет в русле аристотелевской традиции видеть мир, в том числе и реконструированный в рамках какой-то теории или концепции, как становление. Вторая оценка – продолжение платоновской традиции рассматривать мир как бытие, как нечто уже ставшее. Полная же оценка знания должна складываться из этих двух исключаящих и дополняющих друг друга оценок.

4. Основные функции языка

Наш обычный язык – полноправный соавтор всех наших мыслей и дел.

«Если бы не было речи, то не были бы известны ни зло, ни истина, ни ложь, ни удовлетворение и ни разочарование. Речь делает возможным понимание всего этого. Размышляйте над речью.» («Упанишады»).

Язык – это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания. Системность языка выражается в наличии в каждом языке помимо словаря, также синтаксиса и семантики. *Синтаксис* – это совокупность правил образования выражений языка и их преобразования. *Семантика* – множество правил придания значений выражениям языка. Каждый язык имеет также *прагматику*, определяющую отношение между языком и теми, кто его использует для общения и познания. Функции – это основные задачи, которые решаются с помощью языка в процессе коммуникации и познания.

Одной из специфических особенностей языка является его многофункциональность. В теории аргументации описание функций языка осуществляет теория речевых актов. Она приобрела известность в конце 20 столетия, хотя в ее основе лежат идеи, высказанные английским философом Дж. Остином еще в 1955г. В дальнейшем эти идеи были развиты и конкретизированы Дж. Сёрлем, П.Ф. Стросоном.

Объектом исследования речевых актов являются акты речи – произнесение говорящим предложений в ситуации непосредственного общения со слушающим. Теория развивает деятельностное представление о языке, что важно для теории аргументации, рассматривающей аргументацию как определенное рода взаимодействие говорящего и слушающего или слушающих. Теория речевых актов дает детальное описание внутренней структуры речевого акта – элементарного звена речевого общения. В этой теории субъект

речевой деятельности понимается не как абстрактный индивид, лишенный каких-либо качеств и целей, а как носитель ряда конкретных характеристик: психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). Сточки зрения теории речевых актов можно выделить следующие функции языка:

1. Ассертивы, утверждающие речевые акты (утверждение, заключение и предположение), являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий выражает свое мнение о чем-то. Он определенным образом делает себя ответственным за принятие пропозиции, он обязан дать доказательства ее приемлемости, если это оспаривается слушателем. Считается, что говорящий полагает, что его пропозиция точна. Основой ассертива является утверждение, с помощью которого говорящий гарантирует верность выраженного содержания. В критической дискуссии могут встречаться все типы ассертивных речевых актов. На стадии конфронтации (устанавливается, что существует спор, выдвигается точка зрения и подвергается сомнению) они могут выражать рассматриваемую точку зрения; на стадии аргументации – аргументы в защиту этой точки зрения (на стадии аргументации протагонист (пропонент) защищает свою точку зрения, а антагонист (оппонент) добивается от него дальнейшей аргументации, снимающей у него остающиеся сомнения); на заключительной стадии – исход дискуссии (на заключительной стадии устанавливается то, как разрешен спор, так как от точки зрения или сомнения, касающегося этой точки зрения, отказываются).

2. Директивы. Директивные речевые акты – такие как просьба, вопрос, приказание и рекомендации – являются речевыми актами, с помощью которых говорящий пытается заставить слушающего сделать что-то, выраженное в утверждаемом содержании речевого акта, или удержать его от этого. Согласно условию ответственности считается, что говорящий хочет, чтобы соответствующее действие произошло или не произошло. Только эти директивные речевые акты могут встречаться в критической дискуссии, которая требует, чтобы протагонист защищал свою точку зрения (стадия конфронтации) или привел аргументы в пользу своей точки зрения (стадия аргументации).

3. Комиссивы. Комиссивные речевые акты – такие как обещание, одобрение и соглашение, являются коммуникативными актами, с помощью которых говорящий обязуется совершить то, что выражено в пропозиции речевого акта, или удержаться от этого. Согласно условию ответственности считается, что говорящий выражает естественное намерение сделать все то, что он обещает. Комиссивные речевые акты могут выполнять несколько ролей в критической дискуссии. На стадии конфронтации и заключения они могут быть использованы для принятия или непринятия точки зрения; на стадии аргументации – для принятия или непринятия аргументов; на стадии открытия – для принятия вызова защищать свою точку зрения. В последнем случае они также могут использоваться для принятия решения начать дискуссию, для соглашения по распределению ролей и правил ее ведения и для соглашения по поводу того, как ее завершить. (На стадии открытия принимается решение попытаться разрешить спор с помощью регулируемого аргументированного обсуждения. Одна сторона принимает роль протагониста, что означает готовность защищать свою точку зрения с помощью аргументации; другая принимает роль антагониста, что означает стремление систематически критиковать высказываемую точку зрения. Обе стороны должны договориться о правилах дискуссии). На стадии заключения они могут использоваться для принятия решения о начале новой дискуссии.

4. Экспрессивы – это речевые акты, которые выражаются через поздравление, соболезнование и выражение радости, разочарования, гнева или сожаления. Они являются речевыми актами, с помощью которых говорящий выставляет напоказ свои чувства, касающиеся определенного события или положения дел. Согласно подготовительному условию то, что данное событие действительно произошло, принимается как должное. В соответствии с условием ответственности считается, что говорящий выразил свои эмоции в рамках речевого акта. Так как экспрессивные речевые акты выражают чувства говорящего и

не ведут ни к каким особым обязательствам, которые относятся к разрешению спора, они, как правило, не участвуют в критической дискуссии.

5. Декларативы – коммуникативные акты, с помощью которых говорящий отражает определенное состояние дел, которое совпадает с содержанием утверждения. Декларативы обычно употребляются в более или менее закреплённых контекстах – таких как ведение судебных процессов, собраний и религиозных церемоний, в которых всегда понятно, кому поручено совершить определённый декларатив. Следовательно, они не являются частью критической дискуссии. В лучшем случае они могут привести к урегулированию спора, но не к его разрешению.

Тема. Эмпирическая аргументация

1. Прямое подтверждение.
2. Подтверждение следствий.
3. Факты как примеры
4. Факты как иллюстрации

Цели и задачи:

Дать понятие прямого подтверждения и подтверждения следствий; рассмотреть факты как примеры, факты как иллюстрации; дать сравнительную характеристику отличительных признаков фактов как примеров и фактов как иллюстраций.

Ключевые вопросы: Что такое эмпирическая аргументация? В чем отличие прямого подтверждения от подтверждения следствий? Какую роль играет в аргументации факт как пример и факт как иллюстрация?

1. Прямое подтверждение.

Все многообразные виды аргументации можно разделить на эмпирические и теоретические.

Эмпирическая аргументация – это аргументация, в которой основным элементом является ссылка на опыт, на эмпирические данные.

Теоретическая аргументация – это аргументация, опирающаяся на рассуждение и не пользующаяся непосредственно ссылками на опыт.

Различие между эмпирической и теоретической аргументацией относительно, поскольку можно считать относительной саму границу между эмпирическим и теоретическим знанием. Нередки случаи, когда в одном и том же процессе аргументации соединяются вместе и ссылки на опыт, и теоретические рассуждения.

Основу приемов эмпирической аргументации составляют *способы эмпирического обоснования знания*, которые называются также (эмпирическим) подтверждением, или верификацией. Но нельзя эмпирическую аргументацию сводить только к подтверждению. В процессе аргументации эмпирические данные могут использоваться не только в качестве подтверждения. Так, примеры и иллюстрации, обычно играющие в аргументации заметную роль, не относятся к возможным способам эмпирического подтверждения. Кроме того, в аргументации ссылки на опыт могут быть и заведомо недобросовестными, что исключается самим смыслом понятия подтверждения. И эмпирическая аргументация, и ее частный – случай эмпирическое подтверждение могут строго применяться только для описательных утверждений.

Подтверждение может быть прямым, или непосредственным, и косвенным.

Прямое подтверждение – это непосредственное наблюдение тех явлений, о которых говорится в обосновываемом утверждении.

При косвенном подтверждении речь идет о подтверждении логических следствий обосновываемого утверждения, а не о прямом подтверждении самого утверждения.

Чувственный опыт человека – его ощущения и восприятия – источник знания, связывающий его с миром. Обоснование путем ссылки на опыт дает уверенность в истинности утверждений чувственного характера. Но, необходимо заметить, что у человека опыт всегда пронизан мышлением, без понятий и без примеси рассуждения он не способен

выразить даже самые простые свои наблюдения, зафиксировать самые очевидные факты. О теоретической нагруженности чувственного опыта говорили многие философы. К. Поппер считал, что такого явления как «чистый опыт», полученный в результате эксперимента или наблюдения просто не существует. Поппер подчеркивает, что вера, будто возможно начать научное исследование с одних чистых наблюдений, является абсурдной.

Идея «теоретической нагруженности» опыта стала складываться в начале XX в. О. Шпенглер, например, считал, что научный и повседневный опыт не только содержит в себе теоретическую составляющую, но всегда является выражением своеобразной и целостной культуры своего времени. Так, молния производит совершенно разное впечатление на животных и на наблюдающего за ней естествоиспытателя, но она по-разному воспринималась и людьми разных эпох.

Широко распространено суждение, что в аргументации, обосновании и опровержении утверждений главную и решающую роль играют факты, непосредственное наблюдение исследуемых объектов. Необходимо уточнить: использование верных и неоспоримых фактов – надежный и успешный способ обоснования. Противопоставление таких фактов ложным или сомнительным положениям – хороший метод опровержения. Действительное явление, событие, не согласующееся со следствиями какого-то универсального положения, опровергает не только эти следствия, но и само положение.

2. Подтверждение следствий.

В науке и на практике непосредственное наблюдение того, о чем говорится в проверяемом утверждении, редкость. Обычно эмпирическое подтверждение является индуктивным подтверждением, а эмпирическая аргументация имеет форму индуктивного умозаключения.

В зависимости от того, имеется ли в умозаключении связь логического следования между его посылками и заключением, различаются два вида умозаключений: дедуктивные и индуктивные. В дедуктивных умозаключениях связь между посылками и заключением опирается на закон логики, в силу чего заключение с логической необходимостью вытекает из посылок. Такое умозаключение всегда ведет от истинных посылок к истинному заключению. В индуктивных умозаключениях посылки и заключения не связаны между собой законом логики и заключение не следует логически из посылок. Достоверность посылок не гарантирует достоверности выводимого из них индуктивного заключения. Убедительность индуктивных обобщений зависит от числа приводимых случаев. Чем обширнее база индукции, тем более правдоподобным является заключение.

Основной распространенной ошибкой индуктивного обоснования можно считать *поспешное обобщение* – обобщение без достаточных на то оснований. Индуктивные обобщения всегда требуют известной осмотрительности и осторожности. Их убедительная сила невелика, особенно, если база индукции незначительна. Например: Софокл – драматург, Шекспир – драматург; Софокл и Шекспир – люди; следовательно, каждый человек – драматург.

Наиболее важным и вместе с тем, можно сказать, универсальным способом индуктивного подтверждения является выведение из обосновываемого положения логических следствий и их последующая опытная проверка. Подтверждение следствий оценивается при этом как свидетельство в пользу истинности самого положения.

Значение имеет не только количество следствий, но и их характер. Чем более неожиданные следствия какого-то положения получают подтверждение, тем более сильный аргумент они дают в его поддержку. И наоборот: чем более ожидаемо в свете уже получивших подтверждение следствий новое следствие, тем меньше его вклад в обоснование проверяемого положения.

Важность эмпирического обоснования невозможно переоценить. Обусловлено это тем, что конечным источником и критерием наших знаний выступает опыт.

3. Факты как примеры

Эмпирические данные могут использоваться в ходе аргументации в качестве примеров, иллюстраций и образцов. Выступая в качестве примера, факт или частный случай делает возможным обобщение; в качестве образца он побуждает к подражанию.

Пример – это факт или частный случай, используемый в качестве отправного пункта для последующего обобщения и для подкрепления сделанного обобщения. Чаще всего рассуждение, использующее примеры, протекает по схеме: «Если всякое S есть P , то S_1 есть P , S_2 есть P и т.д.; значит, всякое S есть P ». Это схема индуктивного (правдоподобного) рассуждения.

Примеры могут использоваться только для описательных обобщений, поэтому пример представляет собой описательное утверждение, говорящее о некотором факте, в то время как образец – это оценочное утверждение, относящееся к какому-то частному случаю и устанавливающее частный стандарт, идеал и т.п.

Цель примера – подвести к формулировке общего утверждения и в какой-то мере быть доводом в поддержку обобщения. С этой целью связаны критерии выбора примера.

1. Прежде всего избираемый в качестве примера факт или частный случай должен выглядеть достаточно ясным и неоспоримым.

2. Пример должен подбираться и формулироваться таким образом, чтобы он побуждал перейти от единичного или частного к общему, а не от частного к частному.

Рассуждение от частного к частному ведет от одной ситуации к другой, в то время как задача примеров – вести от индивидуальных или частных явлений к общему, резюмирующему их положению.

4. Факты как иллюстрации

Иллюстрация – это факт или частный случай, призванный укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного приятного общего положения.

Пример подталкивает мысль к новому обобщению и подкрепляет это обобщение. Иллюстрация проясняет известное общее положение, демонстрирует его значение с помощью целого ряда возможных применений, усиливает эффект его присутствия в сознании слушающего.

С различием задач примера и иллюстрации связано различие критериев их выбора. Пример должен выглядеть достаточно твердым, однозначно трактуемым фактом. Иллюстрация может вызывать небольшие сомнения, но она должна живо воздействовать на воображение слушателя, останавливая на себе внимание.

Обычная задача иллюстрации – облегчить понимание общего положения. Иллюстрация, конкретизируя общее положение с помощью частного случая усиливает эффект присутствия. На этом основании в ней иногда видят образ, живую картинку абстрактной мысли. Иллюстрация не ставит перед собой цель заменить абстрактное конкретным и тем самым перенести рассмотрение на другие объекты.

Неудачный пример ставит под сомнение то общее положение, которое, он призван подкрепить. Противоречащий пример способен даже опровергнуть это положение. Иначе обстоит дело с неудачной, неадекватной иллюстрацией. Общее положение, к которому она приводится, не ставится под сомнение, и неадекватная иллюстрация расценивается скорее как негативная характеристика того, кто ее применяет, свидетельствующая о непонимании им общего принципа или о его неумении подобрать удачную иллюстрацию.

Тема. Теоретическая аргументация

1. Дедуктивное обоснование.
2. Системная аргументация.
3. Проверимость и проверяемость.
4. Условие совместности.
5. Методологическая аргументация.

Цели и задачи:

Дать понятие теоретической аргументации; показать их разновидности и значение и задачи каждого вида теоретической аргументации; показать различные подходы к проблеме теоретической аргументации.

Ключевые вопросы:

Что такое теоретическая аргументация? Какова роль дедуктивного обоснования? В чем значение системной аргументации? Каковы признаки опровержимости и проверяемости? Каковы основные условия совместимости? Что представляет собой методологическая аргументация? Существуют ли границы обоснования?

Общие утверждения, научные законы, принципы и т.д. не могут быть обоснованы чисто эмпирически, путем ссылки только на опыт. Они требуют также теоретического обоснования, опирающегося на рассуждение. Без этого нет ни абстрактного теоретического знания, ни хорошо обоснованных убеждений.

1. Дедуктивное обоснование

Одним из важных способов теоретической аргументации является дедуктивная аргументация.

Дедуктивная аргументация – это выведение обосновываемого положения из иных, ранее принятых утверждений. Если выдвинутое положение удастся логически (дедуктивно) вывести из уже установленных положений, значит, оно приемлемо в той же мере, что и сами эти положения.

В обычных процессах аргументации фрагменты дедуктивного обоснования обычно предстают в очень сокращенной форме. Нередко результат дедукции выглядит как наблюдение, а не как итог рассуждения.

Обоснование одних утверждений путем ссылки на истинность или приемлемость других утверждений – не единственная функция, выполняемая дедукцией в процессах аргументации. Дедуктивное рассуждение служит также для **верификации** (косвенного подтверждения) утверждений: из проверяемого положения дедуктивно выводятся его эмпирические следствия; подтверждение этих следствий оценивается как возможный довод в пользу исходного положения. Дедуктивное рассуждение может использоваться также для **фальсификации** гипотез. В этом случае демонстрируется, что вытекающие из гипотез следствия являются ложными. Недостигшая успеха фальсификация данных представляет собой ослабленный вариант верификации. Цель аргументации при обсуждении спорных вопросов – формирование рационально обоснованных убеждений. Такие убеждения включают в себя как позитивные, так и негативные аспекты. Позитивная сторона – это информация о принимаемых идеях, негативная – отвергаемые идеи.

По способам обоснования тезиса дедуктивная аргументация делится на прямую и косвенную.

Прямым называют обоснование тезиса без обращения к конкурирующим с тезисом допущениям.

Дедуктивная аргументация может применяться самостоятельно либо в различных сочетаниях (с индуктивной аргументацией и (или) аргументацией по аналогии). Прямое обоснование тезиса может иметь форму простого категорического силлогизма, условно-категорического умозаключения, разделительно-категорического умозаключения, энтимемы и других видов дедуктивного умозаключения.

Косвенным называют обоснование тезиса путем установления ложности антитезиса или других конкурирующих допущений.

Конкурирующими с тезисом (Т) допущениями могут быть две их разновидности: (1) противоречащее тезису суждение, которое называется антитезисом ($\neg T$), (2) члены дизъюнкции в разделительном суждении, в котором тезис является одним из членов этой дизъюнкции: (TVAVB).

Различие в структуре конкурирующих допущений определяет два вида косвенного обоснования: (1) *апагогическое* и (2) *разделительное*.

(1) *Апагогическим* называют обоснование тезиса путем установления

ложности противоречащего ему допущения – антитезиса. Аргументация в этом случае строится в три этапа.

Первый этап: при наличии тезиса (**T**) выдвигают противоречащее ему положение – антитезис ($\neg T$); условно признают его истинным (допущение косвенного доказательства – ДКД) и выводят логически вытекающие из него следствия. Далее из условно принятого за истину антитезиса, как из допущения ($\neg T$), выводят логически вытекающее следствие (**C**). На схеме это можно представить в следующем виде:

$$\neg T \rightarrow C.$$

Второй этап: логически выведенные из антитезиса следствия сопоставляют с положениями, истинность которых ранее установлена (**F**). В случае же несовпадения отказываются от этих следствий. В качестве **F** могут быть достоверно выявленные факты, аксиоматические очевидности, научные данные. В случае несовместимости следствий с этими данными приоритет остается за истинными положениями, а логически выведенные из допущения следствия расцениваются как ложные:

$$\begin{array}{c} \vee \\ \underline{CVF, F} \\ \neg C \end{array}$$

Третий этап: из ложности следствий логически заключают о ложности допущения. Рассуждение протекает в форме отрицающего модуса условно-категорического умозаключения:

$$\begin{array}{c} \underline{\neg T \rightarrow C, \neg C} \\ \neg T \end{array}$$

В итоге из ложности допущения делают заключение на основе закона двойного отрицания об истинности тезиса **T**. Символически ход рассуждения на заключительном этапе можно представить в следующем виде:

$$\neg \neg T$$

T

Апагогический вид косвенного обоснования применяется лишь в том случае, если тезис и антитезис находятся **в отношении противоречия**, когда по закону исключенного третьего действует принцип: либо одно – либо другое, а третьего не дано. При других видах несовместимости, включая противоположность, апагогическое обоснование становится несостоятельным.

(2) **Разделительным** называют косвенное обоснование тезиса, выступающего членом дизъюнкции, путем установления ложности и исключения всех других конкурирующих членов дизъюнкции.

В отличие от апагогического в разделительном обосновании фигурируют не два (**T** и $\neg T$), а несколько положений – **T, B, C**, каждое из которых претендует на роль тезиса и полностью или частично исключает всё другое.

Обоснование тезиса строится в этом случае методом исключения. В процессе аргументации показывают несостоятельность всех членов дизъюнкции, кроме одного (**T**). Тем самым косвенно обосновывают истинность оставшегося тезиса. Рассуждение протекает в форме отрицающе-утверждающего модуса разделительно-категорического умозаключения:

$$\begin{array}{c} \underline{TVBVC, \neg B, \neg C} \\ T \end{array}$$

Разделительное обоснование состоятельно в том случае, если дизъюнктивное суждение является **полным**, или **закрытым**: $\langle TVBVC \rangle$.

Если же рассматриваются не все варианты решения, то метод исключения не обеспечивает достоверность тезиса, а дает лишь проблематичное заключение.

Разделительная аргументация, включая и доказательство, часто применяется в судебной-следственной практике при проверке версий относительно лиц, виновных в совершении того или иного преступления, при объяснении причин возникновения конкурирующих статей в процессе квалификации правонарушений и во многих других случаях.

2. Системная аргументация

Трудно указать утверждение, которое обосновывалось бы само по себе, в изоляции от других положений. Обоснование всегда носит системный характер. Включение нового положения в систему других положений, придающую устойчивость своим элементам, является одним из наиболее существенных шагов в его обосновании.

Системная аргументация – обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений, или теорию.

Аргументация, приводимая в поддержку какого-то утверждения, существенным образом зависит от связей этого утверждения с той системой утверждений или практикой, в рамках которой оно используется. Можно выделить пять типов утверждений, по-разному относящихся к практике их употребления:

- 1) утверждения, относительно которых не только возможно, но и разумно сомнение в рамках конкретной практики;
- 2) утверждения, в отношении которых сомнение возможно, но не является разумным в данном контексте (например, результаты надежных измерений; информация, полученная из надежного источника);
- 3) утверждения, не подлежащие сомнению и проверке в данном контексте под угрозой разрушения этого контекста;
- 4) утверждения, сделавшиеся стандартами оценки иных утверждений и потому не проверяемые в рамках данной практики, но допускающие проверку в других контекстах;
- 5) методологические утверждения, не проверяемые в рамках любой практики.

Важным способом обоснования теоретического утверждения является *внутренняя перестройка теории*, в рамках которой оно выдвинуто. Эта перестройка предполагает введение новых образцов, норм, правил, оценок, принципов, меняющих внутреннюю структуру как самой теории, так и утверждаемого ею «теоретического мира». Новое научное, теоретическое положение складывается в определенном теоретическом контексте. Контекст теории определяет конкретную форму выдвигаемого положения и возможные способы его последующего обоснования.

Среди способов прояснения теории особую роль играют выявление логических связей ее утверждений, минимизация ее исходных допущений, построение ее в форме аксиоматической системы и по возможности ее формализация. При аксиоматизации теории некоторые ее положения избираются в качестве исходных, а все остальные положения выводятся из них чисто логическим путем. Исходные положения называются **аксиомами** (постулатами), положения, доказываемые на их основе, – **теоремами**.

3. Опровержимость и проверяемость

Еще одним способом теоретического обоснования является *анализ утверждения с точки зрения возможности эмпирического его подтверждения*.

От научных положений требуется, чтобы они допускали принципиальную возможность своего опровержения и предполагали для этого определенные процедуры. Если этого нет, относительно выдвинутого положения нельзя сказать, какие ситуации и факты несовместимы с ним, а какие подтверждают его. Положение, в принципе не допускающее опровержения и подтверждения, оказывается вне конструктивной критики, оно не намечает никаких реальных путей дальнейшего исследования. Такое утверждение нельзя признать обоснованным. К. Поппер, например, отстаивал идею, что принципиальная опровержимость (фальсифицируемость) теории является критерием ее научности. Полное подтверждение теории невозможно, достижимо только частичное ее подтверждение. Но такое

подтверждение имеют и явно ненаучные концепции. Например, учение астрологов о влиянии звезд на судьбы людей при желании можно подтвердить большим количеством эмпирического материала. Положения, выдвинутые К. Поппером, можно свести к следующему:

1. Легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений.

2. Подтверждения должны приниматься во внимание только в том случае, если они являются результатом *рискованных предсказаний*, т. е. когда мы, не будучи осведомленными о некоторой теории, ожидали бы события, несовместимого с этой теорией, опровергающего данную теорию.

3. Каждая «хорошая» научная теория является некоторым запрещением: она запрещает появление определенных событий. Чем больше теория запрещает, тем она лучше.

4. Теория, не опровержимая никаким мыслимым событием, является ненаучной.

5. Каждая настоящая *проверка* теории является попыткой ее фальсифицировать, т. е. опровергнуть. Проверимость есть фальсифицируемость.

4. Условия совместимости.

Обоснованное утверждение должно находиться в согласии с фактическим материалом, на базе которого и для объяснения которого оно выдвинуто. Оно должно также соответствовать имеющимся в рассматриваемой области законам, принципам, теориям и т.п. Такое согласование называется **условием совместимости**. Являясь принципиально важным, условие совместимости не означает, что для каждого нового положения следует требовать полного приспособления к тому, что на сегодняшний день принято считать законом. Может случиться, что новое знание заставит иначе посмотреть на то, что принималось раньше, уточнить или даже отбросить что-то из старого знания. *Согласование с принятыми теориями разумно до тех пор, пока оно направлено на отыскание истины, а не на сохранение авторитета старой теории.*

Новая теория не обязательно противоречит предшествующим. Она может касаться только тех явлений, которые ранее не были известны. Или быть теорией более высокого уровня, связывающей воедино теории более низкого уровня.

Выдвигаемая гипотеза должна учитывать весь относящийся к делу фактический и теоретический материал. Она должна соответствовать ему. Но если конфликт все же имеет место, гипотеза должна быть в состоянии доказать несостоятельность того, что раньше принималось за твердо установленный факт или за доказанное теоретическое положение, либо она должна позволить по-новому взглянуть на исследуемые явления, на факты и их теоретическое осмысление.

Новое положение должно находиться в согласии не только с хорошо зарекомендовавшими себя теориями. Но и с определенными *общими принципами*, сложившимися в практике научных исследований.

Наиболее известный из них – *принцип простоты*. Согласно этому принципу при объяснении изучаемых явлений не должно быть много независимых допущений, а те, что используются, должны быть по возможности более простыми.

Еще одним принципом, часто используемым при оценке выдвигаемых предположений, является *принцип привычности* (консерватизма). Он рекомендует избегать неоправданной новизны и стараться объяснять новые явления с помощью известных законов.

Принцип универсальности предполагает проверку выдвинутого положения возможностью отнесения его к классу явлений, более широкому (родовому), чем тот, на основе которого оно первоначально сформулировано. Если утверждение, верное в какой-либо области, оказывается достаточно универсальным и ведет к новым заключениям не только в исходной, но и в смежных областях, его объективная значимость заметно возрастает. Расширение поля действия нового утверждения, его способность объяснять и предсказывать совершенно новые факты – особенно важный довод в его поддержку.

Подтверждение какого-то научного положения фактами и экспериментальными законами, существование которых до его выдвижения невозможно было даже предполагать, прямо говорит о том, что это положение отражает глубокое внутреннее родство изучаемых явлений.

Иногда утверждают, что красивая, внутренне согласованная теория не может быть неверной. В этой формулировке соединяются два других общих принципа, играющих важную роль в оценке новой теории: *принцип (требование) красоты и принцип логичности*. Согласно принципу красоты хорошая теория должна отличаться особым эстетическим впечатлением, элегантностью, ясностью, стройностью. Особую роль требование красоты играет в математике, меньшую – в естествознании и совсем малую – в гуманитарных науках.

Принципы простоты, привычности, универсальности, красоты и другие носят контекстуальный характер: их конкретизация зависит как от области знания, так и от стадии развития этого знания.

Новые научные утверждения не оцениваются с помощью универсальных и неизменных критериев. Принимаемые в науке правила обоснования, требование совместимости, общие принципы и стандарты адекватности не являются жесткими. Границы «научного метода» достаточно расплывчаты. Любое значительное изменение теории ведет к изменению совокупности тех методологических средств, которые в ней используются. Выводы даже естественной науки определяются не только физическим, но и социальным миром.

5. Методологическая аргументация.

Метод – это система предписаний, рекомендаций, предостережений, образцов и т.п., указывающих, как сделать что-то. Метод показывает прежде всего средства, необходимые для достижения определенной цели, но может содержать также характеристики, касающиеся самой цели. Метод регламентирует некоторую сферу деятельности и является совокупностью предписаний. Вместе с тем метод обобщает и систематизирует опыт действий в этой сфере. Являясь итогом и выводом из предшествующей практики, он описывает эту практику.

Методологическая аргументация – обоснование отдельного утверждения или целостной концепции путем ссылки на какой-либо надежный метод, с помощью которого получено обосновываемое утверждение или отстаиваемая концепция.

Возможности методологической аргументации различны в разных областях знания. Но это не значит, что необходимо выделять метод как единственную возможность обосновывать то или иное положение. Если содержание нашего знания определяется не независимой от него реальностью, а тем, что мы можем или хотим в ней увидеть, если истинность знания определяется не соответствием реальности, а соблюдением методологических канонов, то наука теряет объективность. Методологизм сводит научное мышление к системе устоявшихся, по преимуществу технических способов нахождения нового знания. Одновременно он отрывает науку от других сфер человеческой деятельности. В своих крайних вариантах методологизм склоняет к *субъективной* теории истины: истинно утверждение, полученное по определенным правилам и соответствующее определенным критериям. Эти правила и критерии могут относиться к происхождению или источнику знания, к его надежности или устойчивости, к его полезности, к силе убежденности или к неспособности мыслить иначе.

Методологические правила достаточно неустойчивы, они всегда имеют исключения. Особую роль в научном рассуждении играет *индукция*, связывающая наше знание с опытом. Но индукция не имеет ясных правил. Ни одно наблюдение не может давать необходимых выводов, а значит, не всегда обобщение, выведенное из истинных и даже часто повторяющихся наблюдений, будет истинно. Понимая методологизм предельно широко, можно выделить три его версии, различающиеся по своей силе:

1) Старый методологизм (Р. Декарт, Э. Кант и др.): **существуют** универсальные, значимые всегда и везде правила и методы научного исследования;

2) Контекстуальный методологизм: правила зависят от контекста исследования, **никакое из них не являются универсальными**, но имеются универсальные условные суждения и соответствующие им *условные правила*, предписывающие в определенной ситуации определенное действие;

3) Не только абсолютные, но и условные правила и образцы имеют свои пределы, так что даже контекстуально определенные правила могут иногда приводить к отрицательным результатам.

Методологизму противостоит **антиметодологизм**, согласно которому все методологические правила всегда бесполезны и должны быть отброшены.

Характерным примером третьей позиции является так называемый «методологический анархизм» П. Фейерабенда, который выражается принципом: «Все дозволено».

Фейерабэнд утверждал, что всякое методологическое правило, даже самое очевидное для здравого смысла, имеет границы, за которыми его применение неразумно и мешает развитию науки. Методологические правила нужны и всегда помогают исследователю: ученый, преступивший некоторую норму, руководствуется при этом другой нормой, так что какие-то нормы есть всегда. Проблема не в том, какие нормы и стандарты методологии признавать, а какие – нет. Проблема в отношении к методологическим предписаниям и в их использовании. В некоторых ситуациях одни методологические нормы могут быть заменены другими, даже противоположными. Ученый – человек своего времени и своей среды, он использует те аргументы, которые характерны для этого времени и которые могут быть восприняты его средой. Научная аргументация, как и всякая иная, должна учитывать свою *аудиторию*. Однако ученый, проводящий исследование, руководствуется прежде всего правилами, входящими в основу методологических требований. Лишь неудача в применении стандартных правил заставляет его обращаться к тому, что противоречит существующим образцам. Ученый начинает также со стандартных приемов корректной аргументации и старается не отступать от них до тех пор, пока к этому его не вынудят обстоятельства, в частности, аудитория. Научный метод не содержит правил, в принципе не допускающих исключений. Все его правила условны и могут нарушаться, даже при выполнении условия.

Тема. Контекстуальная аргументация

1. Традиция и авторитет.
2. Интуиция и вера.
3. Здравый смысл и вкус.

Цели и задачи:

Разобрать контекстуальную аргументацию; показать ее возможности и значение; охарактеризовать основные используемые аргументы в контекстуальной аргументации.

Ключевые вопросы:

Что называется контекстуальная аргументация? Что называется традицией? То понимается под авторитетом? В чем значимость ценности, интуиция? В чем отличие рациональной вера от иррациональной? В чем значимость здравый смысла? Каково соотношение понятий вкус и мода?

В зависимости от того, на какую **аудиторию** распространяется воздействие аргументации, все способы аргументации можно разделить на универсальные и контекстуальные.

Универсальная аргументация применяется в любой аудитории.

К универсальным способам аргументации относятся рассмотренные ранее прямое подтверждение, косвенное эмпирическое подтверждение (в частности, подтверждение следствий), многообразные способы теоретической аргументации: дедуктивное обоснование, системная аргументация, методологическая и др.

Контекстуальная аргументация эффективна в определенной аудитории.

Контекстуальные способы аргументации охватывают аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др.

Граница между универсальной и контекстуальной аргументацией относительна. Универсальная аргументация иногда характеризуется как «рациональная», а контекстуальная – «нерациональная» или даже как «иррациональная». Такое различие не является оправданным, поскольку оно резко сужает сферу «рационального», исключая из нее большую часть гуманитарных и практических рассуждений, невысказанных без использования ссылок на высказывания признанных авторитетов в той или иной области, продолжения традиции, апелляции к здравому смыслу, вкусу и т.п.

1. Традиции и авторитет

Из всех контекстуальных аргументов наиболее часто встречающимся и наиболее значимым является **аргумент к традиции**. Почти все контекстуальные аргументы содержат в свернутом виде ссылку на традицию. Признаваемые авторитеты, интуиция, здравый смысл, вера, вкус и т.п. формируются исторической традицией и не могут существовать независимо от нее.

Чуткость аудитории к приводимым аргументам в значительной мере определяется теми традициями, которые она разделяет. Традиция закрепляет те наиболее общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным, создает ту предварительную обстановку, без которой он утрачивает свою силу. Известно, что один и тот же аргумент в одной аудитории может быть воспринят как очень веский и достаточный, а в другой не произведет никакого впечатления или может оказаться даже неуместным.

Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т.п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей. Традиция может быть настолько широкой, чтобы охватывать все общество в определенный период его развития. Особенно наглядно это проявляется в так называемом «традиционном» обществе, где традициями определяются все существенные стороны социальной жизни. Традиции имеют отчетливо выраженный двойственный, описательно-оценочный характер. В них обобщается предшествующий опыт успешной деятельности, и они оказываются своеобразным его выражением. С другой стороны, они представляют собой проект и предписание будущего поведения. Традиции являются тем, что делает человека звеном в цепи поколений, что выражает пребывание его в историческом времени, присутствие в «настоящем» как звене, соединяющем прошлое и будущее.

Традиционализму противостоит антитрадиционализм. Это две крайние позиции в трактовке традиции. Традиционализм исходит из убеждения, что практическая мудрость по-настоящему в делах, а не в писаных правилах, и ставит традицию выше разума. Антитрадиционализм, напротив, считает традицию предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума.

К традиции как разновидности авторитета относится все, что касается авторитета вообще. Противоположность традиции и разума носит относительный характер: традиции складываются при участии разума, а сам разум в каждый конкретный период является продолжением и развитием имманентно присущей человеку традиции рациональности. Аргумент к традиции неизбежен во всех тех научных рассуждениях. Обращение к традиции – обычный способ аргументации и в морали. Наши установленные нормы и поступки во многом определяются традицией. Повседневная жизнь также во многом опирается на традицию, и стандартным приемом практической аргументации является апелляция к традиции.

Аргументу к традиции близок **аргумент к авторитету** – ссылка на мнение или действие лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками. Традиция складывается стихийно и не имеет автора, авторитетом же является конкретное лицо. Аргумент к авторитету отмечается во всех областях познания и деятельности. Наиболее часто он встречается в обществах с жесткой структурой, невысказанных без собственных, признаваемых всеми авторитетов. И здесь характерным примером является средневековая культура. Авторитарное мышление проникает во все его сферы. Чтобы подвигнуть кого-то к раскаянию, апеллируют не к общему понятию

нравственно похвального или предосудительного действия, а перечисляют соответствующие примеры из Библии. Чтобы предостеречь от распутства, вспоминают все подходящие случаи, обсуждаемые и осуждаемые древними. В серьезных доказательствах всегда прибегают к ссылкам на авторитетные источники в качестве исходного пункта и надежной поддержки.

Авторитарность и традиционализм средневековой культуры обусловили чрезвычайную распространенность в ней *дидактизма*, учительства, назидательности. Авторитарное мышление довольно широко распространено в обычной жизни. Одна из причин этого состоит в том, что человек не способен не только жить, но и мыслить в одиночку. Он остается «общественным существом» и в сфере мышления: рассуждения каждого индивида опираются на открытия и опыт других людей. Нередко стирается грань между критическим, взвешенным восприятием и неоправданным доверием к написанному и сказанному другими.

2. Интуиция и вера.

Интуицию обычно определяют как прямое усмотрение истины, постижение ее без всякого рассуждения и доказательства.

Можно выделить некоторые общие типичные признаки интуиции, такие как неожиданность, невероятность, непосредственная очевидность и неосознанность ведущего к ней пути.

Интуитивная аргументация представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения. Интуитивная аргументация в чистом виде является редкостью. Тем не менее интуиция существует и играет заметную роль в познании. Далеко не всегда процесс научного, а тем более художественного творчества и постижения мира осуществляется в развернутом, расчлененном на этапы виде. Нередко человек охватывает мысль сложную ситуацию, не отдавая отчета во всех ее деталях. Существенное значение имеет интуиция в моральной жизни, в историческом и вообще гуманитарном познании. Художественное мышление вообще немислимо без интуиции.

Слово «интуиция» вошло в европейскую философию в XIII в. как аналог древнегреческого термина, означавшего познание предмета не по частям, а сразу, одним движением. В позднее средневековье интуиция означала познание того, что конкретно и единично, в противовес абстрактному познанию. В Новое время Р.Декарт свел все акты мышления, позволяющие нам получить новое знание без опасения впасть в ошибку к двум: **интуиции и дедукции**. Под интуицией он понимал разум, способность мыслить. Существует множество трактовок интуиции:

интуиция Платона понимается как созерцание стоящих за вещами идей, приводящее внезапно, но предполагающее длительную подготовку ума;

интуиция «здорового смысла» шотландской школы философов, дающая моральные и религиозные истины;

художественная интуиция Шопенгауэра, улавливающая сущность мира как мировую волю;

интуиция философии жизни (Ницше), несовместимая с разумом, логикой и жизненной практикой, но постигающая мир как форму проявления жизни;

интуиция Бергсона как непосредственное слияние субъекта с объектом и преодоление противоположности между ними;

моральная интуиция Дж. Мура как непосредственное видение добра, не являющегося «естественным» свойством вещей и не допускающего рассудочного определения;

интуиция Фрейда как скрытый, бессознательный первоисточник творчества.

Для всех этих и множества других трактовок интуиции общим является признание непосредственного характера интуитивного знания – оно представляет собой знание без осознания путей и условий его получения. По традиции интуицию часто противопоставляют логике. Логика и интуиция не исключают и не подменяют друг друга. В реальном процессе познания они тесно переплетаются, поддерживая и дополняя друг друга.

Интуиции близка **вера** – глубокое, искреннее, эмоционально насыщенное убеждение в справедливости какого-то положения или концепции.

Вера заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения. Как и интуиция, вера субъективна. В разные эпохи предметом искренней веры были диаметрально противоположные воззрения. То, во что когда-то свято веровали все, спустя время большинству представляется наивным предрассудком. В отличие от интуиции вера затрагивает не только разум, но и эмоции; нередко она охватывает всю душу и означает не только интеллектуальную убежденность, но и психологическую расположенность. Если интуиция – это непосредственное **усмотрение** истины и добра, то вера – непосредственное **тяготение** к тому, что представляется истиной или добром.

Вера противоположна **сомнению** и отлична от **знания**. Если человек верит в какое-либо утверждение, он считает его истинным на основании доводов, которые представляются ему достаточными. В зависимости от способа, каким оправдывается вера, различают **рациональную и нерациональную** веру. Нерациональная вера служит оправданием самой себе: сам факт веры считается достаточным для этого оправдания. Рациональная вера предполагает некоторые основания для своего принятия. Ни рациональная, ни иррациональная вера не гарантирует истины.

Для двух разных систем веры характерно:

- 1) они используют понятия, между которыми невозможно установить обычные логические отношения (включение, исключение, пересечение);
- 2) заставляют своих сторонников во многом видеть вещи по-разному, диктуют разные восприятия;
- 3) включают в себя разные методы обоснования и оценки выдвигаемых положений. Именно такими бывают обычно отношения между старой и новой теориями.

Определенная система верований лежит в основе не только отдельной теории, но и науки в целом. Совокупность мыслительных предпосылок науки размыта, значительная их часть имеет характер «неявного знания». Этим объясняется то, что трудно науку однозначно отграничить от не-науки и определить научный метод как исчерпывающий перечень правил.

Аргумент к вере встречается достаточно часто. Он встречается в науке, особенно в периоды ее кризисов. Он неизбежен при обсуждении многих общих вопросов, – таких как вопрос о будущем человечества или вопрос о предпосылках теоретического мышления. Аргумент к вере обычен в общении людей, придерживающихся какой-либо общей системы веры. В другой аудитории он может оказаться не только неубедительным, но и попросту неуместным.

3. Здравый смысл и вкус.

Здравый смысл можно охарактеризовать как присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом. Здравый смысл в основе своей не является знанием. Здравый смысл играет особую роль в гуманитарной аргументации и при обсуждении всех проблем, касающихся жизни и деятельности человека. **Аргумент к здравому смыслу** – это обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, который обязательно имеется у аудитории.

Здравый смысл необходим гуманитарному ученому, исследующему моральное и историческое существование человека. Здравый смысл проявляется в суждениях о правильном и неправильном, годном и негодном. Здравый смысл чаще всего применим в общественных и практических делах. С его помощью судят, опираясь не на общие предписания разума, а скорее на убедительные примеры. Поэтому решающее значение для него имеют история и опыт жизни. У него двойственный, описательно-оценочный характер: с одной стороны, он опирается на прошлые события, а с другой, является наброском будущего.

Хотя здравый смысл касается в первую очередь социальной жизни, по своей природе он более универсален, так как способен судить о любой деятельности и ее результатах.

Аргументация к вкусу – это обращение к чувству вкуса, имеющемуся у аудитории и способному склонить ее к принятию выдвинутого положения.

Понятие вкуса существенно уже понятия здравого смысла. Вкус касается только совершенства каких-то вещей и опирается на непосредственное чувство, а не на рассуждение. Понятие вкуса первоначально было моральным, и лишь потом его употребление сузилось до эстетической сферы «прекрасной духовности». Идея человека, обладающего вкусом, пришла в XVII в. на смену христианскому идеалу придворного и была идеалом так называемого «образованного общества».

Вкус – это не простое своеобразие подхода индивида к оцениваемому им явлению. Вкус всегда стремится к тому, чтобы стать *хорошим* и реализовать свое притязание на всеобщность.

Понятию хорошего вкуса противостоит понятие *отсутствия вкуса*, а не понятие *плохого вкуса*. Широко распространено мнение, что о вкусах не спорят. Кант полагал, что в этой сфере возможен спор, но не диспут. В практической деятельности споры о вкусах достаточно обычны, эстетика и художественная критика состоят по преимуществу из таких споров. О вкусах невозможно вести *дискуссию* – спор, направленный на поиск истины и ограничивающийся только корректными средствами аргументации. О вкусах невозможен также *эkleктический спор*, поскольку он также ориентируется на истину, но использует и некорректные приемы. Суждения вкуса являются оценками: они определяют степень совершенства рассматриваемых объектов, поэтому об оценках возможна *полемика* – спор, цель которого победа над другой стороной и который пользуется только корректными приемами аргументации. Оценки, и в частности суждения вкуса, могут быть предметом *софистического спора*, тоже ориентированного на победу, но использующего и некорректные приемы.

Вкус всегда претендует на общую значимость. Это особенно наглядно проявляется в феномене *моды*, тесно связанном со вкусом. мода касается быстро меняющихся вещей и воплощает в себе не только вкус, но и определенный, общий для многих способ поведения.

Аргумент к моде – это частный случай аргумента ко вкусу, представляющего собой ссылку на согласие выдвинутого положения с господствующей в это время модой.

Особое значение и вместе с тем особую силу вкус имеет в сфере нравственного решения. Вкус несет на себе отпечаток общности социальной жизни и изменяется вместе с ее изменением. Суждения вкуса, относящиеся к разным эпохам или к разным обществам, обычно оказываются несовместимыми друг с другом.

Тема. Аргументация и ценности.

1. Ценности и эпистемология.
2. Описание и оценка.
3. Многообразие оценок.
4. Квазиэмпирическое обоснование оценок.
5. Теоретическое обоснование оценок.
6. Контекстуальные аргументы.
7. Принципы морали.

Цели и задачи:

Проследить взаимосвязь между ценностями и познанием; показать особенности ценностных суждений; разобрать разнообразные формы обоснования ценностных суждений.

Ключевые вопросы:

Что называется ценностью? Каково отношение между ценностью и эпистемологией? Какова структура ценностных суждений? В чем смысл и особенность квазиэмпирического обоснования? Каково соотношение и отличие между образцом и антиобразцом? Достижим ли идеал?

1. Ценности и эпистемология.

Существенным недостатком современной теории аргументации является то, что в ней почти не уделяется внимания ценностям. По старой традиции оценки истолковываются

как частный случай описаний, не представляющих самостоятельного интереса. Способы аргументации, применяемые в случае описаний, автоматически переносятся на оценочные суждения. Своеобразие аргументации в поддержку ценностей остается пока совершенно не исследованным.

Проведение ясного различия между описанием и оценками – необходимая предпосылка правильной трактовки ценностей в теории аргументации. Убедить аудиторию в приемлемости какого-то описательного утверждения – значит, прежде всего, продемонстрировать ей истинность или, по крайней мере, высокую правдоподобность этого утверждения. Совершенно иначе обстоит дело с оценочными утверждениями. Они не являются ни истинными, ни ложными и пытаться по аналогии с описаниями продемонстрировать аудитории истинность оценочного утверждения – значит потратить силы впустую.

Лучшим способом утверждения в этом случае можно считать *абсолютное* или *сравнительное обоснование*. Но, оценочные утверждения не допускают *прямого* и *косвенного эмпирического подтверждения*: в строгом смысле оценки не поддерживаются ни непосредственным наблюдением (приведением фактов), ни подтверждением в опыте их логических следствий. Не могут они обосновываться и построением *объяснений*, поскольку посылки объяснений всегда являются описательными утверждениями. Применительно к оценкам бессмысленно говорить о *фальсификации*, успех которой мог бы истолковываться как свидетельство их обоснованности. Не могут быть поставлены и вопросы о принципиальной возможности эмпирического подтверждения и эмпирического опровержения оценок. И, наконец, оценки нельзя обосновывать путем *дедукции* их из известных описаний: они вообще не выводимы логически из описаний.

С другой стороны, есть способы обоснования оценочных утверждений, которые не могут быть применены к описаниям. Прежде всего это *целевое подтверждение*, являющееся параллелью косвенного подтверждения описательных утверждений.

Понятие *ценности* столь же важно для эпистемологии и методологии науки, как и понятие *истины*. Эпистемология Нового времени сделала основой всех своих рассуждений о знании *истину*, а ценностная сторона процессов познания ушла в глубокую тень. Естественные науки оказались оторванными от гуманитарных, теоретическое освоение мира – от практического, предметного его преобразования. Современная эпистемология обращает все большее внимание на ценностных аспектах научного познания. Все более очевидно, что вопреки старому убеждению знание не сводимо к истине и включает в себя также ценности. Знать – значит иметь представление не только о том, что *есть*, но и о том, что *должно быть*.

Без ценностей нет социальных наук, которые, подобно этике, политической экономии, теории права и т.д., ставят своей задачей обоснование и утверждение определенных ценностей. Без ценностей нет естественных наук: понимание природы является оценкой ее явлений с точки зрения того, что должно в ней происходить, т. е. с позиций устоявшихся, опирающихся на прошлый опыт представлений о «нормальном», или «естественном» ходе вещей. Поворот эпистемологии к исследованию ценностей и их роли в познании должен сказаться и на теории аргументации. Одной из основных тем теории аргументации должен стать анализ тех многообразных способов аргументации, которые применяются для поддержки ценностей.

2. Описание и оценка

Выделение функций языка зависит от тех целей, для которых используется противопоставление языковых выражений. В разных случаях могут выделяться и противопоставляться разные функции. С точки зрения логики и эпистемологии важным является различие между двумя ведущими функциями языка – *описательной* и *оценочной*. Все другие употребления языка сводятся либо к описаниям, либо к оценкам. Описание и оценка являются, таким образом, двумя полюсами, к которым тяготеют все другие употребления языка. За оппозицией «описание-оценка» в конечном счете стоит оппозиция «истина - ценность», и первая не может быть понята без прояснения второй. Большинство

рассуждений о ценностях, в том числе и о ценностях в науке, имеют существенный недостаток. Обычно упускается из виду, что категория ценности такая же универсальная, как и категория истины. Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой целей, следованиям нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы или стандарты, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т.д. Все эти понятия – «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «стандарт», «фундаментальное», «второстепенное» и т.п. – оценочные или несут важное оценочное содержание.

Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала. Аргументация как особый случай деятельности также насквозь пронизана ценностями и без них невысказана. Вопрос о соотношении истины и ценности – один из аспектов более общей проблемы взаимосвязи теории и практики, созерцания и действия. Существуют десятки определений понятия «ценности». Они различаются деталями, но суть большинства из них одна: ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, стремления и т.п., значимый для человека или группы лиц. Однако необходимо понимать, что ценность, как и истина, является **не свойством, а отношением** между мыслью и действительностью. Ценность, как и истина, не существует сама по себе, вне связи мысли и действительности.

Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – делать так, чтобы мир отвечал словам. Это две диаметрально противоположные функции. Они не сводимы друг к другу. Также нет оснований считать, что описательная функция языка является первичной или более фундаментальной, чем его оценочная функция. Описание и оценка – две точки тяготения всех других употреблений языка. Между «чистыми» описаниями и «чистыми» оценками существует масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки имеются многие разновидности и описаний и оценок.

Истинностный и ценностный подходы к вещам не тождественны друг другу. Они имеют противоположную направленность и уже поэтому не могут совпадать. В случае истинностного подхода движение направлено от действительности к мысли. В качестве исходной выступает действительность, и задача заключается в том, чтобы дать адекватное ее описание. При ценностном подходе движение осуществляется от мысли к действительности. Исходной является оценка существующего положения вещей, и речь идет о том, чтобы преобразовать его в соответствии с этой оценкой. Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга. Ни один из них не может быть сведен к другому или заменен им.

3. Многообразие оценок

Всякий раз, когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия ей, возникает ценностное отношение. Далекое не всегда оно осознается, еще реже оно находит выражение в особом высказывании. Формы явного и неявного вхождения оценок в наши рассуждения, и в частности в научные теории, многочисленны и разнородны.

Способы выражения оценок разнообразны. **Абсолютные оценки** выражаются чаще всего предложениями с оценочными словами «хорошо», «плохо», и «(оценочно) безразлично». Вместо них могут использоваться слова: «позитивно ценно», «негативно ценно», «добро», «зло», «благо» и т.п. **Сравнительные оценки**, называемые также предпочтениями, формируются в предложениях с оценочными словами: «лучше», «хуже», «равноценно», «предпочитается» и т.п. В языке для правильного понимания оценок важную роль играет контекст, в котором они формулируются. Можно выделить **обычные**, или стандартные, формулировки оценочного утверждения, но выделить оценочные утверждения среди других видов утверждений, опираясь только на грамматические основания, невозможно.

Оценка включает следующие части, или компоненты:

-*субъект оценки* – лицо (или группа лиц), приписывающие ценность некоторому объекту;

-*предмет оценки* – объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются;

-*характер оценки* – указание на абсолютность или сравнительность, а также на квалификацию, даваемую оцениваемому объекту;

-*основание оценки* – явление или предмет, с точки зрения которого производится оценка.

Не все эти части находят явное выражение в оценочном утверждении. Однако без любой из них нет оценки и, значит, нет фиксирующего ее оценочного утверждения.

Описательное утверждение предполагает следующие четыре части:

-*субъект* – отдельное лицо или сообщество, дающее описание;

-*предмет* – описываемая ситуация;

-*основание* – точка зрения, в соответствии с которой производится описание;

-*характер* – указание на истинность или ложность предлагаемого описания.

Не все его части явно выражаются в описательном утверждении.

Вопросы, имеющие характер требований, просьб или рекомендаций предоставить определенную информацию, неявно содержат оценку.

Еще одна форма неявного вхождения оценок – *конвенции* всякого рода. Все они являются предписаниями и находятся в ценностном отношении к миру. Конвенции могут вводить новые понятия, но гораздо чаще они ограничивают или расширяют уже употребляемые в науке понятия, а также отождествляют разные совокупности признаков.

Сложный, описательно-оценочный характер имеют также *регулятивные принципы познания*, подобные принципу привычности, наблюдаемости, принципу простоты и т.д. Все они выполняют функцию эвристических указателей, которые помогают сформировать и реализовать исследовательскую программу. Вместе с тем они складываются и конкретизируются в самой практике научного исследования и являются попытками осознать определенные закономерности познания.

Ценностно нагруженными можно считать не только принципы теории, но и все ее законы и даже факты, – следовательно, ценности неизбежны в структуре всех теорий – как гуманитарных, так и естественнонаучных.

4. Квазиэмпирическое обоснование оценок

К квазиэмпирическим способам оценок относятся различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценочные утверждения и заключение которых также являются оценками. Это неполная индукция, аналогия, ссылка на образцы, целевое подтверждение, истолкование акта понимания как индуктивного свидетельства в пользу его посылок и др.

Поскольку ценности не даны в опыте, процесс приобретения знания о них принципиально отличается от процесса приобретения знания о фактах. Знание о ценностях не может быть эмпирическим, процедуры их получения могут лишь внешне походить на процедуры получения эмпирического знания.

Самый простой, но, к сожалению, ненадежный способ индуктивного обоснования оценок – *неполная* (популярная) индукция. Другим распространенным способом индуктивной аргументации в поддержку ценностей является *аналогия*. Заметив сходство свойств, присущих двум разным предметам, можно это сходство продолжить и предположить, что сравниваемые предметы подобны и в других своих свойствах. В качестве аргументов применяется как *аналогия свойств*, так и *аналогия отношений*. Однако аналогия всегда дает *проблематичное* (вероятное) *заключение*. Поэтому-то она обладает слабой доказательной силой. Продолжение сходства может оказаться поверхностным или даже ошибочным.

Достаточно часто при аргументации в поддержку ценностей используется *апелляция к образцу*.

Образец, или идеал – это поведение лица или группы лиц, которому надлежит следовать. Имеются образцы, предназначенные для всеобщего подражания, а есть рассчитанные только на узкий круг людей. Образцы или идеалы играют исключительную роль в социальной жизни, в формировании и укреплении социальных ценностей.

Наряду с образцами, существуют также **антиобразцы**. Задача антиобразца – дать отталкивающий пример поведения и тем самым отвратить от него. Воздействие антиобразца на некоторых людей оказывается даже более эффективным, чем воздействие образца.

Понятие образца в смысле обозначения одного лица или группы лиц, которому надлежит следовать, можно назвать *идеалами*. Наряду с образцами действий, имеются также образцы вещей, предметов, событий, ситуаций, процессов и т.д. Образцы такого рода можно назвать *стандартами*.

Стандарт, касающийся предметов определенного типа, обычно учитывает характерную функцию этих предметов. Помимо *функциональных* свойств, стандарт может включать также некоторые *морфологические* признаки.

Важным способом обоснования оценок является *целевое*, или *мотивационное обоснование*. Оно представляет собой параллель эмпирическому подтверждению описательных утверждений (подтверждению следствий) и может быть названо также *целевым подтверждением*.

Целевое обоснование позитивной оценки какого-то объекта представляет собой ссылку на то, что с помощью последнего может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность.

5. Теоретическое обоснование оценок

Теоретическая аргументация в поддержку оценочных утверждений, в том числе и норм, во многом параллельна теоретическому обоснованию описательных утверждений: почти все способы аргументации, применяемые к описаниям, могут использоваться также для обоснования оценок. Способы теоретической аргументации в поддержку оценок включают *дедуктивное обоснование*, *системную аргументацию* (в частности внутреннюю перестройку теории), *демонстрацию совместимости обосновываемой оценки с другими принятыми оценками*, *методологическое обоснование* и др.

Дедуктивное обоснование оценок – это выведение обосновываемого оценочного утверждения из иных, ранее принятых оценок.

Дедуктивное рассуждение только в редких случаях формулируются с явным указанием всех посылок и выводением из них заключения. В большинстве случаев дедуктивное рассуждение носит сокращенный характер.

Частое применение в аргументации находят логические законы, распространяющие требование непротиворечивости на случай оценок. Смысл этих законов выражается в том, что два положения дел, логически несовместимых друг с другом, не могут быть вместе хорошими и не могут быть вместе плохими. Здесь нужно иметь в виду, что речь идет об оценке двух противоречащих друг другу ситуаций *с одной и той же точки зрения*.

Оценочные и нормативные высказывания не являются истинными или ложными. Их функция – не описание действительности, а направление человеческой деятельности, преобразующей действительность. Описание говорит о том, каким является предмет, оценки и нормы указывают, каким он должен быть. Можно ли из описательных высказываний логически вывести некоторую оценку или норму? В соответствии с принципом, впервые высказанным философом Д. Юмом, нельзя с помощью логики перейти от высказываний со связкой «есть» к высказываниям со связкой «должен». Оценки и нормы выводимы лишь из посылок, включающих некоторые оценки и нормы. Невозможен и обратный логический переход – от оценок или норм к описаниям.

Возможна аргументация в поддержку оценок через *несистемное обоснование*, т.е. обоснование путем включения их в хорошо обоснованную систему оценочных утверждений.

Частным случаем системного обоснования оценочного утверждения является *внутренняя перестройка* той системы оценок, к которой оно принадлежит. Эта перестройка

может состоять из введения новых оценок, согласующихся с рассматриваемой оценкой и поддерживающих ее, исключения элементов системы, которые не вполне согласуются между собой, уточнения основополагающих принципов системы и т.д.

Важным шагом в теоретическом обосновании оценочного утверждения является *демонстрация его соответствия имеющимся в рассматриваемой области оценкам и их системам*. Новая оценка должна быть в согласии не только с уже принятыми и устоявшимися оценками и их системами, но и с определенными общими принципами, подобными принципам простоты, привычности, красоты и т.д. Простая, красивая, внутренне согласованная система оценок, не порывающая резко с ценностями, оправдавшими себя временем, достаточно быстро найдет признание.

6. Контекстуальные аргументы

Контекстуальные способы аргументации в поддержку оценок охватывают, как и в случае описательных утверждений, аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и др.

Аргумент к традиции представляет собой ссылку на ту устойчивую и оправданную временем традицию, которая стоит за рассматриваемым оценочным утверждением. Этот аргумент играет первостепенную роль в моральной аргументации, при обсуждении обычаев и правил идеала, правил разнообразных игр, правил ритуала, разнообразных конвенций и т.д. Даже аргументация в поддержку законов государства, методологических и иных рекомендаций, предостережений, просьб, обещаний и т. п. во многом опирается на традицию. Особенно наглядно проявляется роль аргумента к традиции при обсуждении требований этикета. Нередко правила этикета, как и другие нормы повседневного поведения, всецело опираются только на традицию и не претендуют на какое-то хотя бы поверхностное целевое обоснование.

Достаточно часто традиция участвует в поддержке оценок в области коммуникации. Одним из важных принципов, регулирующих в процессе коммуникации отношения между «я» и «другими», является **принцип вежливости**. Этот принцип всецело принадлежит речевому этикету и требует соблюдения следующих правил.

1. Правило такта: «Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!»
2. Правило одобрения: «Не хули других!»
3. Правило великодушия: «Не затрудняй других!»
4. Правило скромности: «Отстраняй от себя похвалы!»
5. Правило согласия: «Избегай возражений!»
6. Правило симпатии: «Высказывай благожелательность!»

Принцип вежливости опирается в первую очередь на традицию успешной коммуникации. Попытка дедуктивного обоснования данного принципа вряд ли может быть успешной, как и целевое обоснование.

Так же часто в аргументации, поддерживающей оценочные утверждения, используется *аргумент к авторитету*. Этот аргумент необходим, хотя и недостаточен, в случае обоснования любых предписаний (команд, директив, законов государства и т.п.). Он важен при обсуждении ценности советов, пожеланий, методологических и иных рекомендаций. Данный аргумент должен учитываться при оценке предостережений, просьб, обещаний, угроз и т.д. Несомненна роль авторитета и, соответственно, апелляции к нему едва ли не во всех практических делах. Но необходимо различать *эпистемический авторитет*, или авторитет знатока, специалиста в какой-то области, и *деонтический авторитет*, т.е. авторитет вышестоящего лица или органа. Аргумент к авторитету, выдвигаемый в поддержку описательного утверждения, – это обращение к эпистемическому авторитету; такой же аргумент, но поддерживающий оценочное утверждение, представляет собой обращение к деонтическому авторитету.

Деонтический авторитет подразделяется на *авторитет санкции* и *авторитет солидарности*. Первый поддерживается угрозой наказания, второй – стремлением достичь

поставленной общей цели. Например, за законами государства стоит авторитет санкции; за приказами капитана судна в момент опасности – авторитет солидарности.

Аргумент к авторитету только в редких случаях считается достаточным для принятия оценки. Обычно он сопровождается другими, явными или подразумеваемыми доводами, чаще всего целевым обоснованием.

В аргументации в поддержку оценок используется *аргумент к интуиции*. Интуиция играет существенную роль в морали, особенно в сложных моральных ситуациях, когда мотивы действий человека и их результаты неоднозначны. Но сведение всей морали к интуитивным обоснованиям или, к тому, что стоит за интуицией, вряд ли можно считать верным. Важную роль играет интуиция при выборе *номинальных определений и конвенций*. Последствия, к которым может привести принимаемое соглашение со временем, почти всегда остаются неясными, многие из них заранее невозможно предвидеть. Во многом на интуицию опираются советы, пожелания, рекомендации и т.п.

Вера упрощенно может быть определена как состояние организма, вызывающее такое поведение, какое вызвало бы определенное событие, если бы оно было дано в ощущении.

Аргумент к вере – это ссылка на это особое состояние организма, или «души», в поддержку выдвигаемого положения. Чаще всего этот аргумент не выражается явно, а только подразумевается. Он кажется убедительным для тех, кто исповедует ту же веру, испытывает то же состояние души, но не для придерживающихся иных верований.

Аргумент к здравому смыслу вместе с аргументом к традиции лежит в основе почти всех практических решений. На здравый смысл опираются по преимуществу принципы, которыми человек руководствуется в своей обычной жизни.

Здравый смысл действует не только в области оценок, но и в сфере описаний. Он говорит как о том, какими должны быть человек и общество, так и о том, какой является природа.

В отличие от здравого смысла **вкус** относится исключительно к сфере ценностей, а **аргумент к вкусу** – к выбору оценок. Аргумент к вкусу чаще, чем аргумент к здравому смыслу, является *прямым*, выраженным как отдельный довод в процессе аргументации. Более обычно *косвенное* использование аргумента к вкусу, когда другие аргументы излагаются так, чтобы своей совершенной формой убеждать в правильности сказанного. Косвенный аргумент к вкусу обычен у проповедников, моралистов, в эстетике, художественной критике и др.

7. Принцип морали

Особый интерес для теории аргументации представляют *принципы*, или *нормы морали*.

Мораль стоит в одном ряду с языком и религией. Мораль, сложившаяся исторически, существует тысячелетия. Тема моральной аргументации никогда не уходила из поля зрения философии и теории аргументации, по-прежнему остается в последней. Моральные оценки могут быть *абсолютными и сравнительными* («Ложь морально предосудительна» и «Морально простительнее лгать дальнему, чем ближнему»). «Чистые» моральные суждения, представляющие собой моральную оценку или норму, встречаются редко. Обычно моральные оценки (нормы) входят в рассуждение в форме оценок (норм) других видов, составляющих их своеобразный аспект. Граница между моральной и иной оценкой не является четкой; оценка (норма) едва ли не каждого вида может выражать также моральную оценку (норму). Это означает, что понятие «моральное рассуждение» представляет собой идеализацию. В теории морали, но не в обычной моральной жизни первостепенное значение придается *дедуктивному обоснованию* моральных принципов. И в теории морали, и в обычной моральной практике широко распространено *целевое обоснование* моральных принципов и моральных решений. Такое обоснование включает ссылку на ту цель, которая достигается благодаря обосновываемому принципу или принятому решению.

К теоретическим способам обоснования моральных принципов относится *указание на хорошую согласованность не только между собой, но и с другими принципами человеческого*

общения. К условию соответствия примыкает *аргумент к системности морали.* Мораль – не только сложная, но и стройная и последовательная система норм, образцов, идеалов и т.д. Указание на то, что конкретный принцип поведения входит в эту систему представляет собой важный аргумент в поддержку данного принципа.

Тема. Проблемные ситуации и аргументация.

1. Многообразный мир проблем.

2. Явные проблемы.

3. Неявные проблемы.

Цели и задачи:

Дать понятие проблемы; классификацию проблем; возможные пути (алгоритмы) решения проблем; основные способы и приемы аргументации проблемных ситуаций.

Ключевые вопросы:

Что называется проблемой? Каковы признаки явных и неявных проблем? Что такое антиномии, апории, софизмы?

1. Многообразный мир проблем

Понятие *проблемы* является одним из центральных в теории аргументации. Тезис аргументации — это всегда один из потенциальных ответов на явную или неявную проблему, одно из возможных ее решений. Полное значение тезиса может быть понято, только если он не отрывается от целостной проблемной ситуации, в качестве ответа на которую он сформировался.

Конкретный характер аргументации также существенно зависит от проблемной ситуации, в рамках которой она разворачивается. Анализ зависимости аргументации от типа обсуждаемой проблемы — важный аспект логико-эпистемологического исследования аргументации.

Обычно под проблемой понимается явно сформулированный вопрос или целый комплекс вопросов, возникших в ходе познания. Сам процесс познания истолковывается при этом как последовательный переход от ответов на одни вопросы к ответам на другие вопросы, вставшие после решения первых. Общим стало положение, что всякое исследование обязательно начинается с постановки проблемы. Последовательность «проблема → исследование → решение» считается применимой всегда и везде. Ясная и отчетливая формулировка проблемы рассматривается как обязательное условие успеха предпринимаемого исследования. Но необходимо отметить, что все это применительно не ко всем, а только ко вполне определенным и довольно узким классам проблем.

Конкретный анализ проблемных ситуаций показывает, что далеко не каждая проблема сразу же приобретает вид явного вопроса. Не всякое исследование начинается с выдвижения проблемы и кончается ее решением. Нередко бывает так, что проблема формулируется одновременно с решением. Иногда случается даже, что она осознается только через некоторое время после решения. Зачастую поиск проблемы сам вырастает в отдельную проблему, решение которой требует особого таланта. В широком смысле *проблемной* является всякая ситуация, практическая или теоретическая, которая не имеет соответствующего обстоятельствам решения и поэтому заставляет остановиться и задуматься. *Проблема* в самом общем смысле — это *некоторое затруднение, колебание, неопределенность.* Требуются действия по устранению этой неопределенности, но далеко не всегда ясно, что именно следует предпринять. Слово, от которого произошло слово «проблема», переводится с древнегреческого неоднозначно: его можно трактовать как «преграда», «трудность», «задача», а не просто «вопрос».

Можно отметить два фактора, влияющих на способ постановки проблем. Это, во-первых, общий характер мышления той эпохи, в которую формируется и формулируется проблема, и, во-вторых, имеющийся уровень знания о тех объектах, которых касается возникшая проблема.

Разные цели требуют разных классификаций проблем. Особый интерес представляет деление проблемных ситуаций по следующим трем признакам: 1) сформулирована ли проблема с самого начала; 2) имеется ли метод ее решения; 3) насколько отчетливы представления о том, что именно считать решением проблемы.

По этим трем основаниям все проблемные ситуации подразделяются на восемь разных типов, указанных в таблице («+» означает «известно», «—» — «неизвестно»):

Типы проблемных ситуаций	Формулировка проблемы	Метод решения проблемы	Решение проблемы
1	+	+	+
2	+	+	-
3	+	-	+
4	+	-	-
5	-	+	+
6	-	+	-
7	-	-	+
8	-	-	-

Первые четыре типа — это *явные проблемные ситуации*, когда формулировка проблемы задана с самого начала. Различия между ними сводятся к тому, известно ли, каким методом должна решаться проблема, и определено ли, что следует считать ее решением.

Последующие четыре типа — это *неявные проблемные ситуации*, когда проблему еще предстоит обнаружить и сформулировать.

2. Явные проблемы

Явные проблемы можно назвать *показательными задачами*. Они представляют вырожденный случай проблем. Указан вопрос, ответ на который нужно получить, известен метод решения и известно, что считать решением. Такого рода задачи с максимальной информацией по всем трем параметрам и с минимумом неопределенности часто применяются в обучении. Прежде чем перейти к решению задач какого-то нового, не встречавшегося раньше типа, обычно приводят развернутые решения одной – двух характерных задач. Проследив последовательно процедуру их решения, обучающийся вырабатывает определенные навыки для решения других задач такого рода.

Другой тип явных проблем характеризуется тем, что задан вопрос; ясен метод решения; не известен только результат решения. Это тоже не исследовательские проблемы: слишком многое определено уже с самого начала и для поиска решения остается довольно ограниченное пространство. Но подобные задачи тренируют ум, вырабатывают сообразительность, умение рассуждать последовательно и ясно и т.д.

Следующие два типа явных проблем несколько отличаются от предыдущих. Это проблемы, которые часто называют *риторическими*: они подобны риторическим вопросам, ответ на которые сам собою разумеется. Иногда такие проблемы называют *проблемами-головоломками*, поскольку у них есть черты, общие с головоломками. Сформулирован явный вопрос и известно, что будет считаться его приемлемым решением. Все сводится к отысканию метода, с помощью которого из начальных условий может быть получен уже известный в общих чертах ответ.

Намного сложнее и глубже, чем риторические, проблемы, которые называют *классическими*. Это творческие проблемы, требующие не только определения общих контуров решения, но и открытия того метода, с помощью которого это решение может быть достигнуто.

3. Неявные проблемы

Проблемные ситуации последних четырех типов — это *неявные проблемы*, когда есть какое-то затруднение, недоумение, но нет открытого и прямо поставленного вопроса. Между явными и неявными проблемами нет резкой границы. Особенно близки к неявным проблемам классические проблемы, содержащие минимум информации о своем решении и методе исследования.

Иногда встречаются такие неявные проблемные ситуации, когда имеется только метод и ничего больше. Нет проблемы, к решению которой его можно было бы

приложить, и нет того, что следовало бы считать решением этой еще не сформулированной проблемы. Такие случаи довольно часты в абстрактной математике.

Имеются также неявные проблемные ситуации, когда есть только решение, но неизвестен вопрос, ответом на который оно являлось бы или могло бы быть, и неизвестен или неясен конкретный метод, с помощью которого это решение получено. Примерами таких ситуаций могут служить исследования, ставящие перед собой один вопрос, но на самом деле оказывающиеся в конечном счете ответом на совсем другой, так и не заданный прямо вопрос. Метод в этих случаях ясно определить невозможно.

К типу проблемных ситуаций, когда есть решение, но неизвестно, ответом на какой именно вопрос оно является, близки так называемые *апории* (в буквальном переводе с древнегреческого это слово означает «затруднение», «недоумение»). Наиболее известны апории, сформулированные древнегреческим философом Зеноном Элейским. В них рассказывается о быстроногом Ахилле, который не способен догнать медлительную черепаху, о брошенной стреле, которая не только не долетит до цели, но даже не сдвинется с места, и т.п. Эти и подобные им апории теперь признаны парадоксами, связанными с возможностью описать движение без противоречия.

Апории очень близки к антиномиям, но все-таки отличаются от них в одном важном моменте. *Антиномия* представляет собой два несовместимых утверждения, одно из которых отрицает другое. *Апория* выдвигает и обосновывает положение, явно противоречащее нашему опыту. В случаях, когда принятая и хорошо апробированная теория вдруг резко расходится с достаточно твердо установленными фактами, можно говорить о возникновении проблемы. И эта проблема будет относиться также к апориям.

Можно выделить и еще один тип неявных проблем: нет самой проблемы как четко сформулированного вопроса, требующего исследования, есть только какое-то затруднение, какая-то неловкость; нет намека на метод, как можно было бы справиться с данным затруднением; нет решения проблемы. Бытует мнение, что ситуация, когда есть только очень неясное затруднение и ничего более, не относится к проблемным. Но реальная практика исследования свидетельствует, что многие крупные научные проблемы в первый период своего становления ощущались и осмысливались именно как невнятные, неизвестно о чем говорящие затруднения.

Еще одним примером неявных проблемных ситуаций являются софизмы.

Софизм – рассуждение, кажущееся правильным, но содержащее скрытую логическую ошибку и служащее для придания видимости истинности ложному утверждению. Софизм является особым приемом интеллектуального мошенничества, попыткой выдать ложь за истину. Софизмы, как правило, обосновывают какую-нибудь заведомую нелепость, абсурд или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям.

В софизмах чаще всего используют многозначность слов обычного языка, омонимию, не замечая многозначности. Нередко софизмы основываются на таких логических ошибках как подмена тезиса доказательства, несоблюдение правил логического вывода, принятие ложных посылок за истинные и т. п.

Софизмы нередко использовались и используются с намерением ввести в заблуждение. Но они имеют и другую функцию, являясь своеобразной формой осознания и словесного выражения проблемной ситуации. Первым на эту особенность софизмов обратил внимание Гегель. Ряд софизмов древних обыгрывает тему скачкообразного характера всякого изменения и развития. Некоторые софизмы поднимают проблему текучести, изменчивости окружающего мира и указывают на трудности, связанные с отождествлением объектов в потоке непрерывного изменения. Часто софизмы ставят в неявной форме проблему доказательства: что оно представляет собой, если можно придать видимость убедительности утверждениям, явно несовместимым с фактами и здравым смыслом? Сформулированные в тот период, когда логика как наука еще не существовала, древние софизмы, хотя и непрямо, ставили вопрос о необходимости ее построения. В этом плане они непосредственно содействовали возникновению науки о доказательном мышлении. Употребление софизмов с целью обмана является некорректным приемом аргу-

ментации и вполне обоснованно подвергается критике.

Постановка и анализ проблем — центральные пункты аргументации. Неправильно понятая проблема способна сделать бесполезной всю последующую аргументацию, имеющую целью прояснение и решение проблемы. Неявные проблемы легко просмотреть или отнести к ним недостаточно серьезно. Незамеченная проблема в любой момент может разрушить любое предположение. Множество проблем разнородно. Неправильное определение типа рассматриваемой проблемы неизбежно ведет к тому, что аргументация, призванная поддержать предлагаемое ее решение, оказывается чрезмерно упрощающей ситуацию.

Тема. Некорректная аргументация

1. Некорректные доказательства.
2. «Есть» и «должен».
3. Стандартные некорректные аргументы.

Цели и задачи:

Дать понятие корректной и некорректной аргументации; показать несводимость логических связей «есть» и «должен» друг к другу в процессе рассуждения; охарактеризовать стандартные некорректные аргументы.

Ключевые вопросы:

Когда аргументацию называют корректной, а когда некорректной? В чем заключается формальная ошибка? Что такое расширение тезиса; сужение тезиса; подмена тезиса; паралогизмы?

1. Некорректные доказательства

Аргументацию можно оценить как корректную, если в ходе ее не нарушаются требования к ней, сложившиеся в конкретной области.

Аргументация будет некорректной, если не соблюдаются требования, относящиеся к процедурам обоснования, к процессам коммуникации, к моральным качествам аргументирующего и т.п.

Системы норм, распространяющие свое действие на аргументацию как определенную сферу деятельности и частный случай коммуникации, многочисленны и разнородны. Поэтому граница между корректной и некорректной аргументацией очень условна и меняется от одной области аргументации к другой. Никакая последовательная и исчерпывающая классификация некорректных приемов аргументации невозможна. Прием аргументации, корректный в пропаганде, может оказаться некорректным в научной аргументации. Стандартные приемы аргументации одной эпохи обычно становятся предметом критики и насмешек в последующие. Тем не менее, можно выделить некоторые корректные приемы аргументации и противопоставить им множество некорректных, нарушающих ее стандарты приемов.

Наиболее часто встречающимся примером некорректной аргументации является пример *некорректного доказательства*, т.е. доказательства, в котором допускается та или иная логическая ошибка. Проводя доказательства, мы опираемся на логическую интуицию, на стихийно усвоенное знание законов логики. Как правило, оно нас не подводит. Но в отдельных, особенно в сложных, случаях оно может оказаться ненадежным. Понять доказательство можно в том случае, если, помимо прочего, есть определенное представление о рассуждениях, имеющих форму доказательства, но на самом деле таковым не являющимся. Эти «несостоявшиеся доказательства» — результат ошибок (непреднамеренных или сознательных, допущенных в ходе доказательства). Знание наиболее типичных ошибок способствует совершенствованию практических навыков доказательства и позволяет лучше понять, что представляет собой «безошибочное доказательство».

Доказательство — это логическая, дедуктивная связь принятых аргументов и выводимого из них тезиса. Логические ошибки в доказательстве можно разделить на три группы: **1)** ошибки, относящиеся к тезису; **2)** ошибки, относящиеся к аргументам; **3)** ошибки, относящиеся к демонстрации (логической связи между аргументами и тезисом).

Наиболее часто встречается *формальная ошибка*, т.е. умозаключение не опирается на логический закон и заключение не вытекает из принятых посылок.

Довольно часто бывают рассуждения, которые внешне имеют форму доказательств. В них есть слова: «таким образом», «следовательно», «значит» и подобные им, призванные указывать на логическую связь аргументов и доказываемого положения. Но эти рассуждения доказательствами на самом деле не являются, поскольку логические связи подменяются в них психологическими ассоциациями.

Характерная ошибка в отношении тезиса — *подмена тезиса*, неосознанное или умышленное замещение его в ходе доказательства каким-то другим утверждением. Подмена тезиса ведет к тому, что доказываемое не то, что требовалось доказать.

Тезис может *сужаться*, и в этом случае он остается недоказанным. Например, для доказательства того, что человек должен быть честным, мало доказать, что разумному человеку не следует лгать.

Тезис может также *расширяться*. В этом случае нужны дополнительные основания. И может оказаться, что из них вытекает не только исходный тезис, но и какое-то иное, уже неприемлемое утверждение.

Иногда случается *полная подмена тезиса*. Обычно такая ошибка маскируется какими-то обстоятельствами, связанными с конкретной ситуацией, и благодаря этому ускользает от внимания.

Наиболее частая ошибка в отношении аргументов — попытка обосновать тезис с помощью *ложных аргументов*.

Другой, довольно распространенной ошибкой, является *круг в доказательстве*: справедливость доказываемого положения обосновывается посредством этого же положения, высказанного, возможно, в несколько иной форме. Если за основание доказательства принимается то, что еще нужно доказать, обосновываемая мысль выводится из самой себя, и получается не доказательство, а пустое хождение по кругу. Задача доказательства — исчерпывающе утвердить обоснованность доказываемого тезиса. Раз в доказательстве речь идет о полном подтверждении, связь между аргументами и тезисом должна носить дедуктивный характер. По своей форме доказательство — дедуктивное умозаключение или цепочка таких умозаключений, ведущих от истинных посылок к доказываемому положению.

Часто в понятие доказательства вкладывается более широкий смысл. Тогда под доказательством понимается любая процедура обоснования истинности тезиса, включающая как дедуктивное, так и индуктивное рассуждение, ссылки на связь доказываемого положения с фактами, наблюдениями и т.д. Чаще всего такое истолкование доказательства применяется в гуманитарных науках, но встречается и в экспериментальных, опирающихся на наблюдения рассуждениях.

2. «Есть» и «должен»

Как уже отмечалось, из описаний не выводимы оценки и из оценок не выводимы описания. Описательные утверждения обычно формулируются со связкой «есть», в оценочных утверждениях нередко употребляется «должен». Идею о невозможности выводимости оценок из описаний и описаний из оценок выражают в форме положения, что от «есть» нельзя с помощью только логики перейти к «должен», а от «должен» перейти к «есть».

Д. Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от «есть» к «должен» и подверг критике всю предшествующую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством. В своем знаменитом «Трактате» Юм отмечал, что нередко в рассуждениях происходит подмена обычной связки *есть* или *не есть* связкой *должно* и *не должно*. Положение о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования получило название «принципа Юма».

Положению о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования уделяли внимание и другие ученые и философы. Например, К. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги» подчеркивал, что наши решения никогда не выводятся из фактов (или из утверждений о фактах), хотя они и имеют некоторое отношение к фактам. Принцип Юма имеет важное значение и для теории аргументации: *если*

этот принцип верен, несостоятельным должно быть признано всякое доказательство, в котором оценочный тезис поддерживается фактическими (описательными) аргументами.

Несмотря на то, что принцип Юма справедлив, принцип обособленности этики ошибочен. Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических (описательных) посылок к оценочным или нормативным заключениям. Научные законы не вытекают логически из фактов. Иногда предпринимается попытка выдвижения концепций, обосновывающих нормы нравственности ссылкой на их соответствие определенным реалиям внешнего мира: законам природы, направлению естественной эволюции, объективному ходу истории и т.п. Все эти концепции являются некорректными, поскольку предполагают нарушение принципа Юма. Если, допустим, в истории господствует необходимость и переход от одного этапа в развитии общества к другому совершается закономерно, из этого вовсе не вытекает, что каждый человек морально обязан содействовать исторической необходимости и даже пытаться ускорить эту закономерность. Из социологических законов не вытекают моральные нормы точно так же, как из закона природы, что все люди смертны, не следует моральный долг способствовать этому исходу.

Немного проще обстоит дело с принципом, согласно которому из оценочных утверждений логически невыводимы описательные утверждения. Ни логика оценок, ни логика норм не считают переход от «должен» к «есть» обоснованным. Если ценность понимается как противоположность истины, то лишаются смысла не только поиски логического перехода от «есть» к «должен», но и поиски перехода от «должен» к «есть».

Таким образом, аргументация, в ходе которой из описаний логически выводятся оценки или из оценок — описания, является заведомо некорректной.

3. Стандартные некорректные аргументы

Можно выделить наиболее часто встречающиеся некорректные приемы аргументации. Рассмотрим некоторые из них.

Аргумент к аудитории — попытка опереться на мнения, чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами. Воспользовавшийся этим аргументом человек обращается не к своему партнеру в споре или иной аргументации, а к другим участникам или даже случайным слушателям и стремится привлечь их на свою сторону, обращаясь по преимуществу к их чувствам, а не к разуму.

Аргумент к личности — приписывание оппоненту недостатков, реальных или мнимых, представляющих его в смешном свете, бросающих тень на его умственные способности, подрывающих доверие к его рассуждениям.

Такого рода «критика» ведет к тому, что сущность спора уходит на задний план, предметом обсуждения становится личность оппонента. Даже если упреки в адрес оппонента справедливы, этот прием некорректен.

Аргумент к массам — попытка взволновать широкий круг людей, используя их групповой эгоизм, национальные или расовые предрассудки, давая обещания, которые на самом деле невозможно выполнить. Этот аргумент нередко применяется в политических диспутах.

Аргумент к человеку — использование в поддержку своей позиции оснований, выдвигаемых противной стороной в споре или вытекающих из принимаемых ею положений. Например, школьники просят учителя ботаники вместо урока отправиться в лес. При этом они ссылаются на то, что, как он сам не раз говорил, непосредственное общение с природой — это лучший способ узнать ее тайны.

Такой довод будет считаться некорректным только в том случае, если человек, прибегающий к нему, сам не разделяет данного убеждения и только делает вид, что он присоединяется к общей платформе.

Аргумент к тщеславию — неумеренная похвала противнику в споре в надежде, что, тронутый комплиментами, он станет мягче и покладистей.

Этот довод можно считать частным случаем аргумента к личности. Как только в дискуссии начинают встречаться обороты типа «не подлежит сомнению глубокая эрудиция оппонента»,

«как человек выдающихся достоинств, оппонент...» и т.п., можно говорить об аргументе к тщеславию.

Аргумент к авторитету, — обращение в поддержку своих взглядов к идеям и именам тех людей, с кем оппонент не посмеет спорить, даже если они, по его мнению, неправы.

Аргумент к силе («к палке») — угроза неприятными последствиями, в частности угроза применения насилия или прямое употребление каких-то средств принуждения.

Аргумент к невежеству — ссылка на неосведомленность, а то и невежество оппонента в вопросах, относящихся к существу спора; упоминание таких фактов или положений, которых никто из спорящих не знает и не в состоянии проверить.

Аргумент к жалости — возбуждение в другой стороне жалости и сочувствия.

Все эти аргументы являются, конечно, некорректными способами защиты своей позиции.

Недопустимы в аргументации и такие уловки как умышленный уход от темы, длинные разглагольствования о вещах, не имеющих никакого отношения к обсуждаемым вопросам, попытки запутать основную мысль, углубляясь в детали и подробности, чтобы затем незаметно направить внимание аудитории на то, что кажется выигрышным.

Тема. Искусство спора

1. Спор как частный случай аргументации.
2. Корректные приемы спора.
3. Некорректные приемы спора.
4. Споры об истине и споры о ценностях.
5. Четыре разновидности споров.
6. Общие требования к спору.

Цели и задачи:

Определить спор как частный случай аргументации; показать наиболее часто встречающиеся корректные и некорректные приемы спора; охарактеризовать виды спора; требования к спору.

Ключевые вопросы: Что называется спором? Что такое эристика? В чем различие между полемикой, дискуссией, эклектикой, софистикой? Что такое стратегия спора? Тактика спора?

1. Спор как частный случай аргументации

Спор — столкновение мнений или позиций, в ходе которого стороны приводят аргументы в поддержку своих убеждений и критикуют несовместимые с этими убеждениями представления другой стороны.

Спор является частным случаем аргументации, ее наиболее острой и напряженной формой. Всякая аргументация имеет предмет, или тему, но спор характеризуется не просто определенным предметом, а наличием несовместимых представлений об одном и том же объекте, явлении и т.д. Спор предполагает противоположные мнения и активное отстаивание каждой из сторон своей собственной позиции, несовместимой с позицией другой стороны. Если противоположности или столкновения мнений нет, то нет и самого спора, а есть какая-то иная форма аргументации.

Когда в ходе аргументации активная сторона (пропонент) выдвигает какой-то тезис, отношение другой стороны (оппонента) к данному тезису может включать три позиции:

1) оппонент заранее склонен поддержать данный тезис и, возможно, принять его. Задача пропонента в этом случае не в том, чтобы переубедить оппонента, опровергнув его доводы, а в том, чтобы заставить его еще более настойчиво и активно поддерживать тезис;

2) оппонент нейтрален в отношении предлагаемого тезиса и не имеет доводов ни за, ни против него. Задача пропонента состоит в том, чтобы склонить оппонента на свою сторону, рассеяв в случае необходимости те возражения, которые могут возникнуть у оппонента;

3) оппонент отвергает выдвинутый тезис, т.е. поддерживает антитезис. Это может делаться как с приведением определенных аргументов в поддержку своей позиции, так и без всяких доводов. Соответственно проponent может выдвигать свой тезис, поддерживая его аргументами или же не делая этого.

Спор как одна из возможных ситуаций аргументации имеет характерные признаки:

1) на тезис проponentа оппонент отвечает противоположным утверждением, антитезисом («столкновение мнений»);

2) проponent и оппонент выдвигают какие-то доводы в поддержку своих позиций;

3) каждый из спорящих подвергает критике позицию противной стороны.

Если какой-то из этих признаков отсутствует, то спора нет. Иногда все возможные ситуации аргументации пытаются свести к спору или представить спор как аргументацию вообще. Это неправомерно. Спор — это ситуация, когда аргументированно опровергается противоположное мнение.

2. *Корректные приемы спора*

Как и в других случаях аргументации, доводы, используемые в споре, могут быть *корректными* или *некорректными*. Корректные допускают содержание элементов хитрости, но в них нет прямого обмана, вероломства или принуждения силой. Некорректные приемы спора ничем не ограничены и допускают использование в качестве аргументов от умышленно неясного изложения и намеренного запутывания до угрозы наказанием или применения грубой физической силы. Необходимо иметь представление о тех и других приемах спора. О корректных — чтобы знать, как можно, пользуясь допустимыми средствами, отстоять свою точку зрения, о некорректных — чтобы предвидеть, что можно ожидать от противника, и уметь указать на некорректные приемы, если они используются в ходе спора.

Спор — это борьба, а во всякой борьбе очень ценной является инициатива. В споре важно, кто задает тему, как конкретно она определяется. Нужно уметь повести полемику по своему сценарию. Рекомендуются в споре не обороняться, а наступать. Даже оборону лучше вести с помощью наступления. Вместо того, чтобы отвечать на возражения противника, надо заставить его защищаться и отвечать на выдвигаемые против него возражения. Предвидя его доводы, можно заранее, не дожидаясь, пока он их выскажет, выдвинуть их самому и опровергнуть.

Один из приемов, допустимых в устном споре, — **отвлечение внимания** противника от той мысли, которую хотят провести без критики. С этой целью мысль или не высказывается вовсе, а только подразумевается, или высказывается, но как бы мимоходом, возможно короче, в сжатой форме. Перед этим для отвлечения внимания выдвигают идею, способную своим содержанием или формой выражения привлечь внимание противника, задеть его, поразить и т.п. Можно также перед той мыслью, которую намереваются провести без критики, выдвинуть какой-то второстепенный, но заведомо слабый аргумент. Спорщик, постоянно нацеленный на поиск слабых мест в доводах противоположной стороны, сразу же набросится на явно слабое место и пропустит ближайшие к ней доводы, особенно, если они приводятся между прочим и не бросаются в глаза своей ошибочностью.

Иногда полезно возложить «бремя доказывания» на противника. Можно сослаться, например, на то, что ваш тезис вытекает из уже признанного общего положения. Тезис противника окажется исключением из этого положения, и тому нужно будет доказать правомерность такого исключения.

Корректной и уместной будет концентрация действий, направленных на центральное звено системы аргументов противника или на наиболее слабое ее звено. «Вполне позволителен и тот прием (его даже трудно назвать "уловкой"), — пишет С.И.Поварнин, — когда мы видим, что противник смутился при каком-нибудь доводе или стал особенно горячиться, или стараться "ускользнуть" от ответа, — обращаем особенное внимание на этот довод и начинаем "напирать" на него. Какой бы ни был спор, всегда следует зорко следить за слабыми пунктами в аргументации противника и, найдя такой пункт, "разработать" его до конца, не "выпуская" противника из рук, пока не выяснилась и не подчеркнулась вся слабость этого пункта.

"Выпустить" противника в таких случаях можно лишь тогда, когда у противника очевидно шок или т.п., или же из великодушия, из известного "рыцарства в споре", если он попал вособо нелепый "просак". Между тем умение использовать слабые места противника встречается довольно редко. Кого интересует искусство спора, тот часто с жалостью наблюдает, как спорщик, по полному своему неумению ориентироваться в споре или по другим причинам, теряет свое преимущество перед противником. Можно применять в споре и прием опровержения противника его же собственным оружием. Из принятых им посылок надо всегда пытаться вывести следствия, подкрепляющие защищаемый вами тезис. Особый интерес в этом случае представляют неожиданные для противника следствия, о которых он даже не подозревал. Эффект внезапности можно использовать и многими другими способами. Например, придержать самые неожиданные и важные сведения к концу спора.

Корректность приема, используемого в споре, существенно зависит от того, какими именно приемами или уловками пользуется противоположная сторона. Например, к эффекту внезапности уместно прибегать в споре с тем, кто сам приберегает самые важные и неожиданные сведения к концу спора; напирать на слабое звено аргументации оппонента особенно оправданно в том случае, когда он постоянно выискивает слабые стороны ваших доводов и т.п.

К корректным приемам обычно относят и оттягивание возражения. Хорошо описывает эту уловку С.И.Поварнин: «Иногда бывает так, что противник привел нам довод, на который мы не можем сразу найти возражение. Просто "не приходит в голову", да и только. В таких случаях стараются по возможности незаметнее для противника "оттянуть возражение", например, ставят вопросы в связи с приведенным доводом, как бы для выяснения его или для осведомления вообще, — хотя ни в том, ни в другом не нуждаются; начинают ответ издали, с чего-нибудь имеющего отношение к данному вопросу, но прямо с ним не связанного и т.д. В это самое время мысль работает, и часто является желаемое возражение, к которому сейчас и переходят. Надо уметь это сделать ловко и незаметно. Если противник заметит, в чем дело, он всячески будет мешать уловке. Уловка эта в чистом виде вполне позволительна и часто необходима. Психический механизм человека — механизм очень капризный. Иногда вдруг мысль в споре отказывается на момент от работы при самом обычном или даже нелепом возражении. Человек *теряется*. Особенно часто случается это с людьми нервными или застенчивыми, под влиянием самых неожиданных причин, — например, даже иногда под влиянием внезапно мелькнувшей мысли: "А вдруг я не найду ответа" (самовнушение). Высшей степени это явление достигает в так называемом "шоке". У спорящего вдруг утрачивается весь багаж мыслей по данному вопросу. "Голова опустела". Все знания, все доводы, все возражения как будто вылетели из головы. Человек совершенно беспомощен. Такой "шок" встречается чаще всего тогда, когда человек очень волнуется или устал. В подобных случаях единственное "спасение" — разбираемая нами уловка. Надо стараться не выдать своего состояния, не смотреть растерянно, не понижать и не ослаблять голоса, говорить твердо и умело оттянуть возражение до тех пор, пока не оправишься. Иначе и противник, и слушатели (по большей части судящие о ходе спора "по внешности") будут думать, что мы "разбиты", как бы нелеп ни был довод, при котором случилась с нами эта неприятная история»

Нередко, особенно когда предмет спора не вполне определен, может оказаться полезным не занимать с самого начала жесткую позицию, не спешить твердо и недвусмысленно изложить ее. Иначе в переменчивых обстоятельствах спора трудно будет ее модифицировать и тем более от чего-то отказаться.

Принято считать, что нет ничего недозволенного и в таком приеме, как взять слово в самом конце спора, зная все аргументы выступавших и лишая их возможности развернутого ответа. Однако вряд ли этот прием демократичен: он доступен далеко не для каждого участвующего в споре.

3. Некорректные приемы спора

Некорректные приемы, используемые в спорах, не только многочисленны, но и чрезвычайно разнородны. Одни из них можно считать грубыми, или даже очень грубыми, другие чрезвычайно изощренными.

Наиболее грубыми являются «механические», как их называет С.И. Поварнин, уловки. Таков, в частности, неправильный «выход из спора». «...Бывает и так, — пишет Поварнин, — что спорщику приходится в споре плохопотому, что противник сильнее его или вообще, или в данном вопросе. Он чувствует, что спор ему не по силам, и старается всячески "улизнуть из спора", "притушить спор", "прикончить спор". В средствах тут не стесняются и нередко прибегают к грубейшим механическим уловкам».

Самым грубым и самым «механическим» Поварнин называет прием, когда противнику не дают возможности говорить: «Спорщик постоянно перебивает противника, старается перекричать или просто демонстративно показывает, что не желает его слушать: зажимает себе уши, напевает, свистит и т.д. В споре при слушателях иногда играют такую роль слушатели, видящие, что их единомышленнику приходится плохо: тут бывает и хор одобрения или неодобрения, и рев, и гоготанье, и топанье ногами, и ломанье столов и стульев, и демонстративный выход из помещения — все по мере культурности нравов слушателей. Спорить при таких условиях, конечно, невозможно. Это называется (в случае успеха) *сорвать спор*».

Если спорщик достаточно нахален, он может, "поспорив" так с вами и не дав вам сказать ни слова, заявить: "С вами нельзя спорить, потому что вы не даете толкового ответа на вопросы" или даже: "Потому что вы положительно не даете возможности говорить". Иногда все это делается "тоньше". Вы привели сильный, но сложный довод, против которого противник не может ничего возразить: он тогда говорит с иронией: "Простите, но я не могу спорить с вами больше. Такие доводы — выше моего понимания. Они слишком учены для меня" и т.п. После этого многие просто прекращают спор.

Довольно грубым приемом является и организация «хора» полуслушателей — полуучастников спора, всячески восхваляющих доводы одной стороны и демонстрирующих скептическое, а то и презрительное отношение к доводам другой стороны. «Вот остроумное замечание! Это называется смотреть в корень вещей», «Превосходно!», «Безусловно правильно», «Изумительный ответ» и т.п., — эти восклицания адресуются той стороне спора, которую поддерживает специально подготовленная аудитория; «Слабый ответ», «Плохие доводы», «Это то же, что ничего не ответить», «Все это только пустые оправдания», «Доводы, внушающие жалость» и т.п., — все это адресуется стороне, которую аудитория намеревается «завалить»

Предельно грубым приемом в споре является использование насилия, физического принуждения или даже истязания для того, чтобы заставить другую сторону, если не принять тезис, то хотя бы сделать вид, что она его принимает. Разновидности этого «аргумента от палки» Поварнин описывает так: «Сначала человек спорит честь-честью, спорит из-за того, истинен ли тезис или ложен. Но спор разыгрывается не в его пользу — и он обращается ко властям предержащим, указывая на опасность тезиса для государства или общества и т.д. Все равно, какие власти: старого режима или нового, "городовые" или "товарищи", — название такого приема одно и то же: "призыв к городовому". И суть одна и та же: приходит какая-нибудь "власть" и зажимает противнику нашему рот. Что и требовалось доказать. Спор прекратился, и "победа" за нами. Для того, чтобы применить подобную уловку, требуется, конечно, очень невежественная голова или очень темная совесть.

Но "призыв к городовому" имеет целью только прекратить спор. Многие этим не довольствуются, а применяют подобные же средства, чтобы "убедить" противника, т.е., вернее, заставить его, по крайней мере на словах, согласиться с нами. Тогда подобные доводы получают название "палочных доводов". Конечно, и в наше время употребляются еще "палочные доводы" в *буквальном* смысле слова. Насилие во всех видах очень часто "убеждает" многих и разрешает споры, по крайней мере на время. Но такие палочные до-

воды в область рассмотрения логики, хотя бы и прикладной, не входят. Здесь палочным доводом называется довольно некрасивая уловка, состоящая в том, что приводят такой довод, который противник... *должен принять из боязни* чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он *не может правильно ответить по той же причине* и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь "обходные пути". Это, в сущности, разбой в споре. Даже, пожалуй, в одном отношении, еще хуже. Разбойник открыто предлагает дилемму "кошелек или жизнь". Софист преподносит *скрытым образом* и с невинным видом дилемму: "принять довод или потерпеть неприятность", "не возражать или пострадать". Такие доводы изобилуют во все времена, у всех народов, при всех режимах: в государственной, в общественной, в частной жизни.»

Разновидностью «аргумента от палки» Поварнин считает и доводы, апеллирующие к тайным мыслям и невыраженным побуждениям другой стороны в споре. «К наиболее "любимым" видоизменениям и усложнениям относятся прежде всего многие случаи "чтения в сердцах". Эта уловка состоит в том, что софист не столько разбирает ваши слова, сколько те тайные мотивы, которые заставили вас их высказывать. Иногда даже он только этим и ограничивается. Достаточно! Не в форме "палочного довода" эта уловка встречается очень часто и употребляется вообще для "зажимания рта" противнику. Например, собеседник высказывает вам в споре: "Вы это говорите не потому, что сами убеждены в этом, а из упорства", "Лишь бы поспорить". "Вы сами думаете то же, только не хотите признать своей ошибки". "Вы говорите из зависти к нему". "Из сословных интересов"... "Сколько вам дали за то, чтобы поддерживать это мнение?", "Вы говорите так из партийной дисциплины" и т.д. Что ответить на такое "чтение в сердцах"? Оно многим "зажимает рот", потому что обычно опровергнуть подобное обвинение невозможно так же, как и доказать его. Другие умеют "срезать" подобного противника, например, ловко и резко подчеркнув характер его уловки. Но настоящую грозную силу уловка эта приобретает *в связи с палочным доводом*. Например, если мы доказываем вредность какого-нибудь правительственного мероприятия, противник пишет: "Причина такого нападения на мероприятие ясна: это стремление подорвать престиж власти. Чем больше разрухи, тем это желательнее для подобных слуг революции (или контрреволюции)" и т.п. или: "Эти слова — явный призыв к вооруженному восстанию" и т.д.

Конечно, подобные обвинения, если они обоснованы, может быть, в данном случае и справедливы, и обвинитель делает очень полезное дело, обращая внимание на известные факты. Иногда это гражданский долг. Но нельзя же называть это *спором*, и нельзя этого примешивать к спору. Спор — это борьба двух мыслей, а не мысли и дубины. Вот против примеси таких приемов к спору необходимо всячески и всемерно протестовать. Не всякая словесная борьба — спор.

Иногда "чтение в сердцах" принимает другую форму: отыскивают мотив, по которому человек *не говорит* чего-нибудь или не пишет. Несомненно, этого он не делает по такому-то или по такому мотиву (например, "крамольному"). Например, почему он не выразил "патриотического восторга", рассказывая о таком-то событии? Явно, ему не сочувствует. Таким образом, для искусного любителя "читать в сердцах" представляется, при желании, возможность отыскать контрреволюционную или революционную "крамолу" и т.п. как в некоторых словах противника, так иногда и в его молчании»

Спор — это определенная деятельность, причем деятельность, требующая напряжения не только интеллекта, но и всех духовных сил человека. Мысль, память, воображение спорящих должны работать особенно эффективно и четко. Смешавшийся, вставший в тупик, растерявшийся участник спора рискует забыть и упустить свои самые надежные и выигрышные доводы и потерпеть неудачу в споре. Если мы сильно взволнованы, возбуждены, горячимся, смущены и т.п. — мы спорим хуже, чем обычно. Спор — это не соревнование чистых интеллектов, а состязание, затрагивающее все стороны человеческой души.

Еще один некорректный прием — использование ложных и недоказанных аргументов в надежде на то, что противная сторона этого не заметит.

Употребление ложных, недоказанных или непроверенных аргументов нередко сопровождается оборотами: «всем известно», «давно установлено», «совершенно очевидно», «никто не станет отрицать» и т.п. Слушателю как бы оставляется одно: упрекать себя за незнание того, что давно и всем известно.

К одной из форм лжи иногда относят намеренное запутывание, или сбивание с толку. В выступлении того, кто прибегает к такому приему, возможно, и содержится какая-то информация, но ее чрезвычайно трудно уловить.

Целый ряд некорректных приемов — их обычно называют *психологическими* — как раз и ориентируется на то, чтобы вывести оппонента в споре из психического равновесия, расстроить работу его мысли и воображения.

«Самая грубая и обычная уловка, — пишет Поварнин, — *раздражить противника и вывести из себя*. Для этого пускают в ход грубые выходки, оскорбления, глумление, издевательство, явно несправедливые, возмущающие обвинения и т.д. Если противник "вскипел" — дело выиграно. Он потерял много шансов в споре. Некоторые искусно стараются "взвинтить" его до желательной степени. Применяют и разные другие способы, чтобы "вывести из равновесия". Иной намеренно начинает глумиться над вашими "святыми святыми". В личности он не пускается, нет! Но "взвинтить" может неосторожного идеалиста до последнего предела. Если спор очень важный, при слушателях, ответственный, то иные прибегают даже к "уловке артистов". Некоторые артисты, например певцы, чтобы "подрезать" своего соперника, перед его выступлением сообщают ему какое-нибудь крайне неприятное известие, чем-нибудь расстраивают его или выводят из себя оскорблением и т.п. в расчете, что он после этого не будет владеть собой и плохо споеет. Так, по слухам, не гнушаются поступать изредка некоторые спорщики перед ответственным спором. Нужно и против нее быть настороже»

Некорректен и такой психологический прием, когда один из спорящих говорит очень быстро, выражает свои мысли в специально усложненной или путаной форме, быстро сменяет одну мысль другою. Этот прием производит особенно тяжелое впечатление, когда быстрая, путаная, постоянно меняющая свое направление речь обращена к неопытному спорщику или к человеку, мыслящему пусть основательно, но медленно и с трудом схватывающему только кое-что из сказанного. «Наиболее наглые, — пишет Поварнин, — иногда не стесняются приводить мысли без всякой связи, иногда нелепые, — и пока медленно мыслящий и честный противник старается уловить связь между мыслями, никак не предполагая, что возможно такое нахальство, они уже с торжествующим видом покидают поле битвы. Это делается чаще всего перед такими слушателями, которые ровно ничего не понимают в теме спора, а судят об успехе или поражении — по внешности».

Таким образом, можно сделать вывод, что корректные приемы спора — это, в сущности, корректные приемы аргументации вообще плюс то небольшое, что связано со спецификой спора. Некорректные приемы спора — это некорректные приемы всякой аргументации с добавлением тех вариантов обмана, запутывания и сбивания с толку, которые могут встречаться именно в спорах.

3. Споры об истине и споры о ценностях

Аргументы это средства спора. Что касается его цели, то это может быть *обнаружение истины* или *достижение победы в споре*.

Ясной границы между спорами, ведущимися с целью прояснения истины, и спорами, направленными на победу одной из сторон не существует. Отсутствие четких разграничений не означает, что сами эти разграничения не являются важными. Хорошую характеристику споров, направленных на поиск и прояснение истины, дает польский философ и логик Т. Котарбиньский, называющий такие споры «предметной дискуссией». Он отмечает, что участник спора, который хочет выяснить истину, пытается найти ее и в рассуждениях противника. С этой целью в ходе спора он прилагает усилия к тому, чтобы извлечь из утверждений противника все то ценное, что может помочь выявлению истины. Спор, целью которого является победа, — это всегда спор о ценностях, об утверждении каких-то собственных оценок и

опровержении несовместимых с ними оценочных суждений другой стороны. Честность, равенство, справедливость, сострадание, любовь к ближнему — всё это ценности, и споры о них — это всегда споры о ценностях. Личные планы и планы социальных групп, нормы государства и принципы морали, традиции и идеалы и т.д. — всё это также ценности. Цель всех споров о ценностях — не истина, а победа. Если перед спором ставится задача — достичь победы, то такой спор, как бы ни представляли его спорящие себе и окружающим, является спором о ценностях. Даже спор об истинности тех или иных утверждений становится спором о ценностях, когда ориентируется не на истину, а на победу одной из сторон.

Несколько упрощенным является мнение о том, что целью каждого спора может быть только истина или достижение общего согласия по еще нерешенным проблемам, оказавшимся источником спора. Человек — не только разумное и познающее, но и действующее существо. Действие — это всегда успех или неуспех, удача или неудача. Не следует представлять дело так, что успех достигается только теми, кто ориентируется на истину, и что неудача — неизбежный удел тех, кто не особенно считается с нею. Иногда, и нередко, успех достигается как раз неправыми средствами.

Можно отметить, что подавляющее большинство обычных споров — это как раз споры не об истине, а о ценностях. Споры об истине встречаются по преимуществу в науке, но и там они нередко переходят в споры о ценностях.

Таким образом, можно выделить *споры об описаниях* и *споры об оценках*. Конечной целью первых является истина, т.е. достижение описания, отвечающего реальности. Цель споров об оценках — утверждение каких-то оценок и, соответственно, принятие конкретного, определяемого ими направления будущей деятельности. Слово «победа» прямо относится только к спорам об оценках и выражаемых ими ценностях. **Победа** — это утверждение одной из противостоящих друг другу систем ценностей. В спорах об истине победа одной из спорящих может пониматься лишь в переносном смысле: когда в результате спора открывается истина, она делается достоянием обеих спорящих сторон, и «победа» одной из них имеет чисто психологический характер.

5. Четыре разновидности споров

По своей цели споры делятся на *преследующие истину* и *преследующие победу над противоположной стороной*. По своим средствам они подразделяются на *использующие только корректные приемы* и *использующие также разнообразные некорректные приемы*.

Объединяя эти два деления споров, получаем четыре их разновидности, которые можно назвать **дискуссией, полемикой, эклектикой и софистикой**.

Дискуссия — спор, направленный на достижение истины и использующий только корректные приемы ведения спора.

Пolemika — спор, направленный на победу над противоположной стороной и использующий только корректные приемы.

Эклектика — спор, имеющий своей целью достижение истины, но использующий для этого и некорректные приемы.

Софистика — спор, имеющий своей целью достижение победы над противоположной стороной с использованием как корректных, так и некорректных приемов.

Дискуссия — одна из важнейших форм коммуникации, метод решения спорных проблем. Она позволяет лучше понять то, что не является в полной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. И если даже участники дискуссии не приходят в итоге к согласию, они достигают в ходе дискуссии лучшего взаимопонимания. Дискуссия уменьшает момент субъективности. Убеждения отдельного человека или группы людей она сообщает общую поддержку и тем самым определенную обоснованность. Непосредственная задача дискуссии — достижение определенной степени согласия ее участников относительно дискутируемого тезиса. Используемые в дискуссии средства должны быть корректными и признаваться всеми, кто принимает в ней участие. Употребление некорректных средств ведет обычно к прекращению дискуссии.

Полемика, во многом подобная дискуссии, существенно отличается от нее как в отношении своей цели, так и применяемых средств. Цель полемики — не достижение согласия, а победа над другой стороной, утверждение собственной точки зрения. Средства, употребляемые в полемике, должны быть корректными, но не обязательно все участники должны быть согласны с ними. Каждый из них применяет те приемы, которые находит нужными для достижения победы, и не считается с тем, насколько они соответствуют представлениям других участников полемики о допустимых приемах спора. Хотя полемика и направлена по преимуществу на утверждение своей позиции, необходимо постоянно иметь в виду, что победа ошибочной точки зрения, добытая благодаря уловкам и слабости другой стороны, как правило, недолговечна и не способна принести моральное удовлетворение.

В самом общем смысле эклектика — это соединение разнородных, внутренне не связанных и, возможно, несовместимых идей, концепций, стилей и т.д. Спор об истине, использующий и некорректные приемы, иногда называют «эклектикой» на том основании, что такие приемы плохо согласуются с самой природой истины. Например, осыпая комплиментами всех присутствующих при споре или, напротив, угрожая им силой, можно склонить их к любому мнению. Тем не менее, эклектические споры, в которых истина поддерживается чужеродными ей средствами, существуют, и они достаточно часты. Они встречаются даже в науке, особенно в период формирования новых научных теорий, когда осваивается новая проблематика и еще не возник синтез разрозненных фактов, представлений и гипотез, сливаясь в единую систему.

Истина рождается в споре и утверждается с помощью корректных средств. Но наука делается живыми людьми, на которых оказывают воздействие и некорректные приемы. Не удивительно поэтому, что в спорах об истине иногда возникает желание воспользоваться какими-то мягкими формами таких приемов.

Софистика — спор, в котором для достижения победы над противником используются любые средства, включая и заведомо некорректные. В споре, как и в других делах, нельзя быть неразборчивым в применяемых средствах. Не следует вступать в спор с единственной целью — победить в нем любой ценой, не считаясь ни с чем, даже с истиной и добром.

6. Общие требования к спору

Искусство ведения спора называется *эристикой*. Эристика получила большое распространение в Древней Греции в связи с расцветом политической, судебной и моральной полемики. Первоначально эристика понималась как *средство отыскания истины и добра с помощью спора*, она должна была учить умению убеждать других в правильности высказываемых взглядов и, соответственно, умению склонять человека к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Но постепенно эристика переродилась в обучение тому, как вести спор, чтобы достигнуть единственной цели — выиграть его любой ценой, совершенно не заботясь об истине и справедливости. Широкое применение получили разнообразные некорректные приемы достижения победы в споре. Это серьезно подорвало доверие к обучению искусству спора. Эристика разделилась на диалектику и софистику. Диалектика развивалась Сократом, впервые применившим само слово «диалектика» для обозначения искусства вести эффективный спор, диалог, в котором путем взаимозаинтересованного обсуждения проблемы и противоборства мнений достигается истина. Софистика же, ставившая целью спора победу в нем, а не истину, существенно скомпрометировала саму идею искусства спора. Аристотель отмечал неправомерное отождествление эристики с софистикой. А.Шопенгауэр определял эристику в качестве духовного фехтования с единственной целью — остаться правым.

Эристика как изучение спора и обучение искусству его ведения и правомерна, и полезна, но только при условии, что целью спора считается установление истины и добра, а не просто победа любой ценой. Эристика не является отдельной наукой или разделом какой-то науки. Она представляет собой разновидность «практического искусства», подобного обучению ходьбе и музыке.

Конечно, не существует такого общего перечня требований, которому удовлетворяли бы все четыре разновидности споров. Софистика вообще не стеснена никакими правилами: в софистическом споре может быть нарушено любое общее требование, не исключая требования

знать хотя бы приблизительно те проблемы, о которых зашел спор. Для трех остальных разновидностей спора можно сформулировать общие требования, которым они должны удовлетворять, если считать, что спорящие ориентируются в конечном счете на раскрытие истины или добра.

1. *Не следует спорить без особой необходимости.* Если есть возможность достичь согласия без спора, надо этим воспользоваться.

2. *Всякий спор должен иметь свою тему, свой предмет.* Это — очевидное требование к спору, но даже оно иногда нарушается. Беспредметные споры, споры по проблемам, неясным для спорящих сторон, оставляют, как правило, тяжелый осадок из-за своей бессвязности и беспомощности.

3. *Тема спора не должна изменяться или подменяться другой на всем его протяжении спора.*

Это условие соблюдается редко, поскольку в начале спора в большинстве случаев тема не является достаточно определенной. Но обнаруживается это только в процессе спора. Его участники вынуждены постоянно уточнять свои позиции, что ведет к изменению подходов к теме спора, к смещению акцентов в рамках этой темы.

4. *Спор имеет место только при наличии несовместимых представлений об одном и том же объекте, явлении и т.д.* Если такой несовместимости нет, то спорить дальше не о чем. В этом случае спорящие будут говорить только о разных сторонах одного и того же объекта, дополняющих, но не исключающих друг друга.

5. *Спор предполагает также определенную общность исходных позиций сторон, некоторый единый для них базис.* Всякий спор опирается на определенные предпосылки, не существует споров, возникающих на пустом месте. Общность базиса обеспечивает начальное взаимопонимание спорящих, создает возможность развернуться противоборству. Те, кто совершенно не понимают друг друга, не способны спорить, точно так же, как они не способны прийти к согласию.

6. *Успешное ведение спора требует определенного знания логики.* Прежде всего предполагается умение выводить следствия из своих и чужих утверждений, замечать противоречия, выявлять отсутствие логических связей между утверждениями. Требование быть логичным и последовательным в споре не означает, что спор должен разворачиваться как сугубо формальное доказательство определенной точки зрения. В ходе дискуссии или полемики уместны и шутки, и отступления, и многое другое, что не связано прямо с логикой развития мысли.

7. *Спор требует определенного знания тех вещей, о которых идет речь.* Это знание не может быть полным, иначе не возникли бы разногласия и полемика. Но оно все-таки должно быть достаточно обширным. Плохо, когда люди начинают спорить о том, о чем они знают только понаслышке, а то и вовсе не имеют представления. Отсутствие основательных знаний часто сочетается с привычкой подходить ко всему с готовыми мерками и определениями, на каждый вопрос иметь готовый ответ.

8. *В споре нужно стремиться к выяснению истины и добра* — это одно из наиболее важных требований к спору. Принципиальное значение этого требования впервые подчеркивал еще Сократ в своей полемике с софистами, упрекая софистов в том, что, по их мнению, тому, кто собирается стать хорошим оратором, совершенно излишне иметь истинное представление о справедливых и хороших делах. В результате такой позиции никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность.

Итак, в споре нужно бороться не за утверждение собственного мнения, а за установление истины и добра.

9. *В споре нужно проявлять гибкость.* Ситуация в споре постоянно меняется. Вводятся новые аргументы, всплывают неизвестные ранее факты, меняются позиции участников — на все это приходится реагировать. Но гибкость тактики спора вовсе не предполагает резкой смены позиции с каждым новым моментом. Вступив в спор и уяснив свое отношение к обсуждаемому предмету, надо твердо стоять на занятой позиции, стараясь сделать ее как

можно более определенной и ясной. Наиболее распространены два крайних способа ведения спора: уступчивость и жесткость. Но более эффективен способ, соединяющий в себе особенности и того и другого. Там, где это возможно, нужно искать точки соприкосновения и совпадения взглядов, а там, где точки зрения вступают в противоречие, настаивать на решении, основанном на беспристрастных критериях, не зависящих от спорящих сторон. Жесткость необходима, когда речь идет о существовании вопроса; если же дело касается деталей, частных, личностных моментов, субъективных симпатий и антипатий, обычно лучше проявить уступчивость и терпимость. Это позволит решать сложные спорные вопросы по существу, не поступаясь своими взглядами и своим достоинством.

10. *Не следует допускать крупных промахов в стратегии и тактике спора.* Понятно, что спор призван если не разрешить, то по меньшей мере прояснить обсуждаемую проблему. Однако случается, что дискуссия и полемика приводят как раз к противоположному результату. Первоначальные сравнительно четкие представления в ходе спора постепенно расплываются, и к концу его от исходной ясности и казавшихся убедительными аргументов мало что остается. Чаще всего причиной этого является сложность обсуждаемого предмета. Столкновение разных представлений о нем обнажает их частичность и неполноту. В таких случаях часто спор оказывается неоконченным, обсуждаемый вопрос не решенным из-за неумения спорить, в силу очевидных промахов в стратегии и тактике спора.

Стратегия – это наиболее общие принципы аргументации, приведения одних высказываний для обоснования или подкрепления других.

Тактика – поиск и отбор аргументов или доводов, наиболее убедительных с точки зрения обсуждаемой темы и данной аудитории, а также реакции на контраргументы другой стороны в процессе спора.

11. *Не следует бояться признавать в ходе спора свои ошибки.* Главное в споре – это внести свою долю в положительную разработку обсуждаемого вопроса. Человек, убедившийся в ошибочности каких-то своих представлений, должен сказать об этом с полной откровенностью и определенностью, что сделает спор более плодотворным. Нужно быть терпимым к критике и не бояться того, что кто-то укажет нам на ошибки. В споре, когда критические замечания высказываются в лицо, это особенно важно. «Не бойся исправлять свои ошибки», – говорил Конфуций. Этот совет имеет прямое отношение к спору.

Дополнительная литература к курсу лекций:

1. Емемерен Ф.Х. ван; Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация, ошибки. – Л.: Васильевский о-в, 1992.

2. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М., 1997.

5. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – Минск: ТПЦ «ПОЛИФАКТ», 1992.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ (РЕКОМЕНДАЦИИ).

1. Методические указания для преподавателя.

Дисциплина «Основы теории аргументации» является самостоятельной сферой научного знания. Она преподается студентам, имеющим опыт обучения (дисциплина изучается на третьем курсе) и изучившим курс логики, поэтому задачей преподавателя является повторение основных значимых тем из курса логики и изучение нового материала по видам аргументации, а также привитие необходимых навыков в организации своей учебной работы в достаточно новых для них условиях.

Основной метод обучения – лекционно-семинарский, сочетаемый с самостоятельной работой студентов. Изучение теоретического материала дополняется работой на семинарских занятиях, процесс обучения идет последовательно от темы к теме. На семинарских занятиях студенты участвуют в аналитике и обсуждении конкретных речей

известных российских ораторов, современных адвокатов и прокуроров, политиков. Студенты учатся грамотно дискутировать, выражать свою точку зрения и обосновывать её, а также анализировать используемые приемы в аргументативном процессе и видеть допущенные ошибки.

Весь объем учебного материала дисциплины «Основы теории аргументации», который необходимо усвоить студентам, разделен на три блока: лекции, семинарские занятия и СРС (самостоятельная работа студентов).

При проведении первых аудиторных занятий необходимо ознакомить студентов с целями и задачами освоения дисциплины «Основы теории аргументации», структурой учебного курса, разъяснить алгоритм их учебной работы и дать рекомендации по ее организации, нацелить на качественный результат.

При проведении первых лекций преподавателю необходимо обратить особое внимание на доступность излагаемого материала и темп его изложения (возможность конспектирования), дать рекомендации для дальнейшей самостоятельной работы над данной темой. Для скорейшего и более качественного усвоения студентами понятийно-категориального аппарата дисциплины «Основы теории аргументации» преподаватель может на лекции проводить терминологические диктанты (словарные работы). С целью проверки качества усвоения студентами материала, рассмотренного на лекции и привития им навыков краткого письменного изложения своих мыслей, преподаватель может в конце занятия проводить экспресс-опрос (ответы на вопросы по рассмотренному на лекции материалу).

Для обеспечения регулярного контроля усвоения пройденного на лекциях учебного материала и последующей самостоятельной работы студентов над данной темой, преподаватель может брать на проверку их конспекты.

При проведении семинарских занятий преподаватель должен четко сформулировать цель занятия и основные проблемные вопросы. После ответов студентов необходимо подчеркнуть положительные аспекты проделанной ими работы и обратить внимание на имеющиеся ошибки и неточности, дать рекомендации по подготовке к следующим семинарским занятиям. Предлагаемые к каждому занятию ключевые вопросы позволяют преподавателю вовлечь большинство студентов группы в коллективный поиск наиболее правильного ответа. При подведении итогов работы преподаватель оценивает работу каждого выступившего студента, выделяя наиболее активных. Семинар может включать в себя элементы индивидуального собеседования. С целью достижения более качественной подготовленности студентов и привития им навыков краткого письменного изложения своих мыслей по предложенной тематике преподаватель может в конце занятия проводить контрольные опросы.

При организации самостоятельной работы студентов (СРС) преподаватель должен в начале учебного семестра сообщить им тематику и план-график самостоятельного изучения тех тем дисциплины, которые выделены в отдельный блок (См.: Рабочая программа, п. 5), дать рекомендации по освоению этого учебного материала. Методика СРС предварительно разъясняется преподавателем и в последующем может уточняться и корректироваться с учетом индивидуальных особенностей студентов. Следует учитывать что, СРС включает в себя повторение и дополнительное углубленное изучение тем, рассмотренных на лекциях, подготовку к семинарским занятиям, выполнение заданий преподавателя, подготовку к выполнению различных письменных работ.

Преподаватель должен осуществлять индивидуальный контроль работы студентов, давать соответствующие рекомендации, а в случае необходимости помочь студенту составить индивидуальный план работы по изучению дисциплины.

2. Методические указания студентам по изучению дисциплины.

Работу по изучению дисциплины «Основы теории аргументации» целесообразно начинать со знакомства с Рабочей программой, которая содержит основные требования к уровню знаний, умений, навыков обучающихся, с ознакомления с тематикой лекций и семинарских занятий, их очередностью, с тематикой, вынесенной на самостоятельное

изучение студентами. Получив представление об основном содержании раздела, темы, студентам необходимо изучить данный материал, представленный в учебнике, придерживаясь рекомендаций преподавателя, данных в ходе учебных занятий по методике работы с учебным материалом.

Весь объем учебного материала дисциплины «Основы теории аргументации», который необходимо усвоить студентам, разделен на три блока: лекции, семинарские занятия и СРС (самостоятельная работа студентов).

Основными видами аудиторной работы студента при изучении дисциплины «Основы теории аргументации» являются лекции и семинарские занятия. В обязанности студента входит посещение всех аудиторных занятий. В случае пропуска занятия, студент должен самостоятельно изучить данную тему и составить краткий конспект. Отчитаться за пропущенные занятия студент может на консультации – он предоставляет преподавателю для проверки конспект и отвечает на ключевые вопросы по данной теме. Студент может быть не допущен к зачету, если имеет много пропусков без уважительной причины и не отчитался за пропущенные занятия.

На лекциях излагаются и разъясняются основные понятия темы, связанные с ней теоретические и практические проблемы, даются рекомендации студентам для дальнейшей самостоятельной работы над данной темой. В ходе лекции студент должен внимательно слушать, конспектировать лекционный материал. Кроме того, отвечать на вопросы и выполнять задания преподавателя (если таковые предусмотрены по данной теме).

На семинарских занятиях нарабатывается навык поиска логических ошибок в различных судебных речах, умение правильно строить аргументацию, использовать приемы ораторского искусства. Кроме того, семинарские занятия являются формой контроля преподавателя за:

- самостоятельной работой студентов по изучению учебного материала, вынесенного на семинарские занятия;
- развитием умений и навыков аргументативного процесса;

Семинарскому занятию предшествует самостоятельная подготовка студентов, связанная с освоением материалов, изложенных в учебниках и учебных пособиях, а также в учебной литературе, рекомендованной преподавателем.

Семинарские занятия по курсу «Основы теории аргументации» могут проводиться в форме учебных конференций. Конференция включает в себя выступления студентов с подготовленными ими самостоятельно докладами по отдельным проблемам темы. Желательно предоставить текст доклада предварительно преподавателю для ознакомления.

3. Методические указания по самостоятельной работе студентов.

Блок СРС (самостоятельная работа студентов) представляет собой самостоятельное изучение и освоение учебного материала, в соответствии с изучаемой темой. В ходе самостоятельного изучения учебного материала студент должен внимательно его прочесть и составить краткий конспект, который по мере готовности сдается для проверки преподавателю. Студентам следует придерживаться графика (сроков), указанных в тематическом плане (тематический план-проспект по дисциплине студенты получают на первом семинарском занятии).

В процессе организации самостоятельной работы студентов большое значение имеют текущие консультации преподавателя. Они могут быть как коллективные (учебная группа полностью), групповые, так и индивидуальные. С графиком проведения консультаций преподавателя можно ознакомиться на кафедре.

Результаты контроля качества учебной работы студентов преподаватель оценивает и выставляет текущие оценки в рабочий журнал. Студент имеет право ознакомиться с выставленными ему оценками. Студентам необходимо помнить, что важным видом их работы при изучении дисциплины «Основы теории аргументации» является их самостоятельная работа. Поэтому правильная её организация является залогом успешного изучения дисциплины. Нельзя надеяться только на тот материал, который был озвучен в ходе

лекций или семинарских занятий, необходимо его закреплять и расширять в ходе дополнительной самостоятельной работы.

Самостоятельная работа студентов должна носить планомерный и творческий характер. Ошибку совершают те студенты, которые надеются освоить весь учебный материал только за время подготовки к зачету. Опыт показывает, что уровень и качество знаний у таких студентов является низким и недолговечным.

При чтении учебной литературы следует обращать внимание на логику рассуждений автора, вычлняя узловые понятия и механизм различных логических операций. Текст следует прочитать не менее двух раз: при первом чтении достигается общее представление о предмете, и только при повторном - логика рассуждений, а также содержание, смысл и значение теории аргументации. Если встречаются незнакомые слова, обязательно следует обращаться к словарям и энциклопедиям.

СРС по изучению тем, не выносимых на лекции, предполагает самостоятельное написание конспекта. Конспект должен быть кратким, информативным и удобным как для использования на семинаре, так и при подготовке к зачету. В целях усиления функциональности конспекта необходимо предусмотреть поля для фиксирования возможных дополнений и замечаний в процессе дальнейшего изучения данной темы.

Процесс подготовки к зачету должен совпадать с логикой изучения учебной дисциплины. Готовить материал следует блоками, а не отдельными вопросами, но при этом четко фиксировать содержание каждого конкретного вопроса. Целесообразно использовать конспекты лекций и подготовки к семинарским занятиям. Особое внимание следует уделить усвоению базовых понятий.

В современном образовательном процессе тестирование выступает как один из эффективных методов обучения и проверки знаний.

Предлагаемые тесты (См.: Рабочая программа, пункт 7) предназначены для организации самостоятельной работы и самоконтроля студентов. Содержание тестов отражает основную проблематику курса теории аргументации и требования, предъявляемые к уровню знаний студентов по данной дисциплине.

Для успешной работы с тестами необходимо усвоение материала данного курса, использование учебников и другой учебной литературы, рекомендуемой рабочей программой и списком дополнительной литературы.

Семинарские занятия.

Семинарское занятие № 1,2

Определение логических ошибок в текстах, определение видов аргументации (доказательство, опровержение).

Контрольные вопросы:

- 1.Что такое убеждение и какие факторы участвуют в формировании убеждений?
- 2.Каково соотношение убеждения и доказательства?
- 3.В чем специфика деструктивной и конструктивной критики?
- 4.В чем отличие прямого доказательства от косвенного?
- 5.В какой форме строится демонстрация и возможные ошибки в демонстрации?
- 6.Назовите правила и ошибки в отношении тезиса, и демонстрации доказательства.
- 7.Виды аргументов, правила оперирования и ошибки по отношению к аргументам.
- 8.Что такое софизмы? Основные виды софизмов.

Задание 1

В приведенных текстах определите логические ошибки, укажите, какие правила нарушены.

1.Какую ошибку в доказательстве имел в виду известный русский логик С.И. Поварнин, приводя пример следующего спора: «...юный идеалист доказывает человеку

«опыта», что такой-то поступок малодушен и бесчестен. Тот сперва стал спорить «чинчином», но затем, видя, что дело его плохо, заявил: «Очень вы еще молоды и неопытны. Поживите, узнаете жизнь и сами со мною согласитесь». Юноша стал доказывать, что молодость не при чем, что «он знает жизнь».

2. После ухода Швейка коллегия трех пришла к единодушному выводу: Швейк – круглый дурак и идиот согласно всем законам природы, открытым знаменитыми учеными психиатрами. В заключении, переданном судебному следователю, между прочим стояло: «Нижеподписавшиеся судебные врачи сошлись в определении полной психической отупелости и врожденного кретинизма представшего перед вышеуказанной комиссией Швейка Йозефа, кретинизм которого явствует из таких слов, как «Да здравствует император Франц-Иосиф Первый», каковых вполне достаточно, чтобы определить психическое состояние Йозефа Швейка как явного идиота».

3. «Сганарель. Мы, великие медики, с первого взгляда определяем заболевание... я немедленно проник в суть вещей и заявляю вам: ваша дочь нема.

Жеронт. Так-то оно так, но я бы хотел услышать, отчего это случилось?

Сганарель. Сделайте одолжение. Оттого, что она утратила дар речи.

Жеронт. Хорошо, но скажите мне, пожалуйста, причину, по которой она его утратила.

Сганарель. Величайшие ученые скажут вам то же самое: оттого, что у нее язык не ворочается.

Жеронт. А в чем вы усматриваете причину того, что он не ворочается?

Сганарель. Аристотель сказал по этому поводу... много хорошего.

Жеронт. Охотно верю.

Сганарель. О, это был великий муж.

Жеронт. Не сомневаюсь.

Сганарель. Подлинно великий!...»(Мольер.«Лекарь поневоле»).

4. « Победоносиков. ...Итак, товарищи, этот набатный революционный призывный трамвайный звонок колоколом должен гудеть в сердце каждого рабочего и крестьянина. Сегодня рельсы Ильича свяжут Площадь имени десятилетия советской медицины с бывшим оплотом буржуазии, Сенным рынком... Кто ездил в трамвае до 25 октября? Деклассированные интеллигенты, попы и дворяне. За сколько ездили? Они ездили за пять копеек станцию. В чем ездили? В желтом трамвае. Кто будет ездить теперь? Теперь будем ездить мы, работники вселенной. Как мы будем ездить? Мы будем ездить со всеми удобствами. В красном трамвае. За сколько? Всего за десять копеек. Итак, товарищи... На чем мы остановились?

Машинистка Ундертон. На «Итак, товарищи...»

Победоносиков. Да, да... Итак, товарищи, помните, что Лев Толстой – величайший и незабвенный художник пера. Его наследие прошлого блещет нам на грани двух миров как большая художественная звезда, как целое созвездие, как самое большое из больших созвездий – Большая Медведица. Лев Толстой... (В. Маяковский «Баня»).

5. «...Миссис Маунтин...была...великой свахой, а поэтому воображала, будто все питают намерение сочетаться браком со всеми остальными... Она знала, что мистер Вашингтон собирается жениться, была убеждена, что столь практичный молодой человек будет подыскивать себе богатую невесту... Госпожа Эсмонд была сущей пигалицей – менее пяти футов росту на самых высоких каблуках и с самой высокой прической, а мистер Вашингтон ростом был в добрых шесть футов два дюйма и широкоплеч. Высокие же и широкоплечие мужчины всегда женятся на пигалицах; откуда следовало, что мистер Вашингтон обязательно должен иметь виды на вдову. Что могло быть логичнее такого вывода?» (Теккерей «Виргинцы»).

6.«Наконец нас обоих привлекли к суду за то, что мы пускали в обращение краденые банкноты, – а там и другие наши художества вскрылись... Когда нас привели в залу суда, я первым делом заметил, каким джентльменом смотрит Компенсон, – кудрявый, в черном

костюме с белым платочком, и каким я против него смотрюсь оборванцем. Когда началось заседание и вкратце перечислили улики, я заметил, как тяжело вина ложится на меня и как легко – на него. Когда принялись за свидетелей, все время выходило, будто это я главный преступник, каждый готов был в том присягнуть – и деньги всегда платили мне, и всем казалось, что я один и затеял дело и барыш получил. А уж когда повел речь защитник Компенсона, тут я понял всю их политику. Он что сказал? «Милорд и джентльмены, вот перед вами стоят два человека, и вы сразу видите, до чего они между собой непохожи. Один, младший, получил воспитание, с ним разговор будет вежливый; другой, старший, не получил воспитания, с ним разговор будет другой; один, младший... не в чем таком не был замечен, а только был на подозрении; другой, старший, был замечен много раз, и всякий раз вина его была доказана. Так разве не ясно, который из них виновен, если виновен один, а если оба – то который виновен гораздо больше?» Ну, и все в этом роде... Компенсон и в школе-то учился, и друзья его детства занимают всякие высокие посты, и свидетели встречали его в таких-то клубах да обществах, и никто про него дурного не слышал...» (Диккенс «Большие надежды»).

7.«Предметом моей сегодняшней лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку... О табаке, так о табаке – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Кого же пугает сухая, научная лекция, кому не нравится, тот может не слушать и выйти. Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредных действий, употребляется также в медицине. Так, например, если муху посадить в табакерку, то она издохнет. Вероятно, от расстройства нервов. Табак есть главным образом растение. Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайтесь внимания: это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в 1889 году 13 сентября, в тот самый день, когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились 13 числа. Впрочем, ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то чтобы пансион, а так, нечто вроде. Между нами говоря, жена любит пожаловаться на недостатки, но у нее кое-что припрятано, этак тысяч сорок или пятьдесят, у меня же ни копейки за душой, ни гроша – ну, да что толковать!» (Чехов «О вреде табака»).

Задание 2

В приведенных текстах определите способ доказательства или опровержения, выделите тезис, аргументы, способ обоснования, укажите виды суждений, разберите их по составу

1. «Ты спросишь, Граттий, меня, почему же так сильно я восхищаюсь этим поэтом? Потому, что дает он моей душе отдохнуть от судебного шума, успокоить мой слух, утомленный злословием споров на форуме. Неужели ты думаешь, что может хватить у меня материала, когда ежедневно мне приходится здесь говорить по делам столь различным, если бы свой дух не воспитывал я на поэзии? Может ли выдержать ум столь напряженный труд, если бы не нашел облегченья в занятиях этой наукой? Я, по крайней мере, открыто скажу про себя, что этим занятиям я искренно предан. Пусть будет стыдно другим, если так зарылись они в свои книги, что не могут из них извлечь ничего на общую пользу, ни представить открыто что-либо на общественный суд; а мне чего же стыдиться, почтенные судьи! За всю свою жизнь моя помощь в тяжелый момент или в трудном положении кому-либо из вас ни в деле гражданском, ни в уголовном не заставила ждать; не удержала меня ни жажда досуга, не отвлекли удовольствия, не заставил промедлить, наконец, даже сон. Поэтому кто же мне бросит слово упрека, кто справедливо решится меня уколоть, если все то время, какое иной изведет для собственных дел, для праздничных зрелищ, для других

удовольствий, наконец просто для отдыха душою и телом, сколько иные истратят его на пиры без конца, на игру в кости или в мяч. – если это время я сам для себя употребляю для того, чтобы вернуться к занятиям дней моей юности? И это тем более мне должны вы позволить, что мой талант как оратора, каков бы он ни был, вырос из этих занятий, и в минуты опасности при судебных процессах он всегда приходил на помощь друзьям. Если кому-либо кажется он не очень серьезным, то все то высокое, что в нем должно заключаться, я знаю наверно, откуда, из какого источника я его мог почерпнуть. Ведь если бы, с дней моей юности слушая многих ученых, читая много их книг, я не внушил бы себе убеждения, что в жизни нет ничего важнее, к чему бы надо стремиться, кроме как к славе, исполненной чести, и для достижения этого надо считать ни во что все телесные муки, все опасности смерти и даже изгнания, – я бы никогда не отдал себя ради вашего блага на растерзание, на эти враждебные выходки в ежедневных, столь многих, столь сильных нападках этих низких, погибших людей. Этими мыслями полны все книги, полны наставления мудрых, полна вся история, опыт седой старины; но все они были бы сокрыты во мраке забвения, если бы на них своих ярких лучей не бросила литература и не осветила бы. Сколько в работах и греков и римлян осталось нам как бы чеканных образов твердых мужей – не только, чтоб созерцать, но и для того, чтобы им подражать. Когда я управлял государством, всегда передо мной они были всегда, мысленно образы этих великих людей созерцая, я укреплял свою душу и мысли» (Цицерон. Речь за поэта Архия).

2.«По личному мнению подсудимого, все его действия носили отпечаток энергии человека, вступившего в новую деятельность одушевленным лучшими и самыми горячими желаниями искоренить беспорядки, накопившиеся в последние десятилетия. Иначе смотрит на эти действия Харьковская палата, усматривающая в них насилие и злоупотребление властью. Среднего пути между этими двумя взглядами нет, и по изучению существа дела, я присоединяюсь не ко взгляду Протопопова, а ко взгляду палаты.

Власть имеет сама в себе много привлекательного. Она дает облеченному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и, хотя бы в очень узкой сфере, карать и миловать; для суетного самомнения отраден вид сдержанной тревоги, плохо скрытого опасения, искательных и недоумевающих взоров... поэтому люди, относящиеся серьезно к идее о власти, получая эту власть в свои руки, обращаются с ней осторожно, а вызванные на проявление ее в благородном смущении призывают себе на память задачи. Но бывают и другие люди. Обольщенные прежде всего созерцанием себя во всеоружии отмежеванной им власти, они только о ней думают и заботятся – и возбуждаются от сознания своей относительной силы. Для них власть обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение. Вино власти бросилось в голову Протопопову.» (А.Ф. Кони Речь по делу Протопопова).

3. «...Буду говорить только о состоянии культуры в нашей стране и, главным образом, о гуманитарной, человеческой ее части. Я внимательно изучал предвыборные платформы депутатов. Меня поразило, что в подавляющем большинстве из них даже не было слова «культура». На самом Съезде слово «культура» было проходным образом произнесено только на третий день. И сейчас об этом говорил Михаил Сергеевич Горбачев.

Между тем без культуры в обществе нет нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука, ибо трудно, например, проверить эксперименты, стоящие миллионы, огромные проекты «строек века» и так далее.

Низкая культура нашей страны отрицательно сказывается на работе, на наших межнациональных отношениях, так как национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности к чужому мнению и не агрессивны. Незнание элементарной, формальной логики, элементов права, отсутствие

воспитанного культурой общественного такта отрицательно сказываются даже на работе нашего Съезда. Я думаю, это не надо пояснять.

К сожалению, в отношении культуры действует еще «остаточный» принцип. Об этом свидетельствует даже Академия наук Советского Союза, где гуманитарной культуре отведено последнее место. Посмотрите справочник Академии наук. Места русской культуре в нем почти нет.

О крайне низком состоянии культуры в нашей стране свидетельствует, во-первых, состояние памятников культуры и истории. Это перед глазами у всех, я не буду об этом говорить. Во-вторых, это состояние библиотек и архивов. О последних, кстати сказать, было хорошо написано в последнем номере «Советской культуры». И так дело обстоит как в самых крупных библиотеках, так и в мелких, сельских. В-третьих, состояние музеев, состояние образования, в первую очередь – среднего начального, где закладывается культура человека» (Д.С. Лихачев Выступление на съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989г.)

Задание 3

Определите способ опровержения (критики), запишите его схему.

1.«Если бы Успенский Ю.Л. действительно замыслил убийство, да еще столь хитро и долго подготавливаемое, чтобы можно было поверить, что Галина Муранова покончила с собой, то позвольте просить вас подумать, стал бы он накануне убийства в руки того, кто жаждет отмщения за дочь, столь грозное оружие против себя, стал бы он, повторяю, накануне смерти своей жены писать ее матери, предваряя, что он замыслил убийство ее дочери?» (Ораторские речи в суде.)

2.Выдающийся ученый и философ эпохи Возрождения Дж. Бруно следующим образом опровергал одно из обвинений инквизиции: «Ему сказано: Не припоминаете ли вы, что говорили, думали или верили, будто люди рождаются в разврате, как все остальные животные, и что это состояние началось еще со времен потопа?»

Ответил: - Я полагаю, что таково мнение Лукреция. Я читал об этом взгляде и слышал, как его излагают, но не выдавал за свой собственный взгляд, не держался его и не признавал. Когда же я обсуждал этот взгляд в своих чтениях, то излагал мнение Лукреция, Эпикура и подобных им. Это мнение не соответствует с моей философией и не может быть выведено из ее оснований и заключений, как в этом легко может убедиться тот, кто читал ее». (Анталогия мировой философии –т.2. стр. 176).

3.«Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть... Мечь обыкновенно руководится личными счетами с отмщением за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был близким, знакомым человеком. Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны те или другие последствия выстрелов. Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевой ценой, мечь действует скрыто, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести... одна мечь была бы неверным мериллом для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич» (Речи известных русских юристов.Из выступления П.А. Александрова по делу В.Засулич).

4.«Если допустить, что адвокаты, как полагает обвинение, сами умоляли Ольгу Штейн бежать вопреки ее воле, то естественно, что она тогда же вместо всяких слез и молений потребовала бы от них возврата гонорара. Да, несомненно, адвокаты и без подобного требования сочли бы долгом, убеждая ее бежать, вернуть, если не полностью, то хотя в части, полученные по делу деньги. Между тем мы видим, что Ольга Штейн, все время ищущая денег, не только во время отъезда, но даже впоследствии, находясь в Нью-Йорке и испытывая сильную нужду, не заявляет подобного вполне естественного требования... Не

ясно ли, что не адвокаты были инициаторами бегства Ольги Штейн, иначе вся картина их денежных отношений сложилась бы совершенно иначе»... (Речи известных русских юристов. Из выступления адвоката М.Г. Казаринова по делу адвокатов Л.А. Безунова и Г.С. Аронсона).

5.«Представим себе на секунду, что Семенова получила эти вещи не преступным путем, а ей их действительно сунули, насильно навязали. Всего проще было пойти и объявить об этом в полицию или хотя бы дождаться утра, чтобы разузнать, в чем дело, сообразить, как с ними быть дальше. Но нет! Тотчас же возникает и с лихорадочной поспешностью осуществляется, естественное лишь в самых крайних, безотлагательных случаях опасности, назревающее средство – бегство...» (Речи известных русских юристов. Из выступления Карабчевского по делу Мироновича).

Задание 4

По какой схеме идет данное доказательство? Является оно прямым или косвенным?

1. Один английский экономист сказал: «Любая короткая фраза об экономике внутренне лжива». Но сама эта фраза, являющаяся короткой, есть фраза об экономике, точнее говоря, фраза о фразах об экономике. Как таковая, она тоже должна быть внутренне лживой. Но то, что она лжива, означает, что есть короткие фразы об экономике, не являющиеся лживыми. Следовательно, некоторые короткие фразы об экономике не являются внутренне лживыми.

2. «Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвитые зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там, высоко-высоко, золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своей чешуею» (М.Ю. Лермонтов).

3. «... В настоящем деле нет середины: нужно или признать, что она (Рыбаковская) совершила убийство с заранее обдуманном намерением, или же нужно признать, что она совершила его по неосторожности; для предположения, что она совершила это преступление в внезапном порыве, не остается места, потому что как из показания Рыбаковской, так и из показания Лейхфельда видно, что между зарядением пистолета и выстрелом прошел известный промежуток времени.... Для того, чтобы предположить в Рыбаковской заранее обдуманное намерение совершить то преступление, в котором она обвиняется.... в настоящем деле решительно нет основания. Сознание ее в том, что она зарядила пистолет, показывает именно то, что она не считает этого обстоятельства уличающим ее в преступлении, что она в этом отношении показывает совершенную правду, хотя это обстоятельство по самому свойству своему при известной обстановке могло быть обращено против Рыбаковской» (В.И. Смоллярчук «Гиганты и чародеи слова»).

Семинарское занятие 3,4. Анализ речей известных политических деятелей

Первая инаугурационная речь А. Линкольна(студенты могут воспользоваться предложенным материалом, могут инициировать речь известных политических деятелей самостоятельно)

Задания:

1. Определить тип речи
2. Определить способ доказательства или опровержения (дедуктивный, индуктивный, смешанный)
3. Определить тезис (тезисы), аргументы.
4. Назвать приемы, используемые в ходе речи
5. Указать ошибки или недостатки (если такие в речи имеются).
6. Дать собственную оценку анализируемой речи.

6 ноября 1860 г. А. Линкольн получил 1,86 миллиона голосов рядовых избирателей (40 процентов принявших участие в голосовании) и поддержку 180 выборщиков из 18 штатов, в то время как его основной конкурент демократ С. Дуглас получил 1,37 миллиона голосов и поддержку выборщиков лишь одного штата. Победа Авраама Линкольна (1809—1865) была вполне убедительной, но три его соперника получили в общей сложности больше половины голосов рядовых избирателей, и за Линкольна не проголосовал ни один из выборщиков десяти южных штатов. Полученных им голосов было достаточно не только для победы, но и для того, чтобы в южных штатах осознали, чем им грозит приход в Белый дом убежденного противника рабства, каким Линкольн успел зарекомендовать себя в ходе предвыборной кампании. Плантадоров-рабовладельцев не смогли успокоить даже часто повторявшиеся кандидатом республиканцев заверения в том, что он не намерен вмешиваться в институт рабства Юга. Как только стали известны итоги выборов, лидеры Юга решили осуществить угрозу, которую многие северяне отказывались принимать всерьез: отделиться от Союза в случае победы республиканцев. По мере того как попытки наши устраивающее обе стороны решение ни к чему не приводили, а перспектива развала Союза становилась все более реальной, Север и Запад сосредоточили внимание на сплочении своих рядов, тогда как политические предпочтения Юга становились все более определенными. В создавшейся обстановке основной темой инаугурационной речи Линкольна, произнесенной 4 марта 1861 г., менее чем через месяц после образования конфедерации южных штатов, стала необходимость сохранения Союза.

А. Линкольн

Соотечественники — граждане Соединенных Штатов! В соответствии с традицией столь же старой, как сама форма правления, я предстаю перед вами, чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует президент Конституция Соединенных Штатов. Сегодня я не считаю для себя необходимым обсуждать те проблемы управления, которые не вызывают особого беспокойства или волнения. Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. Однако для подобных опасений не было и нет никаких разумных оснований. В действительности всегда были и есть самые убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно нами: фактически во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь одно высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений, где я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это. Те, кто выдвинул мою кандидатуру и избрал меня на этот пост, поступили так с полным сознанием того, что я сделал данное и многие другие подобные ему заявления и ни разу не отрекся от них; более того, эти люди предложили мне включить в политическую платформу, причем как закон для самих себя и для меня, ясную и выразительную резолюцию, которую я сейчас зачитаю: «Решили, что сохранение нерушимости прав штатов и особенно права каждого штата устанавливать порядки в своих внутренних институтах и управлять ими исключительно по своему собственному разумению является существенно важным для того равновесия сил, от которого зависят совершенство и долговечность нашей политической структуры; и осуждаем незаконное вторжение вооруженных сил на землю любого штата или территории, под каким бы предлогом оно ни совершалось, как одно из самых тяжких преступлений». Я вновь повторяю сейчас эти убеждения, и, делая это, я лишь привлекаю особое внимание общественности к самому убедительному из всех возможных в этом деле доказательств того, что собственность, мир и безопасность любого региона никоим образом не будут подвергаться опасности со стороны приступающей к своим обязанностям администрации, а хочу также добавить, что любая защита, которую можно предоставить в соответствии с Конституцией и законами, будет предоставлена всем штатам, когда она будет законно

востребована, по любому поводу и с одинаковой готовностью независимо от того, кем она запрашивается.

Много споров возникает относительно выдачи беглых слуг или работников. Статья, которую я сейчас зачитаю, записана в Конституции столь же понятно, как и всякая другая: *«Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освободиться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу»*. Вряд ли можно сомневаться в том, что авторы данного положения создавали его для востребования обратно тех, кого мы называем беглыми рабами; но намерение законодателя — закон. Все члены конгресса клянутся соблюдать Конституцию во всех ее частях, в том числе и это положение, как и всякое другое. Таким образом, предложение, что раб, чей случай подпадает под действие этой статьи, «будет выдан», получает единодушное одобрение, сформулированное в виде клятвы. Теперь, если бы законодатели приложили должные усилия, разве они не смогли бы с почти таким же единодушием выработать и принять закон, с помощью которого можно было бы надежно хранить эту единодушную клятву? Имеются определенные расхождения во мнениях относительно того, кто должен обеспечивать соблюдение этой статьи — федеральные власти или власти штата, но эти разногласия, конечно же, не столь существенны. Если раб должен быть выдан, то для него или кого-либо еще вряд ли будет важно, какие власти сделают это. Но в любом случае следует ли удовлетвориться тем, что твоя клятва останется невыполненной из-за несущественного разногласия по поводу того, как ее надо соблюдать? И опять, разве не следует в любой закон по этому вопросу внести все известные в цивилизованной и гуманной юриспруденции гарантии свободы, с тем чтобы свободный человек ни в коем случае не был выдан как раб? И разве не стоит одновременно с этим обеспечить законом проведение в жизнь той статьи Конституции, которая гарантирует, что «гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов»?

Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил; и хотя я сейчас не называю конкретно те или иные законы конгресса, которые следует проводить в жизнь, я настаиваю на том, что для всех, и для официальных и для частных лиц, будет гораздо безопаснее выполнять и соблюдать все те законы, которые продолжают оставаться в силе, чем нарушать любой из них, полагая найти себе оправдание в том, что, по его собственному разумению, они являются антиконституционными. Семьдесят два года прошло со дня первой состоявшейся по нашей Конституции инаугурации президента. В течение этого периода пятнадцать различных в высшей степени выдающихся граждан один за другим осуществляли управление органами исполнительной власти. Они действовали вопреки многочисленным опасностям и, как правило, с большим успехом. И все же при всей масштабности прецедента сейчас я приступаю на короткий четырехлетний конституционный срок к исполнению той же задачи в крайне трудной и необычной ситуации. Раскол федерального Союза, выступавший доселе только как угроза, теперь предстает как устрашающая попытка осуществить его. Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая система правления как таковая никогда не имела в своем Основном законе положения о прекращении собственного существования. Продолжайте выполнять все четко выраженные положения нашей национальной Конституции, и Союз будет оставаться всегда, ибо его невозможно уничтожить иначе, как прибегнув к действию, не предусмотренному в самом этом документе. И опять, если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Одна сторона —

участница договора может нарушить его, т. е. разорвать, но разве не требуется согласия всех, чтобы законно отменить его действие? Исходя из этих общих принципов, мы приходим к утверждению, что с юридической точки зрения Союз вечен, и это подтверждается историей самого Союза. Союз намного старше Конституции. Его фактическое существование началось с подписания Статей Ассоциации в 1774 году. Он окреп и продолжал развиваться с принятием Декларации независимости 1776 году. Дальнейшее укрепление Союза, преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1778 году. И наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждения Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз». Но если разрушение Союза одним или только частью штатов станет возможным по закону, то тогда Союз будет менее совершенен, чем до принятия Конституции, поскольку теряется жизненно важный элемент вечности.

Отсюда следует, что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против Правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер. Поэтому исходя из Конституции и права я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах. Я полагаю, что поступать подобным образом просто мой долг, и я буду исполнять его, насколько позволят обстоятельства, пока мой законный хозяин, американский народ, не откажет мне в необходимых средствах или каким-либо властным образом не предпишет мне иное. Я надеюсь, что это будет расценено не как угроза, а всего лишь как объявленное намерение Союза защищать и сохранять себя конституционными средствами. При проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии, и их не будет, если их не навязжут общенациональным органам власти. Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, так же как и использовать силу против народа или в его среде где бы то ни было. Если в каком-либо внутреннем районе страны враждебность к Соединенным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам выполнять свои обязанности на федеральных постах, то в этом случае для решения возникшей проблемы не будут предприниматься какие-либо попытки навязать людям неприемлемых для них лиц со стороны. Даже если у правительства окажется юридически безупречное право применить силу, чтобы обеспечить исполнение упомянутых обязанностей, попытка добиться этого может стать столь вызывающей и к тому же почти неосуществимой, что, как я полагаю, лучше на какое-то время воздержаться от создания таких постов. Почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться во всех частях Союза. Всюду, насколько это возможно, люди должны чувствовать себя в той высшей степени безопасности, которая наиболее благоприятна, для того чтобы спокойно мыслить и рассуждать. Указанный курс будет последовательно проводиться в жизнь, если текущие события и опыт не докажут уместность внесения в него корректив или изменений, и всякий раз в случае такой потребности я буду оптимально использовать свои полномочия, сообразовываясь с реально существующими обстоятельствами, имея в виду и надеясь, что тем самым будет достигнуто мирное урегулирование волнующих нацию проблем и будут восстановлены братские симпатии и отношения. Я не стану ни утверждать, ни отрицать, что у нас кое-где есть люди, которые так или иначе хотят уничтожить Союз и рады любому предлогу чтобы сделать это. Но если они существуют, мне нет необходимости обращаться к ним. Однако могу ли я не говорить с теми, кто действительно любит Союз? Прежде чем приступить к такому серьезному вопросу,

как разрушение нашего государственного устройства со всеми его выгодами, памятными событиями и надеждами, не следует ли уточнить, почему мы это делаем. Решитесь ли вы на столь безрассудный поступок, если есть все основания полагать, что любая часть бед, избегаемых вами, реально не существует. Возьмете ли вы на себя риск совершения столь ужасной ошибки, если неизбежные беды, к которым вы приближаетесь, более значительны, чем все реальные беды, от которых вы убегаете? Все публично заявляют о своем удовлетворении Союзом при условии соблюдения в нем всех конституционных прав. Правда ли тогда, что кому-либо отказано в каком-либо четко записанном в Конституции праве? Думаю, что нет. К счастью, человеческий разум устроен так, что ни одна из сторон не осмелится на это. Вспомните, если сможете, хотя бы один случай, когда ясно записанное положение Конституции было бы отвергнуто. Если бы большинство просто в силу своего численного превосходства лишило меньшинство любого ясно записанного конституционного права, это могло бы с моральной точки зрения оправдать революцию, при том условии, конечно, что такое право имело бы жизненно важное значение. Но в нашем случае это не так. Все жизненно важные права меньшинств и индивидов столь явно обеспечены им содержащимися в Конституции утверждениями и отрицаниями, гарантиями и запрещениями, что относительно них никогда не возникает споров. Но ни в каком Основном законе невозможно сформулировать положение, применимое к любому конкретному случаю, который может возникнуть в практике управления. Никакой провидец не может предугадать все вопросы будущего, и никакой документ разумного объема не может содержать верные ответы на все возможные вопросы. Кто должен выдавать беглых рабов — власти федерального центра или штата? В Конституции не говорится на это счет ничего определенного. Может ли конгресс запретить рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли конгресс защищать рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Вокруг вопросов такого рода возникают все наши конституционные споры, и мы разделяемся в отношении к ним на большинство и меньшинство. Если меньшинство не будет соглашаться, то большинство должно согласиться или же правительство должно уйти в отставку. Другой альтернативы нет, ибо, оставаясь у власти, правительство солидаризируется с одной или другой стороной. Если меньшинство в таком случае отколется от большинства, скорее чем согласится с ним, оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откапываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым таким меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно отколоться снова, точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти из его состава? Все, кто сейчас питает чувства разобщения, воспитываются точно в таком же духе. Существует ли среди штатов, собирающихся создать новый союз, такое совершенное тождество интересов, которое будет порождать только гармонию и не допустит нового раскола? Ясно, что центральная идея сторонников раскола — это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме. Я не забываю о занимаемой некоторыми позиции, согласно которой конституционные вопросы должны решаться Верховным судом, и я никоим образом не отрицаю, что выносимые им решения должны в любом случае быть обязательными для сторон как в отношении судебной тяжбы, так и в отношении предмета этой тяжбы и что всем другим органам власти надлежит относиться к ним в высшей степени уважительно и учитывать во всех аналогичных случаях. Конечно, не исключено, что такое решение по какому-нибудь конкретному делу может оказаться

ошибочным, однако в силу того, что вытекающие отсюда пагубные последствия ограничены этим отдельным случаем, а решение может быть аннулировано, так и не став прецедентом для других дел, у него есть все шансы оказаться меньшим злом, чем те беды, которые породила бы иная практика. В то же время, честный гражданин должен признать, что если политику правительства по жизненно важным вопросам, затрагивающим весь народ, надо окончательно укрепить решениями Верховного суда, то, как только эти решения будут приняты в обыкновенной судебной тяжбе между сторонами с личными исками, народ перестанет быть своим собственным правителем, поскольку в данных пределах он практически передаст свою исполнительную власть в руки этого выдающегося трибуна. И в этом суждении нет никаких нападок на суд или судей. Решать дела, подаваемые в суд, должным образом — их обязанность, от исполнения которой они не могут уклониться; и не их вина, если кто-то стремится использовать их решения в политических целях. Одна часть нашей страны считает, что рабство — правое дело и его следует распространять, в то время как другая считает, что это зло и его не следует распространять. Это единственный спор по существу. Статья Конституции о беглых рабах и закон, направленный на прекращение зарубежной работорговли, соблюдаются, пожалуй, столь же добросовестно, как и любой другой закон в обществе, где моральные устои людей таковы, что они ошибочно поддерживают сам закон. Основная часть народа соблюдает бесстрастное правовое обязательство в обоих случаях, но некоторые нарушают и то и другое. Подобное положение, по моему мнению, невозможно исправить до конца, и в обоих случаях после распада частей оно может стать еще хуже, чем прежде. Зарубежная работорговля, к настоящему времени ликвидированная не до конца, была бы в конечном счете восстановлена без каких-либо ограничений в одной части, тогда как беглые рабы, выдаваемые сегодня лишь в отдельных случаях, не выдавались бы другой частью вообще. Реально говоря, мы не можем разделиться. Мы не можем отгородить и нашей страны друг от друга или построить между ними непреодолимую стену. Муж и жена могут развестись и выйти за пределы сферы общения друг с другом и досягаемости друг друга, но различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться. Возможно ли тогда после разделения сделать эти сношения более выгодными или более удовлетворительными, чем до этого? Разве чужестранцам проще заключать договоры, чем друзьям выработать законы? Разве легче соблюдать договоры между чужестранцами, чем законы среди друзей? Предположим, вы вступаете в войну, но вы не можете воевать вечно, и тогда, после того как обе стороны понесли многочисленные потери и ни одна из них не добилась успеха, вы прекращаете боевые действия, и перед вами снова встает все тот же старый вопрос: на каких условиях строить взаимоотношения. Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его. Я не могу не обратить внимания на тот факт, что многие достойные и патриотично настроенные граждане очень хотят, чтобы и национальную Конституцию были внесены поправки. Не давая никаких рекомендаций относительно поправок, я в то же время считаю нужным сказать, что полностью признаю законные полномочия людей по всей совокупности данной проблематики, которые они могут осуществлять, любым способом, указанным непосредственно в этом документе. И в данных обстоятельствах мне следует не противодействовать, а способствовать тому, чтобы люди могли пользоваться справедливо предоставленной им возможностью влиять на ход событий в этом деле. Осмелюсь добавить, что я бы предпочел согласительный метод, поскольку в этом случае поправки могут исходить непосредственно от самого народа, в отличие от того, когда ему позволяется лишь принимать или отвергать исходящие от других предложения, которые не вырабатывались специально для решения данного вопроса и которые могут не соответствовать его желанию одобрить или отвергнуть их. Насколько мне известно, через конгресс прошла предложенная

к Конституции поправка, которую, однако, я еще не видел, — имеющая своей целью не допускать никакого вмешательства федерального правительства в деятельность внутренних институтов штатов, включая институт находящихся на официальной службе лиц. Дабы избежать неправильного истолкования того, что я сказал, я отступаю от своего намерения не говорить о конкретных поправках лишь для того, чтобы сказать, что в применении этого положения к подразумеваемому в данном случае конституционному закону я не возражаю, против придания ему недвусмысленного и необратимого характера. Президент США получает все свои полномочия от народа, и ни в одном из них ему не поручалось ставить условия разъединения штатов. Народ сам может сделать это, если, конечно, придет к такому решению, но Президент как таковой к этому не имеет никакого отношения. Его обязанность — руководить существующей системой управления в том виде, в каком она досталась ему, и передать ее не ослабленной своему преемнику. Почему бы нам не сохранять терпеливо веру в конечную справедливость народного решения? Есть ли в мире лучшая или хотя бы равная этой надежда? В условиях нынешних разногласий какая из сторон не верит в свою правоту? Если Всемогущий Правитель Народов с Его вечной истиной и справедливостью будет на вашей стороне на Севере или на вашей стороне на Юге, эта истина и эта справедливость, конечно, восторжествуют благодаря решению этого великого суда американского народа. В рамках системы правления, при которой мы живем, этот самый народ, проявляя мудрость, предоставил своим государственным чиновникам слишком малые полномочия для совершения зла и столь же мудро предусмотрел возвращение этого немногого в свои собственные руки через очень короткие интервалы. И пока народ будет сохранять свое достоинство и бдительность, никакая администрация, при всей ее порочности или глупости, не сможет причинить очень серьезный вред системе правления за короткий четырехлетний срок.

Мои соотечественники, каждый и все вместе, спокойно и основательно обдумайте все стороны этой проблемы. Мы не потеряем ничего ценного, если не будем торопиться. Если имеется цель, побуждающая кого-либо из вас к опрометчивым действиям, к тому, чтобы в горячей спешке совершить поступок, на который вы никогда не пошли бы преднамеренно, то эта цель останется невыполненной, если вы не будете спешить, но доброй цели не может помешать неторопливое обдумывание. При всей вашей неудовлетворенности нынешним положением у вас нее еще есть старая, но по-прежнему сильная Конституция, а по чувствительному вопросу — законы, созданные нами в ее рамках; к тому же у новой администрации не будет полномочий, да и желания, немедленно менять какой-либо из них. Даже если допустить, что вы с вашей неудовлетворенностью стоите в этом споре на правой стороне, все равно для поспешных действий нет ни одной уважительной причины. Интеллект, патриотизм, христианство и твердое доверие к Нему, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности. В ваших руках, мои неудовлетворенные соотечественники, а не моих - важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на вас. Вы не получите конфликта, если не нападете сами. Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду вязан самой торжественной клятвой «поддерживать, охранять и защищать» ее. Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанности, они не должны разрывать их. Тайные струны памяти, протянувшиеся от каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, все же зазвучат единым хором Союза, когда к ним снова прикоснутся лучшие ангелы нашего естества, и это непременно произойдет.

Речь министра пропаганды Третьего Рейха Йозефа Геббельса, произнесенная им 18 февраля 1943 года в берлинском Дворце спорта перед крупной и солидной аудиторией. Недавно окончилась Сталинградская битва, и всем стала понятна серьезность войны.

Этой речью Геббельс хотел воодушевить немецкий народ и поднять в нём боевой дух, что ему блестяще удалось. Речь имела колоссальный успех и вызвала у собравшихся необычайный энтузиазм.

"Всего лишь три недели тому назад я прочёл с этого места прокламацию **Фюрера** по поводу 10-й годовщины нашего прихода к власти, после чего выступил с обращением к вам и к немецкому народу. Кризис, с которым мы столкнулись на восточном фронте, достиг своего апогея. Невзирая на тяжкие беды, с которыми наш народ столкнулся в битве на Волге, 30 января мы собрались на массовом собрании, чтобы показать наше единство, единодушие и твёрдое желание преодолеть трудности, с которыми мы столкнулись на четвёртом году войны. Мне и, пожалуй, всем вам, было очень волнующе от ощущения того, что во время нашего многочисленного собрания здесь, в Дворце спорта, мы были соединены по радио с последними героическими бойцами. Они передали нам по радио, что они слышали прокламацию Фюрера и, наверное, последний раз в своей жизни вместе с нами подняли руки и пели национальный гимн. Какой пример подали немецкие солдаты в эту великую эпоху! И какое обязательство накладывает это на всех нас, в особенности на весь немецкий тыл! Сталинград был и остаётся великим сигналом тревоги, который подаёт судьба немецкому народу! Народ, у которого есть силы пережить и преодолеть такое несчастье, и при этом ещё почерпнуть из этого дополнительные силы, непобедим. В моей речи к вам и к немецкому народу я вспомню героев Сталинграда, которые накладывают на меня и на всех вас глубокое обязательство. Я не знаю, сколько миллионов людей слушает меня по радио в этот вечер - в тылу и на фронте. Я хочу обратиться ко всем вам из глубин моего сердца и затронуть глубины ваших сердец. Я полагаю, что весь немецкий народ горячо интересуется, что я скажу сегодня вечером. Поэтому я буду говорить со всей серьёзностью и открытостью, как того требует данная минута. Немецкий народ - пробуждённый, воспитанный и обученный национал-социализмом, - в состоянии вынести всю правду. Он знает всю серьёзность положения, и поэтому его руководство может требовать от него необходимых жёстких и даже жесточайших мер. Мы, немцы, вооружены на случай слабости и нерешительности. Удары и несчастья войны только придадут нам дополнительные силы, твёрдую решимость, а также духовную и боевую волю для преодоления всех трудностей и преград с революционным натиском. Сейчас не время спрашивать, как всё это произошло. Это может подождать, до тех пор пока немецкий народ и весь мир не узнает полную правду о несчастье последних недель, о его глубокой и судьбоносной значимости. Героические жертвы наших солдат в Сталинграде имели глубокое историческое значение для всего восточного фронта. Они не были напрасными, и будущее покажет почему. Когда я перескакиваю через прошлое и смотрю вперёд, я делаю это нарочно. Время не ждёт! Времени на бесполезные дискуссии больше не осталось. Мы должны действовать немедленно, тщательно и решительно - так, как всегда действовали национал-социалисты. Именно так действовало наше движение с самого своего зарождения во время множества кризисов, с которыми оно сталкивалось и которые оно преодолевало. Национал-социалистическое государство также действовало решительно, когда ему грозила опасность. Мы не ведём себя как страус, который зарывает голову в песок, чтобы не видеть опасности. У нас хватает смелости для того, чтобы глядеть опасности прямо в лицо, чтобы хладнокровно и беспощадно принимать необходимые меры и затем переходить к решительным действиям с высоко поднятой головой. И как движение, и как народ, мы всегда были на высоте, когда нам была необходима фанатичная, решительная воля для преодоления и устранения опасности; сила характера, способная преодолеть любые препятствия; глубокая решимость для достижения нашей цели и железное сердце, способное выдержать любую внутреннюю и внешнюю битву. Так будет и сегодня. Моя задача - представить вам неприкрашенную картину сложившейся ситуации, а также сделать жёсткие выводы, которые будут служить руководством к действию для немецкого правительства, так же как и для немецкого народа. На востоке мы столкнулись с серьёзным военным вызовом. Кризис на данный момент очень широкий, во многом схожий, но не идентичный с кризисом

прошлой зимы. Позже мы поговорим о причинах. Сейчас же мы должны принять всё как есть и найти и применить пути и способы для того, чтобы снова изменить ситуацию в нашу пользу. Ни в коем случае нельзя оспаривать серьёзность ситуации. Я не хочу, чтобы у вас сложилось ложное представление о положении дел, которое может привести к ложным выводам и дать немецкому народу ложное ощущение безопасности, что при нынешней ситуации более чем неуместно. Буря, надвигающаяся этой зимой на наш древний континент из степей, затмевает собой весь прежний человеческий и исторический опыт.

Немецкая армия и её союзники - это единственно возможная защита. В своей прокламации от 30 января Фюрер в серьёзной и неотразимой манере задал вопрос: что стало бы с Германией и Европой, если бы 30 января 1933 года вместо национал-социалистов к власти пришло буржуазное или демократическое правительство? Какая опасность бы за этим последовала - быстрее, чем мы могли тогда ожидать, - и что бы мы ей противопоставили? Десять лет национал-социализма было более чем достаточно, чтобы показать немецкому народу всю серьёзность опасности, которую большевизм представляет на востоке. Теперь всем понятно, почему мы так часто говорили о борьбе с большевизмом на наших партийных съездах в Нюрнберге. Мы громким голосом предостерегали наш немецкий народ и весь мир, надеясь вывести западную цивилизацию из поразившего её паралича воли и духа. Мы пытались открыть им глаза на страшную опасность, исходящую от восточного большевизма, который подверг почти 200-миллионный народ террору евреев и готовился к агрессивной войне против Европы. Когда Фюрер приказал армии атаковать восток 22 июня 1941 года, мы все знали, что это будет решающая битва этой великой борьбы. Мы знали риски и трудности. Но мы также знали, что риски и трудности со временем увеличиваются, а не уменьшаются. Было без двух минут полночь. Дальнейшее выжидание запросто могло привести к уничтожению Рейха и полной большевизации европейского континента.

Неудивительно, что из-за строжайшей секретности большевистского правительства и предпринятых им мер, вводящих в заблуждение, мы не смогли должным образом оценить военный потенциал Советского Союза. Только сейчас мы видим его подлинные масштабы. Именно поэтому борьба, которую наши солдаты ведут на востоке, превосходит по своей суровости, по своим рискам и трудностям всё человеческое воображение. Она требует от нас полной народной мощи. Это угроза Рейху и европейскому континенту, которая задвигает в тень все прежние угрозы. Если мы потерпим неудачу, мы провалим нашу историческую миссию. Всё, что мы строили и делали в прошлом, меркнет перед лицом этой колоссальной задачи, стоящей непосредственно перед немецкой армией, так же как и перед всем немецким народом. Я обращаюсь прежде всего к мировой общественности и провозглашаю три тезиса относительно нашей борьбы с большевистской угрозой на востоке. Первый тезис: если бы немецкая армия была не в состоянии уничтожить угрозу с востока, Рейх пал бы перед большевизмом, а вскоре после него - и вся Европа. Второй: только немецкая армия, немецкий народ и их союзники могут спасти Европу от этой угрозы. Третий: нам угрожает опасность. Мы должны действовать быстро и решительно, или же будет слишком поздно. Рассмотрим первый тезис. Большевизм всегда открыто провозглашал свою цель: принести революцию не только в Европу, но и во весь мир, и свергнуть его в большевистский хаос. Эта цель была очевидна с самого рождения большевистского Советского Союза; она была идеологической и практической целью политики Кремля. Нет никаких сомнений, что чем ближе Сталин и другие советские лидеры подходят к выполнению своих целей по разрушению всего мира, тем сильнее они стараются их скрыть и утаить. Но нас не одурачить.

Мы не из тех робких личностей, которые как загипнотизированный кролик ждут, пока их не проглотит питон. Мы предпочитаем своевременно распознавать опасность и принимать действенные меры. Мы видим насквозь не только теорию большевизма, но и его практику, поскольку мы имели большие успехи в этом плане в нашей внутренней борьбе. Кремлю нас не обмануть. У нас было в распоряжении четырнадцать лет нашей борьбы за власть и ещё десять лет после этого, чтобы разоблачить его намерения и его бесстыжую ложь. Цель

большевизма - всемирная еврейская революция. Они хотят свергнуть Рейх и Европу в хаос, используя последующие за этим безнадёжность и отчаяние, чтобы установить свою международную, скрывающуюся за маской большевизма капиталистическую тиранию. Можно даже не говорить, что это будет означать для немецкого народа. Большевизация Рейха будет означать ликвидацию всей нашей интеллигенции и всего нашего руководства, а также большевистско-еврейское порабощение наших рабочих. В Москве занимаются поиском рабочих для отправки на принудительные работы в сибирскую тундру, как сказал Фюрер в своей прокламации за 30 января. Восстание степей читается на фронте, а буря с востока, ежедневно разбивающаяся о наши линии со всё возрастающей силой, - это не что иное, как повторение исторического опустошения, которое в прошлом столь часто угрожало этой части мира. Это прямая угроза существованию всех европейских держав. Не стоит думать, что большевизм остановится на границах Рейха, если он победит. Цель его агрессивной политики и агрессивных войн - это большевизация всех стран и народов в мире. При виде столь неприкрытых намерений нас не одурманить газетными заявлениями из Кремля или гарантиями из Лондона и Вашингтона. Мы знаем, что на востоке мы имеем дело с адской политической дьявольщиной, которая не признаёт норм, определяющих отношения между народами и государствами. Когда, к примеру, лорд Бивербрук говорит, что Европу нужно отдать советам, или когда ведущий американско-еврейский журналист Браун цинично добавляет, что большевизация Европы сможет решить все проблемы континента, мы знаем, что у них на уме. Европейские державы стоят перед огромной проблемой. Запад в опасности. И не имеет значения, осознают ли это их правительства и интеллектуалы или нет. Как бы то ни было, немецкий народ не желает склоняться перед лицом этой опасности. Позади приближающихся советских дивизий мы видим еврейские отряды по уничтожению, а позади них - террор, призрак массового голода и полную анархию. Международное еврейство - это дьявольская разлагающая закваска, которая получает циничное удовлетворение от того, что она ввергает мир в глубочайший хаос и разрушает древние культуры, в создании которых она не принимала никакого участия. Мы также осознаем нашу историческую ответственность. Двухтысячелетняя западная цивилизация в опасности. Переоценить опасность просто невозможно. Показательно то, что когда кто-то называет её по имени, международное еврейство во всём мире начинает громко протестовать. Вещи в Европе зашли столь далеко, что опасность нельзя называть опасностью, если причиной её служат евреи. Это, однако, не мешает нам делать нужные выводы. Именно это мы делали в наших прежних внутренних битвах. Демократическое еврейство "Берлинертагесблатт" и "Фоссишенцайтунг" играло на руку еврейству коммунистическому, преуменьшая и занижая растущую опасность, а также убаюкивая наш народ, которому угрожала опасность, и снижая его способность к сопротивлению. Мы знали, что если опасность не уничтожить, миллионы немцев окажутся во власти голода, нищеты и принудительного труда. Мы знали, что наша часть света может рухнуть и похоронить под своими руинами древнее наследие Запада. Такова опасность, которая угрожает нам сегодня. Мой второй тезис: только Германский Рейх и его союзники в состоянии справиться с этой опасностью. Некоторые европейские народы, включая Англию, полагают, что они достаточно сильны для того, чтобы оказать эффективное сопротивление большевизации Европы, если дело дойдёт до этого. Это мнение крайне несерьёзно, и его даже не надо опровергать. Если даже сильнейшая военная мощь в мире не может уничтожить угрозу большевизма, кто тогда сможет это сделать? (Крики в Дворце спорта: "Никто!") У нейтральных европейских государств нет ни потенциала, ни военных средств, ни духовной крепости для того, чтобы оказать большевизму хоть какое-то сопротивление. Роботоподобные дивизии большевизма сметут их за несколько дней. В столицах средних и малых европейских государств утешают себя той мыслью, что против большевизма надо вооружаться духовно (смех в зале). Это напоминает мне о заявлениях буржуазных партий в 1932 году, которые думали, что они могут бороться и выиграть битву с коммунизмом с помощью духовного оружия. Это также было настолько глупо, что даже не надо было опровергать. Восточный большевизм - это не только теория терроризма, это ещё и

практика терроризма. Он стремится к своей цели с дьявольской основательностью, используя все ресурсы, находящиеся в его распоряжении, невзирая на благосостояние, процветание или мир народов, которых он безжалостно угнетает. Как поступят Англия и Америка, если Европа, не дай бог, падёт перед большевизмом? Станет ли Лондон убеждать большевизм остановиться у Ла-Манша? Я уже говорил, что у большевизма имеются иностранные легионы в виде компартий во всех демократических государствах. Ни одно из этих государств не может считать себя иммунным к внутреннему большевизму. На недавних дополнительных выборах в палату общин [нижнюю палату британского парламента - прим. пер.] независимый, то есть коммунистический, кандидат набрал 10.741 голос из 22.371. Это произошло в округе, который до этого считался оплотом консерваторов. За короткий срок 10 тысяч избирателей, то есть почти половина, пали добычей коммунистов. Это доказывает, что в Англии также присутствует большевистская опасность, и она не исчезнет только потому, что её будут игнорировать. Мы не верим никаким территориальным обещаниям, который может дать Советский Союз. Большевизм установил идеологические, так же как и военные границы, которые представляют угрозу для всех государств. У мира больше нет прежнего выбора: вернуться к старой раздробленности или принять для Европы новый порядок под руководством стран Оси. Единственный выбор на данный момент - это жить под защитой стран Оси или в большевистской Европе. Я твёрдо убеждён, что у хныкающих лондонских лордов и архиепископов нет ни малейшего намерения сопротивляться большевистской угрозе, которая возникнет в том случае, если советская армия вступит в Европу. Еврейство столь глубоко заразило англосаксонские государства - и духовно, и политически, - что у них исчезла способность видеть опасность. В СССР еврейство скрывается под личиной большевизма, а в англосаксонских государствах - под личиной плутократического капитализма. Евреи - специалисты по мимикрии. Они усыпляют народы-"хозяева", парализуя их волю к сопротивлению. (Крики из зала:"Мы испытали это на себе!") Проведённый нами анализ данного вопроса привёл к выводу о том, что сотрудничество между международной плутократией и международным большевизмом - это вовсе не противоречие, а признак глубокого сходства. Рука псевдоцивилизованного еврейства Западной Европы пожимает руку еврейства восточных гетто через голову Германии. Европе грозит смертельная опасность. Я не тешу себя надеждой, что мои замечания хоть как-то повлияют на общественное мнение в нейтральных и уж тем более во вражеских государствах. У меня нет такой цели и такого намерения. Я знаю, что ввиду испытываемых нами трудностей на восточном фронте завтрашняя английская пресса яростно набросится на меня с обвинением в том, что я стал подумывать о мире (громкий хохот в зале). Это не соответствует действительности. Никто в Германии больше не думает о трусливом компромиссе. Весь народ думает только о суровой войне. Однако, будучи выразителем мнения ведущей нации на континенте, я имею полное право называть опасность опасностью, если она угрожает не только нашей стране, но и всему континенту. Мы, национал-социалисты, просто обязаны возвестить о попытке международного еврейства свергнуть европейский континент в хаос и предупредить о том, что в большевизме еврейство имеет террористическую военную мощь, опасность которой просто нельзя переоценить. Мой третий тезис - это то, что опасность угрожает именно сейчас. Паралич западноевропейских демократий перед угрожающей им смертельной опасностью просто ужасающ. Международное еврейство делает всё, что может, чтобы усилить этот паралич. В дни нашей борьбы за власть в Германии еврейские газеты пытались утаить опасность, пока национал-социализм не пробудил народ. Сегодня то же самое происходит в других странах. Еврейство в очередной раз предстаёт как воплощение зла, проворный демон разложения и носитель международного хаоса, разрушающего культуру. Это, кстати, объясняет нашу последовательную политику в отношении евреев. В еврействе мы видим прямую угрозу всем государствам. Нам всё равно, что делают другие народы в отношении этой опасности. Однако то, что мы делаем для нашей собственной защиты, - это наше личное дело, и мы не потерпим возражений со стороны. Еврейство - это заразная инфекция. И пускай вражеские государства лицемерно протестуют против наших

антиеврейских мер и льют по этому поводу крокодиловы слёзы - мы не перестанем делать то, что считаем необходимым. В любом случае, Германия не собирается вставать на колени перед этой опасностью; напротив, она готова пойти на самые радикальные меры, если в этом возникнет необходимость. (После этой фразы министр несколько минут не может продолжать из-за пения зрителей.) Военные вызовы, с которыми Рейх сталкивается на востоке, являются центром всего. Война механизированных роботов с Германией и Европой достигла своей кульминации. Оказывая сопротивление страшной и непосредственной угрозе с оружием в руках, немецкий народ и его союзники по странам Оси выполняют, в прямом смысле этого слова, европейскую миссию. Нашу храбрую и справедливую борьбу с этой мировой чумой не остановить воплями международного еврейства, раздающимися во всём мире. Она может и должна закончиться только победой. (Слышны громкие возгласы: "Немецкие мужчины, к оружию! Немецкие женщины, к работе!") Трагическая Сталинградская битва является символом героического, мужественного сопротивления бунту степей. Она имеет не только военное, но и умственное и духовное значение для немецкого народа. Здесь наши очи впервые узрели подлинную суть войны. Мы больше не хотим тешить себя ложными надеждами и иллюзиями. Мы хотим смело смотреть фактам в лицо, какими бы упрямыми и грозными они ни были. История нашей партии и нашего государства доказывает, что увиденная опасность - преодолённая опасность. Тяжёлые сражения на востоке, которые нам предстоят, будут вестись под знаком этого героического сопротивления. Для этого потребуются доселе невиданные усилия наших солдат и нашего оружия.

На востоке идёт безжалостная война. Фюрер был прав, когда сказал, что по её окончании не будет победителей и побеждённых, а будут живые и мёртвые. Немецкий народ прекрасно это знает. Его здоровые инстинкты помогли ему преодолевать ежедневное смятение перед лицом умственных и духовных трудностей. Мы знаем, что блицкриг в Польше и кампания на западе имели только малое значение для битвы на востоке. Немецкий народ борется за всё, что у него есть. Мы знаем, что немцы отстаивают всё самое святое, что у них имеется: свои семьи, своих женщин и детей, свою прекрасную и нетронутую природу, свои города и сёла, свою двухтысячелетнюю культуру - всё, ради чего действительно стоит жить. Большевизм, разумеется, не дорожит нашим народным достоянием, и он не будет заботиться о нём, если вдруг овладеет им. Наглядный тому пример - его собственный народ. За последние 25 лет Советский Союз увеличил военный потенциал большевизма до невиданного уровня, и мы его неверно оценили. В России на службе у террористического еврейства находится 200-миллионный народ. Еврейство цинично использовало свои методы для того, чтобы превратить невозмутимую прочность русского народа в смертельную опасность для цивилизованных народов Европы. На востоке в борьбу вовлечён весь народ. Мужчины, женщины и даже дети не только трудятся на военных заводах, но и непосредственно участвуют в войне. 200 миллионов человек живут под игом ГПУ, частично являясь пленниками дьявольской идеологии, частично - пленниками абсолютной глупости. Армады танков, с которыми мы столкнулись на восточном фронте, являются результатом 25 лет социального бесправия и нищеты большевистского народа. Нам нужно ответить аналогичными мерами, если мы не хотим потерпеть поражение. Я твёрдо убеждён, что нам не преодолеть большевистскую угрозу, если мы не станем использовать аналогичные (но не идентичные!) методы. Немецкий народ столкнулся с самым серьёзным запросом войны, а именно с необходимостью найти в себе решимость использовать все наши ресурсы для защиты всего того, что у нас есть, и всего того, что нам понадобится в будущем. Тотальная война - это требование данной минуты. Мы должны положить конец тому буржуазному отношению, которое мы столь часто наблюдали в этой войне: помойте мне спинку, но так, чтобы меня не намочить! (Каждую фразу встречают растущие аплодисменты и одобрение.) Нам угрожает гигантская опасность. И усилия, с которыми мы её встретим, должны быть столь же гигантскими. Настало время снять лайковые перчатки и воспользоваться кулаками. (Громкие возгласы одобрения. Пение с балконов и партера говорит о полном одобрении

присутствующих.) Мы больше не можем беспечно и не в полную силу использовать наш военный потенциал у себя дома и в той значительной части Европы, которую мы контролируем. Мы должны использовать все наши ресурсы, причём настолько быстро и тщательно, насколько это возможно с организационной и практической точек зрения. Ненужные хлопоты совершенно неуместны. Будущее Европы полностью зависит от нашего успеха на востоке. Мы готовы отстоять Европу. В этой битве немецкий народ проливает свою самую ценную национальную кровь. Остальная часть Европы должна хотя бы помогать нам. И, судя по множеству серьёзных голосов, раздающихся в Европе, одни это уже осознали. Другие всё ещё чего-то ждут. Но им на нас не повлиять. Если бы опасность угрожала только им одним, мы бы восприняли их нежелание как сущую нелепицу, не стоящую внимания. Однако опасность угрожает всем нам, и каждый из нас должен внести свою лепту. Те, кто сегодня этого не понимает, завтра будут коленопреклоненно благодарить нас за то, что мы смело и решительно взялись за дело. Нас совершенно не беспокоит то, что наши враги за рубежом утверждают, будто наши методы ведения тотальной войны напоминают методы большевизма. Они лицемерно утверждают, что это означает, что с большевизмом вообще не надо бороться. Однако вопрос здесь не в методе, а в цели, а именно в устранении опасности. (Аплодисменты, не утихающие несколько минут.) Вопрос не в том, хороши ли наши методы или плохи, а в том, насколько они успешны. Национал-социалистическое правительство готово использовать любые способы. И нам плевать, если кто-то против. Мы не намерены ослаблять военный потенциал Германии мерами, поддерживающими высокий, почти как в мирное время, уровень жизни для определённого класса, и тем самым подвергать опасности нашу военную экономику. Мы добровольно отказываемся от значительной части нашего уровня жизни, чтобы усилить нашу военную экономику настолько быстро и основательно, насколько это возможно. Это не самоцель, а средство к цели. После войны наш социальный уровень жизни будет ещё выше. Нам не надо имитировать большевистские методы, поскольку наши люди и лидеры лучше, чем у них, и это даёт нам огромное преимущество. Однако события показали, что нам нужно работать гораздо больше, чем мы работали до сих пор, чтобы окончательно обратить войну на востоке в нашу пользу. Как, между прочим, показали бесчисленные письма с тыла и фронта, с этим согласен весь немецкий народ. Все понимают, что если мы проиграем, то всё будет уничтожено. Народ и руководство намерены принять самые радикальные меры. Широкие рабочие массы нашего народа вовсе не недовольны тем, что наше правительство слишком жёсткое. Если они чем-то и недовольны, так только тем, что оно слишком мягкое. Спросите у любого в Германии, и он вам скажет: самое радикальное - это всего лишь достаточно радикальное, и самое тотальное - это всего лишь достаточно тотальное для того, чтобы одержать победу. Тотальная война стала делом всего немецкого народа. Никто не имеет права игнорировать выдвигаемые ей требования. Мой призыв к тотальной войне от 30 января был встречен оглушительными аплодисментами. Поэтому я могу вас заверить, что меры, на которые идёт руководство, находятся в полном согласии с желаниями немецкого народа - как в тылу, так и на фронте. Народ готов нести любую ношу, вплоть до самой тяжёлой, идти на любые жертвы, если только это ведёт к великой цели - победе. (Бурные аплодисменты.) Это, естественно, означает, что ноша должна распределяться поровну. (Шумное одобрение.) Мы не можем мириться с той ситуацией, при которой бремя войны несёт большая часть народа, в то время как его малая, пассивная часть пытается уклониться от бремени и ответственности. Те меры, которые мы приняли, и те меры, которые нам ещё только предстоит принять, будут наполнены духом национал-социалистической справедливости. Мы не обращаем внимания на класс или положение в обществе. Богатые и бедные, люди из высших и низших слоёв общества должны распределять ношу поровну. Все должны выполнять свой долг в эту трудную минуту - хотя бы они того или нет. И мы знаем, что народ это полностью одобряет. Уж лучше сделать слишком много, чем слишком мало, лишь бы только это привело к победе. Ещё ни одна война за всю историю не была проиграна из-за слишком большого количества солдат или оружия. Зато многие войны были проиграны из-за

того, что имело место противоположное. Настало время заставить лодырей работать. (Бурное согласие.) Их нужно вывести из состояния покоя и комфорта. Мы не можем ждать, пока они поумнеют.

Тогда уже может быть слишком поздно. Сигнал тревоги должен прозвучать для всего народа. За работу должны взяться миллионы рук по всей стране. Те меры, которые мы приняли, и те меры, которые мы примем сейчас и о которых я буду говорить несколько позже в этой же речи, являются критическими для всей нашей общественной и частной жизни. Отдельному человеку, возможно, придётся пойти на большие жертвы, но они ничто по сравнению с теми жертвами, на которые ему придётся пойти, если его отказ приведёт нас к страшной национальной катастрофе. Лучше действовать своевременно, чем ждать, когда болезнь пустит корни. И не надо жаловаться на врача или подавать на него в суд из-за телесного повреждения. Он ведь режет не для того, чтобы убить пациента, а для того, чтобы спасти его жизнь. Позвольте мне ещё раз подчеркнуть, что чем больше жертвы, на которые должен пойти немецкий народ, тем больше необходимость справедливо их поделить. Именно этого хочет народ. Никто не против того, чтобы возложить на себя даже самое тяжелое бремя войны. Однако народ сильно возмущается, когда кто-то пытается уклониться от своего бремени. Моральный и политический долг национал-социалистического правительства - препятствовать таким попыткам, если необходимо - при помощи драконовских наказаний. (Одобрение.) Мягкость здесь совершенно неуместна; со временем она только приведёт к смятению народных чувств и народного отношения, что будет представлять серьёзную опасность для боевого духа нашего общества. Поэтому мы вынуждены принять ряд мер, которые сами по себе не являются существенными для военной экономики, но которые представляются необходимыми для поддержания морального духа - как в тылу, так и на фронте. Оптика войны, то есть то, как вещи выглядят снаружи, имеет огромную значимость в этот четвёртый год войны. В свете сверхчеловеческих жертв, на который фронт идёт каждый день, будет естественно ожидать, что никто, находящийся в тылу, не станет отстаивать право игнорировать войну и её требования. И этого требует не только фронт, но и подавляющая часть тыла. Усердные граждане вправе ожидать, что если они работают по десять, двенадцать, четырнадцать часов в день, лодырь не будет стоять рядом с ними и считать их глупцами. Тыл должен оставаться чистым и нетронутым во всей своей полноте. Ничто не должно нарушать эту картину. Отсюда возникает ряд мер, учитывающих оптику войны. Так, например, мы распорядились закрыть бары и ночные клубы. Я просто представить себе не могу, чтобы у людей, выполняющих свой долг для военной экономики, ещё оставались силы на то, чтобы сидеть по ночам в местах такого рода. Отсюда я могу сделать только один вывод - что они относятся к своим обязанностям несерьёзно. Мы закрыли эти заведения из-за того, что они стали для нас оскорбительными, и из-за того, что они нарушают картину войны. Мы ничего не имеем против развлечений как таковых. После войны мы с радостью станем придерживаться правила: "Живи и дай жить другим". Однако во время войны лозунг должен быть таким: **"Сражайся и дай сражаться другим!"** Мы закрыли также дорогие рестораны, которые требуют ресурсов, далеко выходящих за разумные пределы. Вполне возможно, что кое-кто считает, что во время войны самым важным является его желудок. Однако мы не можем принимать во внимание таких людей. На фронте все, начиная с простого солдата и заканчивая фельдмаршалом, едят с полевой кухни. Я не думаю, что это слишком много - требовать, чтобы мы, находящиеся в тылу, уделяли внимание, по крайней мере, самым основным законам общественного мышления. Когда закончится война, мы вновь сможем стать гурманами. Сейчас же у нас есть дела и поважнее забот о своём желудке. Бесчисленные дорогие магазины также были закрыты. Нередко они попросту оскорбляли покупателей. Там, как правило, и покупать-то было нечего, если только люди вместо денег не платили маслом или яйцами. Какая польза от магазинов, которым больше нечего продавать и которые только расходуют электроэнергию, отопление и труд рабочих, которого так не хватает в других местах, в особенности на военных заводах? Это не оправдание - говорить, что открытый вид этих магазинов

производит приятное впечатление на иностранцев. Иностранцев впечатлит только германская победа! (Бурные аплодисменты.) Каждый захочет быть нашим другом, если мы выиграем войну. Если же мы её проиграем, наших друзей можно будет сосчитать на пальцах одной руки. Мы положили конец этим иллюзиям. Мы хотим использовать этих, стоящих в пустых магазинах, людей для полезного труда на военную экономику. Этот процесс уже идёт полным ходом, и к 15 марта он будет завершён. Разумеется, он является крупным преобразованием всей нашей экономической жизни. Мы следуем плану. Мы никого не хотим несправедливо обвинять или подставлять их под жалобы и обвинения со всех сторон. Мы всего лишь делаем то, что необходимо. Но мы делаем это быстро и основательно. Мы скорее походим несколько лет в изношенной одежде, нежели допустим, чтобы наш народ носил лохмотья столетиями. Какая польза сегодня от модных салонов? Они только используют свет, тепло и рабочих. Они появятся снова тогда, когда закончится война. Какая польза от салонов красоты, которые поощряют культ красоты и отнимают колоссальное количество времени и энергии? В мирное время они замечательны, но во время войны они являются пустой тратой времени. Когда наши солдаты будут возвращаться с победой, наши женщины и девушки смогут поприветствовать их и без пышных нарядов! (Аплодисменты.) Правительственные учреждения будут работать более быстро и менее бюрократично. Оставляет не очень хорошее впечатление, когда учреждение закрывается ровно через восемь часов работы, минута в минуту. Не люди для учреждений, а учреждения для людей. Нужно работать до тех пор, пока не будет выполнена вся работа. Таково требование войны. Если Фюрер может так работать, то государственные служащие тем более. Если работы недостаточно для того, чтобы заполнить дополнительные часы, то тогда 10, 20 или 30 процентов рабочих можно перевести на военное производство и заменить других людей для службы на фронте. Это относится ко всем тыловым учреждениям. Уже одно это может сделать работу в некоторых учреждениях более быстрой и более лёгкой. Мы должны учиться у войны работать не только тщательнее, но и быстрее. У солдата на фронте нет недель на размышления, на то, чтобы выстраивать свои мысли в линию или складывать их в пыльный архив. Он должен действовать немедленно, или же он лишится жизни. В тылу мы не лишаемся жизни, если работаем медленно, зато подвергаем опасности жизнь нашего народа. Каждый должен научиться принимать во внимание мораль войны и учитывать справедливые требования работающего и сражающегося народа. Мы не из тех, кто портит удовольствие другим, но мы также не потерпим, чтобы кто-то препятствовал нашим усилиям. Так, например, недопустимо, что некоторые мужчины и женщины неделями отдыхают на курортах и в санаториях, отнимая места у солдат в увольнении или у рабочих, имеющих право на отпуск после года тяжёлого труда. Это недопустимо, и этому нужно положить конец. Война - не время для развлечений. Пока она не закончится, мы будем находить самое глубокое удовлетворение в работе и битве. Тех, кто этого не понимает сам, нужно научить это понимать, а если необходимо - заставить. Для этого могут понадобиться самые жёсткие меры. К примеру, выглядит не очень красиво, когда мы уделяем огромное внимание пропаганде темы "Колёса должны крутиться ради победы!", и в результате люди воздерживаются от ненужных поездок только для того, чтобы лицезреть, как безработные искатели удовольствий получают для себя больше места в поездах. Железная дорога служит для перевозки военных товаров, так же как и людей, занимающихся военными делами. Отпуск заслуживают только те, кому нужно отдохнуть от тяжёлого труда. У Фюрера не было ни дня отпуска с тех пор, как началась война. И если первое лицо государства относится к своим обязанностям столь серьёзно и ответственно, следует ожидать, что его примеру последует каждый гражданин. С другой стороны, правительство делает всё, что может, чтобы предоставить рабочим отдых, столь необходимый им в эти нелёгкие времена. Театры, кинотеатры и концертные залы работают в полном объёме. Радио работает над расширением и улучшением своей программы. Мы не хотим, чтобы у нашего народа было мрачное, зимнее настроение. То, что служит народу и поддерживает его боевую и рабочую мощь, полезно и жизненно необходимо для военной экономики. Мы хотим устранить обратное. Поэтому, для

того чтобы уравновесить меры, о которых я говорил выше, я приказал, чтобы количество культурных и духовных учреждений, служащих людям, было не уменьшено, а увеличено. Пока они помогают, а не мешают военной экономике, правительство должно их поддерживать. Это относится и к спорту. Спорт в настоящее время не только для определённых кругов; это дело всего народа. Освобождение атлетов от военной службы неуместно. Цель спорта - закалять тело, причём для того, чтобы использовать его соответствующим образом тогда, когда народу это больше всего необходимо. Фронт разделяет наши желания. Весь немецкий народ горячо нас поддерживает. Он больше не намерен мириться с вещами, которые только отнимают время и ресурсы. Он не будет мириться со сложными анкетами по каждому вопросу. Он не хочет забивать себе голову тысячами мелочами, которые в мирное время, может быть, и важны, но во время войны отступают на второй план. Также нет нужды постоянно напоминать ему о его долге, ставя в пример огромные жертвы наших солдат под Сталинградом. Он знает, что ему делать. Он хочет, чтобы все, начальники и простые работники, богатые и бедные, разделяли спартанский образ жизни. Фюрер даёт всем нам пример, которому должен следовать каждый. Он не знает ничего, кроме труда и забот. Мы не хотим оставлять все это ему одному, а хотим взять у него ту часть, с которой мы в состоянии справиться. Сегодняшний день для каждого истинного национал-социалиста поразительно напоминает период борьбы [1919-1932 гг., когда национал-социалистическая партия боролась за власть в Германии - прим. пер.]. Мы всегда действовали именно так. Мы шли с народом сквозь огонь и воду, и именно поэтому народ следовал за нами. Мы всегда несли наше бремя вместе с народом, и поэтому оно было для нас не тяжёлым, а лёгким. Народ хочет, чтобы его вели. Никогда ещё в истории народ не подводил отважное и решительное руководство в критический момент. Позвольте мне в этой связи сказать несколько слов о практических мерах в рамках нашей тотальной войны, которые мы уже приняли. Задача состоит в том, чтобы освободить солдат для фронта, а рабочих - для военной промышленности. Это первоосновные цели, пусть даже они будут достигнуты за счёт уровня нашей общественной жизни. Это не означает, что наш уровень жизни будет постоянно снижаться. Это всего лишь средство для достижения цели - тотальной войны. В результате этой кампании для сотен тысяч человек было отменено освобождение от военной службы. Освобождение предоставлялось потому, что у нас было недостаточно квалифицированных рабочих для заполнения должностей, которые остались бы свободными, если бы освобождение было отменено. Причина для наших нынешних мер - мобилизация необходимых работников. Вот почему мы обратились к мужчинам, не работающим на военном производстве, и к женщинам, не работающим вообще. Они не могут игнорировать, и они не будут игнорировать наш призыв. Трудовые обязанности для женщин весьма широки. Это, впрочем, не означает, что работать должны только те, кого обязывает закон. Приветствуются все желающие. Чем больше людей будет работать на военную экономику, тем больше солдат для фронта можно будет освободить. Наши враги заявляют, что немецкие женщины не в состоянии заменить мужчин в военной экономике. Это может быть справедливо для определённых областей, требующих тяжёлого труда. Но я убеждён, что немецкая женщина полна решимости занять место, оставленное мужчиной, ушедшим на фронт, причём сделать это как можно скорее. Нам нет нужды указывать на пример большевизма. Годами миллионы лучших немецких женщин успешно работали на военном производстве, и они с нетерпением ждут, чтобы к ним присоединились и остальные женщины, чтобы им помочь. Все те, кто присоединяется к работе, тем самым всего лишь приносит соответствующую благодарность тем, кто сражается на фронте. Сотни тысяч женщин уже присоединились, и сотни тысяч присоединятся в будущем. Мы надеемся в скором времени освободить армии рабочих, которые, в свою очередь, освободят армии солдат, сражающихся на фронте. Я был бы невысокого мнения о немецких женщинах, если бы думал, что они не хотят прислушаться к моему призыву. Они не будут пытаться следовать букве закона или проскользнуть сквозь оставляемые им лазейки. Те немногие, кто попытается это сделать, ничего не добьются. Мы не станем смотреть на справки от докторов.

Также мы не станем слушать оправдания тех женщин, которые утверждают, что их муж, родственник или близкий друг нуждается в помощи, - лишь бы только уклониться от работы. На это мы будем отвечать соответствующе. Те немногие, кто попытается на это пойти, только потеряют уважение окружающих. Люди станут их презирать. Да, никто не требует, чтобы женщина, не имеющая необходимой физической силы, шла работать на танковый завод. Однако в военной промышленности есть много других занятий, которые не требуют больших физических усилий и которые женщина сможет выполнять, даже если она происходит из высших кругов. Нет никого, кто был бы слишком хорош для работы, и перед нами будет стоять выбор - либо отказаться от того, что у нас имеется, либо лишиться всего. Настало также время спросить у женщин, имеющих прислугу, действительно ли она им необходима. Заботиться о доме и детях можно и самому, там самым освободив прислугу для других дел, или же доверить дом и детей заботам прислуги или Эн-эс-фау [NSV, партийная благотворительная организация] и пойти работать самому. Жизнь может казаться не столь приятной, как в мирное время. Однако сейчас не мир, а война. Жить в комфорте мы сможем после того, как выиграем войну. Сейчас же мы должны жертвовать нашим комфортом ради победы.

Солдатские жёны это уж точно понимают. Они знают, что их долг перед своими мужьями - поддерживать их, выполняя работу, имеющую значимость для военных целей. Прежде всего это справедливо для сельского хозяйства. Жёны крестьян должны подать хороший пример. Как мужчины, так и женщины должны быть уверены, что во время войны никто не работает меньше, чем в мирное время; напротив, в каждой области нужно трудиться ещё больше. При этом не стоит совершать ошибку и оставлять всё на попечение правительства. Правительство может только устанавливать общие руководящие принципы. А вот воплощать данные принципы в жизнь - это уже дело рабочих, под вдохновляющим руководством партии. Причём действовать нужно быстро. Следует пойти дальше законных требований. "Доброволец!" - вот наш лозунг. Как гауляйтер Берлина, я обращаюсь сейчас, прежде всего, к моим берлинским товарищам. Они показали столько примеров благородного поведения и отваги во время войны, что и сейчас они не подведут. Их практичное поведение и бодрое настроение вопреки войне завоевали им доброе имя во всём мире. И это доброе имя нужно хранить и укреплять! Если я призываю моих берлинских товарищей делать работу быстро, тщательно и без жалоб, то я знаю, что они все меня послушаются. Мы не хотим жаловаться на повседневные трудности или брюзжать друг на друга. Напротив, мы хотим вести себя не только как берлинцы, но и как немцы, а именно работать, действовать, брать инициативу в свои руки и делать что-то, а не предоставлять делать это кому-то другому. Неужели хоть одна немецкая женщина захочет проигнорировать мой призыв за счёт тех, кто сражается на фронте? Неужели кто-то захочет поставить свой личный комфорт выше национального долга? Неужели кто-то в свете угрожающей нам страшной опасности станет думать о своих частных нуждах, а не о требованиях войны? Я с презрением отвергаю вражеское заявление, согласно которому мы подражаем большевизму. Мы не хотим подражать большевизму - мы хотим его победить, какие бы средства для этого ни понадобились. Немецкая женщина лучше остальных поймёт, что я имею в виду, ибо она уже давно знает, что война, которую сегодня ведут наши мужчины, - это, прежде всего, война для защиты её детей. То самое святое, что у неё есть, охраняется ценнейшей кровью нашего народа. Немецкая женщина должна по собственной инициативе заявить о своей солидарности со сражающимися мужчинами.

Она должна вступить в ряды миллионов рабочих в армии тыла, причём сделать это завтра, а не послезавтра. Через немецкий народ должна пройти река готовности. Я надеюсь, что властям сообщит о себе бесчисленное количество женщин и, прежде всего, мужчин, не выполняющих важной работы для фронта. Дающий быстро даёт вдвое больше. Наше общее хозяйство становится всё более прочным. Это затрагивает, в особенности, страховую и банковскую системы, налоговую систему, газеты и журналы, которые второстепенны для военной экономики, а также малозначительную партийную и правительственную

деятельность; кроме того, это требует ещё больше упростить наш образ жизни. Я знаю, что большая часть нашего народа идёт на большие жертвы. Я понимаю их жертвы, и правительство старается обеспечить им необходимый прожиточный минимум. Но кое-кто должен остаться, и кое-кто должен нести груз. Когда война закончится, мы вновь отстроим то, от чего сегодня отказываемся, с большей щедростью и ещё прекрасней, и государство в этом нам поможет. Я решительно отвергаю обвинение в том, что наши меры уничтожат средний класс или приведут к монопольной экономике. После войны средний класс вернёт себе свои экономические и социальные позиции. Нынешние же меры необходимы для военной экономики. Их цель - не изменить структуру экономики, а всего лишь выиграть войну как можно быстрее. Я не спорю с тем, что в предстоящие недели наши меры вызовут тревогу. Они придадут нам второе дыхание. Мы готовим фундамент для предстоящего лета, не обращая внимания на угрозы и бахвальство врага. Я счастлив раскрыть этот план победы (бурные аплодисменты) немецкому народу. Он не только принимает эти меры, он их сам потребовал; он требовал их сильнее, чем когда-либо прежде во время войны. Народ хочет действий! Настало время для этого! Мы должны использовать наше время для того, чтобы подготовить предстоящие сюрпризы. Я обращаюсь сейчас ко всему немецкому народу и, в частности, к партии, как руководитель тотализации нашей внутренней военной экономики. Это не первая серьёзная задача, с которой вы столкнулись. И, чтобы с ней справиться, вы должны привнести сюда традиционный революционный натиск. Вам придётся иметь дело с ленью и праздностью, которые время от времени могут проявляться. Правительство издало общие директивы и в предстоящие недели издаст дополнительные директивы. О мелких вопросах, не затрагиваемых в этих директивах, должен позаботиться народ, под руководством партии. Для каждого из нас превыше всего стоит один нравственный закон: не делать ничего, что вредит военной экономике, и делать всё, что приближает победу. В прошедшие годы мы нередко вспоминали пример Фридриха Великого в газетах и на радио. Мы не имели права так поступать. Ибо согласно Шлиффену, незадолго до начала Третьей Силезской войны пять миллионов пруссаков Фридриха Второго противостояли 90 миллионам европейцев. На втором году страшной Семилетней войны он потерпел поражение, сотрясшее Пруссию до самого основания. У него никогда не было достаточного количества солдат и оружия, чтобы сражаться, не рискуя при этом всем. Его стратегия всегда заключалась в импровизации. Однако его принципом было нападать на врага каждый раз, когда это было возможно. Да, у него были и поражения, но главным было не это. Что было главным, так это то, что великий король оставался непокорённым, что переменчивый рок войны был не способен его поколебать, что его сердце преодолевало все опасности. В конце Семилетней войны ему был 51 год, он остался без зубов, его мучили подагра и тысячи болячек, однако он стоял над опустошённым полем сражения как победитель. Как можно сравнивать нашу ситуацию сего?! Давайте же покажем такую же волю и решимость, какую показал он, и, когда придёт время, давайте действовать так же, как действовал он, оставаясь непоколебимыми, несмотря ни на какие капризы судьбы, и давайте, так же как и он, одержим победу даже при самых неблагоприятных обстоятельствах! И давайте ни на миг не сомневаться в величии нашего дела! Я твёрдо убеждён, что немецкий народ был глубоко потрясён ударом судьбы под Сталинградом. Он взглянул в лицо суровой и безжалостной войны. Теперь он знает страшную правду и полон решимости следовать за Фюрером сквозь огонь и воду! (Зрители встают и как бушующий океан начинают распевать: "Фюрер, приказывай - мы следуем за тобой! Да здравствует наш Фюрер!") Министр не может продолжать несколько минут.) В последние дни английская и американская пресса много писала об отношении немецкого народа во время кризиса. Похоже, англичане думают, что они знают немецкий народ гораздо лучше, чем мы, его руководство. Они дают лицемерные советы насчёт того, что нам делать и что не делать. Они думают, что сегодняшний немецкий народ - это тот же немецкий народ, что и в ноябре 1918 года, который пал жертвой их убедительной лжи. Мне нет нужды доказывать лживость их утверждений. Это сделает

сражающийся и трудящийся немецкий народ. Впрочем, мои немецкие товарищи, для того чтобы ещё больше прояснить ситуацию, я хочу задать вам ряд вопросов.

Я хочу чтобы вы ответили на них по мере ваших знаний, согласно вашей совести. После того как 30 января аудитория встретила меня аплодисментами, на следующий день английская пресса сообщила, что всё это было пропагандистским шоу, не отражающим подлинного мнения немецкого народа. (Спонтанные возгласы "Фу!", "Ложь!" "Пусть они сами сюда приедут! Они узнают, что это не так!") Я пригласил на сегодняшнее собрание типичных представителей немецкого народа, в лучшем смысле этого слова. (Слова министра сопровождалось бурными аплодисментами, которые усилились, когда он перешёл к собравшимся представителям армии.) Передо мной - ряды раненных немецких солдат с Восточного фронта, без ног и без рук, с ранеными телами, потерявшие зрение, пришедшие с сиделками, мужчины в расцвете сил с костылями. Пятьдесят из них носят Рыцарский Крест с Дубовыми Листьями, являясь яркими примерами нашего сражающегося фронта. За ними - рабочие с берлинских танковых заводов. За ними - партийные служащие, солдаты сражающейся армии, врачи, учёные, артисты, инженеры и архитекторы, учителя, чиновники и служащие учреждений, гордые представители каждой области нашей интеллектуальной жизни, которые даже посреди войны творят чудеса человеческого гения. Я вижу в Дворце спорта тысячи немецких женщин. Здесь и молодёжь, и старики. Ни один класс, ни одна профессия, ни один возраст не остались без приглашения. Я могу со всей уверенностью сказать, что передо мной собралась показательная выборка немецкого населения - как с тыла, так и с фронта. Так ли это? Да или нет? (Творящееся в Дворце спорта - нечастое зрелище даже для этой старой боевой арены национал-социализма. Массы людей вскакивают на ноги. Тысячеголосый ураган выкрикивает "Да!" Участники испытывают стихийный народный референдум и волеизъявление.) Вы, мои слушатели, на данный момент представляете весь народ. Я хочу задать вам десять вопросов, на которые вы ответите за немецкий народ на весь мир, но прежде всего для наших врагов, слушающих нас по радио. (Слова министра может расслышать только с большим трудом. Возбуждение толпы достигло кульминации. Каждый вопрос подобен острой бритве. Каждый собравшийся чувствует, что обращаются лично к нему. На каждый вопрос собравшиеся отвечают с полным соучастием и энтузиазмом. Дворец спорта оглашается единым возгласом одобрения.) Англичане утверждают, будто немецкий народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы, вместе с Фюрером и нами, в полную и окончательную победу немецкого народа? Я спрашиваю вас: намерены ли вы следовать за Фюрером сквозь огонь и воду к победе и готовы ли вы взять на себя даже самое тяжёлое личное бремя? Второе. Англичане говорят, будто немецкий народ устал воевать. Я спрашиваю вас: готовы ли вы следовать за Фюрером как фаланга тыла, стоя позади сражающейся армии, и вести войну с фанатичной решимостью, несмотря ни на какие повороты судьбы, до тех пор пока победа не будет за нами? Третье. Англичане утверждают, будто у немецкого народа больше нет желания принимать растущие требования правительства к труду на военные цели. Я спрашиваю вас: намерены ли вы и весь немецкий народ трудиться, если Фюрер прикажет, по 10, 12 и, в случае необходимости, 14 часов в день и отдать всё для победы? Четвёртое. Англичане утверждают, будто немецкий народ не ободряет принятые правительством меры по тотальной войне. Будто он хочет не тотальную войну, а капитуляцию! (Крики: Нет! Ни за что!) Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальную войну? Если потребуется, хотите ли вы более тотальную и радикальную войну, чем вы вообще можете сегодня представить? Пятое. Англичане утверждают, будто немецкий народ потерял веру в Фюрера. Я спрашиваю вас: доверяете ли вы Фюреру сильнее, крепче и непоколебимей, чем прежде? Готовы ли вы целиком и полностью следовать ему, куда бы он ни пошёл, и делать всё, что только потребуется для доведения войны до победного конца? (Многотысячная толпа поднимается как один, проявляя беспрецедентный энтузиазм. Тысячи голосов сливаются в один: "Фюрер, приказывай - мы следуем за тобой!" Дворец сотрясает волна возгласов "Хайль!" Словно по команде, поднимаются флаги и знамена, как высшее выражение торжественного мига, когда толпа воздаёт честь Фюреру.) Шестое. Я спрашиваю

вас: готовы ли вы отныне отдавать все свои силы для обеспечения восточного фронта людьми и вооружением, необходимыми ему для того, чтобы нанести большевизму смертельный удар? Седьмое. Я спрашиваю вас: клянётесь ли вы торжественно перед фронтом, что тыл надёжно стоит за ним и что вы отдадите ему всё, что ему нужно для победы? Восьмое. Я спрашиваю вас: хотите ли вы, в особенности женщины, чтобы правительство делало всё возможное, чтобы побудить немецких женщин отдать все свои силы работе на военную экономику, а также освободить мужчин для фронта везде, где это только возможно, тем самым оказав помощь мужчинам на фронте? Девятое. Я спрашиваю вас: одобрите ли вы, в случае необходимости, самые радикальные меры против небольшой кучки уклонистов и спекулянтов, делающих вид, будто сейчас не война, а мир, и использующих народную нужду в своих корыстных целях? Согласны ли вы, что наносящие вред военной экономике должны лишиться головы? Десятое, и последнее. Я спрашиваю вас: согласны ли вы, что прежде всего во время войны, согласно платформе национал-социалистической партии, все должны иметь одинаковые права и обязанности, что тыл должен нести тяжёлое бремя войны совместно и что бремя следует поровну разделить между начальниками и простыми служащими, между богатыми и бедными? Я задал вопросы, и вы мне на них ответили. Вы - часть народа, и ваши ответы - это ответы немецкого народа. Вы сказали нашим врагам то, что они должны были услышать, чтобы у них не было никаких иллюзий и ложных идей. Сейчас, так же как и в первые часы нашего правления и в последующие десять лет, мы тесно сплочены с немецким народом. За нами - самый могучий союзник на всей земле, сам народ, и он полон решимости следовать за Фюрером, что бы ни случилось. Он готов нести самое тяжёлое бремя, лишь бы это привело к победе. Какая сила на земле сможет помешать нам достичь этой цели? Мы должны победить, и мы победим! Я стою сейчас перед вами не только как представитель правительства, но и как представитель народа. Вокруг меня - мои старые партийные товарищи, занимающие высокие народные и правительственные посты. Рядом со мной сидит товарищ Шпеер. Фюрер поручил ему крайне важную задачу по мобилизации немецкой военной промышленности и снабжению фронта всем необходимым оружием. Рядом со мной сидит товарищ Лей. Фюрер возложил на него руководство немецкими рабочими, включая обучение их беспрестанной работе на военную экономику. Мы в глубоком долгу перед товарищем Заукелем, которому Фюрер поручил доставить в Рейх сотни тысяч рабочих для поддержки нашего народного хозяйства; это то, что наш враг сделать не в состоянии. С нами также все руководители партии, армии и правительства. Мы - дети народа, сплочённые самым критическим моментом за всю нашу национальную историю. И мы обещаем вам, обещаем фронту, обещаем Фюреру, что мы превратим тыл в такую силу, которой Фюрер и его сражающиеся солдаты смогут полностью доверять. Мы торжественно клянёмся, что будем делать в нашей жизни и работе всё, что необходимо для победы. Мы наполним наши сердца политическим рвением, вечным огнём, пылавшим во время великих битв партии и государства. Никогда во время этой войны мы не позволим себе стать жертвой лживой и лицемерной объективности, которая столько раз приносила великие беды немецкому народу на протяжении его истории! Когда началась война, мы обратили наш взор к народу и только народу. То, что служит его борьбе за жизнь, - хорошо, и это надо поощрять. То, что вредит его борьбе за жизнь, - плохо, и это надо устранять и искоренять. С горячим сердцем и холодной головой мы преодолеем нелёгкие проблемы этой стадии войны. Мы на пути к окончательной победе. И победа эта покоится на нашей вере в Фюрера. В этот вечер я хочу ещё раз напомнить всему народу о его долге. Фюрер ждёт, что наши будущие поступки затмят всё, что мы делали до сих пор. Мы не хотим обмануть его ожиданий. Так же, как мы гордимся им, он должен гордиться нами. Великие кризисы и потрясения в народной жизни показывают, кто настоящий мужчина и кто настоящая женщина. У нас больше нет права говорить о слабом поле, ибо оба пола проявляют ту же решимость и ту же духовную мощь. Народ готов на всё. Фюрер приказал, и мы последуем за ним. В этот час национальных раздумий и размышлений мы твёрдо и непоколебимо верим в победу. Мы видим её перед собой; нам нужно только протянуть к ней

руку. Мы должны научиться подчинять ей всё. Таков долг данной минуты. И наш лозунг должен быть таким: "Воспрянь, народ, и пусть грянет буря!" (Заключительные слова министра потонули в нескончаемых бурных аплодисментах.)

Семинарское занятие № 5,6 Анализ речей русских судебных ораторов А.Ф Кони; Ф.Н. Плевако.

Задания:

1. Определить тип судебной речи (защитительная, обвинительная)
2. Определить способ доказательства или опровержения (дедуктивный, индуктивный, смешанный)
3. Определить тезис (тезисы), аргументы.
4. Назвать приемы, используемые в ходе аргументации
5. Указать ошибки или недостатки (если такие в речи имеются).
6. Дать собственную оценку анализируемой речи.

Речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем.

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела; между ними часто встречаются дела, где свидетельские показания дышат таким здоровым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой.

Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности. Мы знаем, что молодой банщик женился, поколотил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по мужу, и тело было предано земле, а дело воле божьей. Этим, казалось бы, все и должно было кончиться, но в околотке пошел говор об утопленнице. Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорила, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем. Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже взятая вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее личности несколько не изменяет существа ее показания. Если мы на время забудем о том, как она показывает, не договаривая, умалчивая, трусая, или скороговоркою, в неопределенных выражениях высказывая то, что она считает необходимым рассказать, то мы найдем, что из показания ее можно извлечь нечто существенное, в чем должна заключаться своя доля истины. Притом показание ее имеет особое значение в деле: им завершаются

все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все" последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца. Прежде всего возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность показания тем, как человек говорит, как он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину. Поэтому надо оценивать показание по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обстоятельствами дела и бытовой житейской обстановкой тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием справедливым. Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но тем не менее останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждутся эти ненужные, неправильные подробности.

Существует ли первое условие в показании Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорилась, по первому толчку, данному Дарьей Гавриловной, когда та спросила: «Не ты ли это с Егором утопила Лукерью?» Самое поведение ее при ответе Дарье Гавриловой и подтверждение этого ответа при следствии исключает возможность чего-либо насильственного или вынужденного. Она; сделалась,— волею или неволею, об этом судить трудно, свидетельницей важного и мрачного события, она разделила вместе с Егором ужасную тайну, но как женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, как все люди, у которых на душе тяготеет какая-нибудь тайна, что-нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвестностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, может быть, осталась жива, и гнетущим сознанием, что она умерщвлена и поэтому-то она стремилась к тому, чтобы узнать, **МТС**сделалось с Лукерьей. Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы, Бессознательно почти, под тяжким гнетом давящей мысли, она сама себя выдает. Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого изобличать, бремя на время свалилось с сердца и Аграфена успокоилась. Затем опять тяжкое воспоминание и голос совести начинают ей рисовать картину, которой она была свидетельницей, и на первый вопрос Дарьи Гавриловой она почти с гордостью высказывает все, что знает. Итак, относительно того, что показание Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения.

Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его? Такая цель может быть только объяснена страшною ненавистью, желанием погубить во что бы то ни стало подсудимого, но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была на него зла за то, что он; женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла га это с него деньги; положим, что, даже и взяв деньги, она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельною ненавистью целая пропасть. Все последующие браку обстоятельства были таковы, что он, напротив, должен был сделаться ей особенно дорог и мил. Правда, он променял ее, с которую жил два года, на девушку, с которой перед тем встречался лишь несколько раз, и это должно было задеть ее самолюбие, но чрез неделю или, во всяком случае, очень скоро после свадьбы, он опять у ней, жалуется ей на • жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней. Да ведь это для женщины, которая продолжает любить,— а свидетели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращение два года,— величайшая победа! Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее в ненависть. Зачем ей желать погубить Егора в

такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено? Напротив, теперь-то ей и любить его, когда он всецело ей принадлежит, когда ей не надо нарушать «их закон», а между тем она обвиняет его, повторяет это обвинение здесь, на суде. Итак, с этой точки зрения, показание это не может быть заподозрено.

Затем, соответствует ли оно сколько-нибудь обстоятельствам дела, подтверждается ли бытовую обстановкою действующих лиц? Если да, то как бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можем ей поверить, потому что другие, совершенно посторонние лица, оскорбленные ее прежним поведением, не свидетельствуя в пользу ее личности, свидетельствуют, однако, в пользу правдивости ее настоящего показания. Прежде всего свидетельница, драгоценная по простоте и грубой искренности своего показания,— сестра покойной Лукерьи. Она рисует подробно отношения Емельянова к жене и говорит, что, когда Емельянов посватался, она советовала сестре не выходить за него замуж, но он поклялся, что бросит любовницу, и она, убедившись этою клятвою, посоветовала сестре идти за Емельянова.. Первое время они живут счастливо, мирно и тихо, но затем начинается связь Емельянова с Суриной. Подсудимый отрицает существование этой связи, но о ней говорит целый ряд свидетелей. Мы слышали показание двух девиц, ходивших к гостям по приглашению Егора, которые видели, как он, в половине ноября, целовался на улице, и не таясь, с Аграфеною. Мы знаем из тех же показаний, что Аграфена бегала к Егору, что он часто, ежедневно по нескольку раз, встречался с нею. Правда, главное фактическое подтверждение, с указанием на место, где связь эта была закреплена, принадлежит Суриной, но и оно подкрепляется посторонними обстоятельствами, а именно — показаниями служащего в Зоологической гостинице мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию. Не говоря уже о том, что, пройдя по двум инстанциям, он должен был слышать от председателя мирового съезда обязательное по закону заявление, что апелляции на приговор съезда не бывает, этот человек, относительно которого приговор съезда был несправедлив, не только по его мнению, но даже по словам его хозяина, который говорит, что Егор не виноват, «да суд так рассудил», этот человек идет любопытствовать в этот самый суд и просиживает там полдня. Действительно, он не был полдня дома, но он был не в съезде, а в Зоологической гостинице. На это указывает мальчик Иванов. Он видел в Михайлов день Сурину в номерах около 5 часов. Это подтверждает и Гаврилова, которой 8 ноября Сурина сказала, что идет с Егором, а затем вернулась в 6 часов. Итак, частица показания Суриной подтверждается. Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались. Их место заняли другие, тревожные. Такие отношения не могут, однако, долго длиться: они должны измениться в ту или другую сторону. На них должна была постоянно влиять страсть и прежняя привязанность, которые пробудились в Егоре с такою силою и так скоро. В подобных случаях может быть два исхода или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или, напротив, рассудок подчинится страсти, заглохнет голос совести и страсть, увлекая человека, овладеет им совсем; тогда явится стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить прежние тягостные, стесняющие отношения. Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов. Для того чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц. Я не стану говорить о том, каким подсудимый представляется нам на суде; оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом

наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены. Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное, беззастенчивое проявление грубой чувственности. Рядом с этим является добывание денег не действительною, настоящею работою, а «наводкою». Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям, которые, довольные проведенным временем с приведенною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот какова его должность с точки зрения труда! Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет, его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не явится особо задерживающим в ту минуту, когда им овладеет чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», беспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно — и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», — стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращающийся со своею любовницею, «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю: «Идешь ли?» — прикрикивает он на жену, зовя ее с собою; «Гей, выходи», — стучит в окно, «выходи» — властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла.

Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая: «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала, — говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», — прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная. Затем выступает Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали; вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном; она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым, она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы. Это совсем другой тип, другой темперамент.

Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женится, однако, на Лукерье. Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее неприкосновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не

полагается; для него обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей его жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный, - это крестьянин, который с 16 лет в Петербурге, в номерных банях, который, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьею, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья — совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно тут Аграфена снует, бегаёт по коридору, поминутно суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать; в решительную минуту, когда он хочет обладать ею, она говорит: «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», - т. е. каждую минуту напоминает о сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сглупив... Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно с женою? Это невозможно. Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых, жена его стесняет; он человек самолюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрываться от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою — и так навеки! Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться.

Мысль эта является в ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда он снова вкусил от сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказав, что это, как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз». О появлении этой мысли говорит Аграфена Сурина: «Не сяду под арест без того, чтобы Лукерья не было», — сказал ей Емельянов. Мы бы могли не совсем поверить ей, но слова ее подтверждаются другим беспристрастным и добросовестным свидетелем, сестрою Лукерьи, которая говорит, что накануне смерти, через неделю после свидания Егора с Суриной, Лукерья передавала ей слова мужа: «тебе бы в Ждановку». В каком смысле было это сказано — понятно, так как она отвечала ему: «Как хочешь, Егор, но я сама на себя рук накладывать не стану». Видно мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму — «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее — будет кровь, нож, явные следы, — ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления, и т. д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок, — это время самое удобное, потому, что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утонувшую жену. (Такое предположение вполне подкрепляется рассказом Суриной. Скажут, что Сурина показывает о самом убийстве темно, туманно, путается, сбивается. Все это так, но у того, кто даже как посторонний зритель бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки и колотится сердце от зрелища ужасной картины; когда же зритель не совсем по-

сторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осеннею и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор. Но сущность ее показаний все-таки сводится к одному, т. е. к тому, что она видела Егора топившим жену; в этом она тверда и впечатление это передает с силою и настойчивостью. Она говорит, что, испугавшись, бросилась бежать, затем он догнал ее, а жены не было; значит, думала она, он таки утопил ее; спросила о жене — Егор не отвечал. Показание ее затем вполне подтверждается во всем, что касается ее ухода из дома вечером 14 ноября. Подсудимый говорит, что он не приходил за ней, но Анна Николаева удостоверяет противоположное и говорит, что Аграфена, ушедшая с Егором, вернулась через 20 минут. По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство, для которого нужно было, по расчету, употребить около 20 минут времени.

Нам могут возразить против показания Суриной, что: смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих, могущих быть, возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры и т. д. Вглядитесь в эти два пункта возражений и вы увидите, что они вовсе не так существенны, как кажутся с первого взгляда. Начнем с грязи и борьбы. Вы слышали показание одного свидетеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что место, где совершено убийство, весьма крутое, скат в 9 шагов, под углом 45°. Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу и если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье, пропитанном насквозь во« дою, слякоть расплывается и следов ее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы. Скажут, что нет следов борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола кацавейки наводит, однако, на мысль, что нельзя отрицать ее существования. Затем скажут: *сапоги*. Да, сапоги эти, по-видимому, очень опасны для обвинения, но только по-видимому. Припомните часы: когда Егор вышел из дома, это было три четверти десятого, а пришел он в участок десять минут одиннадцатого, т. е. через 25 минут по выходе из дома и минут, чрез 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной. Но в часть, где собственно содержатся арестанты и где его осматривали, он пришел в 11 часов, через час после того дела, в совершении которого он обвиняется.

В течение этого времени он много ходил, был в теплой комнате и затем его уже обыскивают. Когда его обыскивали, вы могли заключить из показаний свидетелей; один из полицейских объяснил, что на него не обратили внимания, потому что он приведен на 7 дней; другой сказал сначала, что всего его обыскивал, и потом объяснил, что сапоги подсудимый снял сам, а он осмотрел только карманы. Очевидно, что в этот промежуток времени он мог успеть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платье и сапогах, то она не отличалась от той, которая могла образоваться от слякоти и дождя. Да, наконец, если вы представите себе обстановку убийства так, как описывает Сурина, вы убедитесь, что ему не было надобности входить в воду по колени. Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает ее за плечи и, нагнув ее голову, сует в воду. Человек может задохнуться в течение двух-трех минут, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придержать голову под водой. При такой обстановке, которую описывает Сурина, всякая женщина в положении Лукерьи будет поражена внезапным нападением,— в сильных руках разъяренного мужа не соберется с силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять в соображение положение убийцы, который держал ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки от пальцев, а другою нагибал ей голову к воде. Чем ей

сопротивляться, чем ей удержаться от утопления? У нее свободна одна лишь рука, но перед нею вода, за которую ухватиться, о которую опереться нельзя. Платье Егора могло быть при этом сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностном осмотре, который ему делали, это могло остаться незамеченным. "Насколько это вероятно," вы можете судить по показаниям свидетелей; один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой говорит — в чуйке и т. д. Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке, — станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски-легковерным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходиться в такое отчаяние, чтобы топиться ввиду семидневной разлуки, было бы редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности. Итак, была другая причина, но какая же? Быть может, жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей «в Ждановку». Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женою. Оно выражается гораздо грубее и резче, в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и на шуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть следствие грубого возмущения какою-нибудь стороною в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение; как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказывать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказала о нем накануне смерти. Итак, нет повода к самоубийству. Посмотрим на выполнение этого самоубийства. Она никому не намекает даже о своем намерении, напротив, говорит накануне противоположное, а именно: что рук на себя не наложит; затем она берет у сестры — у бедной женщины — кофту: для чего же? — чтобы в ней утопиться; наконец, местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин. Как же тут утопиться? Ведь надо согнуться, нужно чем-нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохранения непременно скажется, — молодая жизнь восстала бы против своего преждевременного прекращения, и Лукерья сама выскочила бы из воды. Известно, что во многих случаях самоубийцы потому только гибнут под водою, что или не умеют плавать, или же несвоевременно придет помощь, которую они обыкновенно сами призывают. Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты, — два преимущественно женских способа самоубийства, — совершаются так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорей, сразу, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром. В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь. Но это положение невыносимое! И зачем оно, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в ее глубоких и холодных струях. Наконец, самое время для самоубийства выбирается такое, когда

сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она может вздохнуть и пожить на свободе без мужа, около сестры. Итак, это не самоубийство.

Но, быть может, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфене Суриной, а мужу Лукерья можно было желать убить ее, и притом, если мы остановимся на показании обвиняемого, то мы должны брать его целиком, особенно в отношении Суриной. Он здесь настойчиво требовал -от свидетелей подтверждения того, что Лукерья плакалась от угроз Суриной удавить ее или утюгом хватить. Свидетели этого не подтвердили, но если все-таки верить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась рассудка, чтобы идти ночью на глухой берег Ждановки с такою женщиною, которая ей враг, которая грозила убить ее! Скажут, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводив мужа. Но факты, неумолимые факты докажут нам противное. Егор ушел из бань в три четверти десятого, пришел в участок в десять минут одиннадцатого, следовательно, пробыл в дороге 25 минут. **Одновременно** с уходом из дому он вызвал Аграфену, как говорит Николаева. Следовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истечении этих 25 минут. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой через *двадцать* минут после ухода. Наконец, могла ли Сурина один-на-один сладить с Лукерьею, как мог сладить с нею ее муж и повелитель? Вот тут-то были бы следы той борьбы, которой так тщетно искала защита на платье покойной. Итак, предположение о Суриной как убийце Лукерьи рушится и мы приходим к тому, что показание Суриной в существе своем верно. Затем остаются не разъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызывал Аграфену, когда шел убивать жену, и, во-вторых, за* чем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла баба», и упрекал в том жену, в последние моменты ее жизни? Не лжет ли Сурина? Но, господа присяжные, не одними внешними обстоятельствами, которые режут глаза, определяется характер действий человека; при известных случаях надо посмотреть и на те душевные про* явления, которые свойственны большинству людей при известной обстановке. Зачем он бросил тень на честь своей жены в глазах Аграфены? Да потому, что, несмотря на некоторую свою испорченность, он живет в своеобразном мире, где при разных, подчас грубых и не вполне нравственных явлениях существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены: «Я вашего закона нарушать не хочу!» Подсудимый — человек самолюбивый, гордый и властный; прийти просто просить у Аграфены прощения и молить о старой любви — значило бы прямо сказать, что он жену не любит потому, что женился «сдуру», не спросясь броду; Аграфена стала бы смеяться. Надо было иметь возможность сказать Аграфене, что она может нарушить закон, потому что этого закона *нет*, потому, что жена внесла бесчестье в дом и опозорила *закон* сама. Не тоскующим и сделавшим ошибку, непоправимую на всю жизнь, должен он был прийти к Аграфене, а человеком оскорбленным, презирающим жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». В таких условиях Аграфена стала бы его, быть может, жалеть, но он не был бы смешон в ее глазах. И притом — это общечеловеческое свойство, печальное, но верное,— когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, та он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве. Вот почему лгал Егор о жене Аграфене и в решительную минуту при них обоих повторял эту ложь, в виде вопроса жене о том, кому продала она свою честь, хотя теперь и утверждает, что жена была целомудренна. Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство? Вы ознакомились с Аграфеною Суриной невероятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздор в душевный мир человека, ею увлеченного. От нее нечего ждать, что она успокоит его, станет говорить как добрая, любящая женщина. Напротив, она скорей всего в ответ на уверения в прочности вновь возникшей

привязанности станет дразнить, скажет: «Как же, поверь тебе, хотел ведь на мне жениться — два года водил, да и женился надругой». Понятно, что в человеке самолюбивом, молодом, страстном, желающем приобрести Аграфену, должно было явиться желание доказать, что у него твердо намерение обладать ею, что он готов даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словах, которым Аграфена не верит и над которыми смеется, но на деле. Притом она уже раз испытала его неверность, она может выйти замуж, не век же находится под его гнетом; надо ее закрепить надолго, навсегда, поделившись с нею страшною тайною. Тогда всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя же Лукерья душу загубил...».

Вот для чего надо было вызвать Аграфену, удалив, во что бы то ни стало, плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же —' разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится. Но в этом расчете он ошибся. Он не сообразил, какое впечатление может произвести на Сурина то, что ей придется видеть, он позабыл, что на молчание такой восприимчивой женщины, как Сурина, положиться нельзя... Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою.

ДЕЛО П. П. КАЧКИ, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского

Заседание Московского Окружного Суда с участием присяжных заседателей 22 и 23 марта 1880 г., под председательством Товарища Председателя Т. Е. Рынкевича.

Обвинял Прокурор Окружного Суда П. Н. Обнинский. Защищал Ф. Н. Плевако.

15 марта 1879 г., коло семи часов вечера, в меблированных комнатах Шмоль, у студента Гортынского собралось несколько человек гостей, по большей части, как и хозяин, студентов Технического училища. Среди этого общества находились недавно приехавшие из Петербурга — бывший слушатель Петербургской Медицинской Академии дворянин Бронислав Байрашевский и восемнадцатилетняя девушка, дворянка Праскофья Петровна Качка.

Молодежь пела песни: сначала хором, потом, по просьбе присутствовавших, Качка стала петь одна. Это было уже в сумерках. Поместившись против сидевшего за столом Байрашевского, девушка пробовала петь то ту, то другую песню, но голос ее дрожал и прерывался. В середине романса она внезапно оборвала пение, вынула из кармана револьвер и выстрелила прямо в висок Байрашевскому. Тот мертвым упал со стула.

На допросе у судебного следователя Качка отказалась выяснить причины преступления, но скрыла, однако, что она и убитый любили друг друга, что любви этой помешало какое — то постороннее обстоятельство, в силу которого совершилось убийство.

По словам ее, покончить с Байрашевским она решилась еще за месяц до самого преступления, револьвер купила за неделю, а зарядила накануне. Убив Байрашевского, она хотела застрелить и себя, но оружие выпало у нее из рук.

Следствие выяснило, что с августа 1878 г. Качка жила в Петербурге, где слушала университетские курсы, и близко сошлась с Байрашевским, которого полюбила еще раньше, в Москве, живя с ним на одной квартире. Байрашевский увлекся девушкой и дал обещание жениться на ней, но обещания не исполнил, полюбив другую женщину, близкую подругу Качки, Ольгу Пресецкую. Заметив охлаждение любимого человека, его явное стремление избежать ее общества, Качка непеременила свои дружеские отношения к Пресецкой, и сделалась беспокойной, раздаржительной и странной.

Так длилось дело почти всю зиму. 26 февраля 1879 г. Байрашевский выехал в Москву, думая пробыть здесь несколько дней, а потом ехать вместе с невестой, Пресецкой, к родным в Вильно. В тот же день, только с другим поездом, отправилась в Москву и Качка, узнавшая об отъезде молодого человека.

В Москве она поселилась в номерах, откуда, дней за десять до совершения убийства, послала в Московское Жандармское Управление письмо с просьбой арестовать молоденькую, но очень опасную пропагандистку, Праскофью Качку, поместив в конце письма адрес свой квартиры. 15 марта утром приехала в Москву и Пресецкая. Байрашевский встретил ее на вокзале, пробыв с ней в квартире ее сестры, М. Пресецкой, до пяти часов вечера, а затем отправился в гости к Гортынскому. Там он встретил Качку и сообщил ей о приезде «Ольги Николаевны». Через непродолжительное время последовало убийство.

Подсудимая рассказала, что родилась в помещичьей семье и рано, пяти или шести лет, лишилась отца, после мать ее вскоре вторично вышла замуж за губернатора своих детей. Образование Качка получила в гимназии, но курса не кончила. В 1878 г., весной, приехав с отчимом из деревни в Москву, она очень с О. Пресецкой и осталась жить в столице, где вскоре познакомилась с Байрашевским. Осенью все трое, сдружившиеся между собою молодые люди, - Байрашевский, Пресецкая и Качка, переехали в Петербург и поселились, как и в Москве, все трое вместе. После этого Качка жила некоторое время на одной квартире с Байрашевским и своим отчимом, Битмидом. Перед поездкой в Москву она жила одна в гостинице.

На вопрос об отношениях Байрашевского к Пресецкой и о своих собственных чувствах к нему взволнованная подсудимая отвечать отказалась. Вообще, почти всякий раз, как вопросы затрагивали личность убитого, Качка приходила в волнение и отзывалась, что ей тяжело говорить о нем. Подсудимая не могла также ни рассказать о событиях, предшествовавших убийству, ни описать свое внутреннее состояние во время него, говоря, что была тогда в сильном волнении, действовала бессознательно, знает лишь одно, что убила, а как, при каких обстоятельствах, - не помнит. Постановление суда произвести в отдельной комнате через докторов медицинское освидетельствование подсудимой вызвало у нее истерику.

Присяжные заседатели признали факт преступления доказанным, а подсудимую – действовавшую в состоянии умоисступления.

Суд определил отдать П. П. качку для лечения в больницу.

Речь Ф. Н. Плевако в защиту П. Качки, обвиняемой в убийстве студента Байрошевского.

Гг. присяжные!

Накануне, при допросе экспертов, председатель обратился к одному из них с вопросом: «По-вашему выходит, что вся душевная жизнь обуславливается состоянием мозга?»

Вопросом этим брошено было подозрение, что психиатрия в ее последних словах есть наука материалистическая и что, склонившись к выводам психиатров, мы дадим на суде место материалистическому мируобъяснению.

Нельзя не признать уместность вопроса, ибо правосудие не имело бы места там, где царило бы подобное учение. Но вместе с тем надеюсь, что вы не разделите того обвинения против науки, какое сделано во вчерашнем вопросе г. председателя.

В области мысли, действительно, существуют, то последовательно, то рядом, два диаметральных объяснения человеческой жизни – материалистическое и спиритуалистическое. Первое хочет всю нашу духовную жизнь свести к животному, плотскому процессу. По нему наши пороки и добродетели – результат умственного здоровья или расстройства органов. По второму воззрению, душа, воплощаясь в тело, могуча и независима от состояния своего носителя. Ссылаясь на пример мучеников, героев и т. п., защитники этой последней теории совершенно разрывают связь души и тела.

Но если против первой теории возмущается совесть и ее отвергает наше нравственное чувство, то и второе не устоит перед голосом вашего богатого опытом здравого смысла. Допуская взаимодействие двух начал, но не уничтожая одно в другом, вы не впадете в противоречие с самым высшим из нравственных учений, христианским. Это возвысившее дух человеческий на подобающую высоту учение само дает основания для третьего, среднего между крайностями, воззрения. Психиатрия, заподозренная в материалистическом методе, главным образом стояла за наследственность душевных болезней и за слабость душевных сил при расстройстве организма прирожденными и приобретенными болезнями...

На библейских примерах (Ханаан, Вавилон и т. п.) защитник доказывает. Далее, что наследственность признавалась уже тогда широким учением о милосердии, о филантропии путем материальной помощи, проповедуемой Евангелием. Защитник утверждает то положение, что заботою о материальном довольстве страждующих и неимущих признается, что лишения и недостатки мешают росту человеческого духа: ведь это учение с последовательностью, достойною всеведения Учителя, всю жизнь человеческую регулировало с точки зрения единственно ценной цели – цели духа и вечности.

Те же воззрения о наследственности сил души и ее достатков и недостатков признавались и историческим опытом народа. Защитник припоминает наше древнерусское предубеждение к Ольговичам и расположение к Мономаховичам, оправдавшееся фактами: рачитель и оберегатель мира, Мономах воскрешался в роде его потомков, а беспокойные Ольговичи отаржали хищнический инстинкт своего прародича. Защитник опытами жизни доказывает, что вся наша практическая мудрость, наши вероятные предположения созданы под влиянием двух аксиом житейской философии: влияния наследственности и, в значительной дозе материальных, плотских условий на физиономию и характер души и ее деятельности.

Установив точку зрения на вопрос, защитник прочитывает присяжным страницы из Каспара, Шульца, Гольцендорфа и других ученых, доказывающих то положение, которое утверждалось и вызванным судом психиатрами. Особенное впечатление производят страницы из книги доктора Шюля из Илленау («Курс психиатрии») о детях-наследственниках. Казалось, что это – не из книги автора, не знавшего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства.

Далее шло изложение фактов судебного следствия, доказывающих, что Прасковья Качка именно такова, какою ее представляли эксперты в период от зачатия до оставления ею домашнего очага.

Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это неблагословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти ей дана была жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего груборазгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежа и попок.

Она потеряла отца, будучи шести лет. Но жизнь оттого не исправилась. Мать ее, может быть надломленная прежней жизнью, захотела прожить, подышать на воле, но она очень скоро вся отдалась погоне за своим личным счастьем, а детей бросила на произвол

судьбы. Ее замужество за бывшего губернатора ее детей, ныне высланного из России, г. Битмида, который был моложе ее чуть не на десять лет; ее дальнейшее поглощение своими новыми чувствами и предоставление детей воле судеб; брошенное, неряшливое воспитание; полный разрыв чувственной женщины и иностранца-мужа с русской жизнью, с русской верой, с различными поверьями, дающими столько светлых, чарующих детство радостей; словом, - семья жизни Праскофьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву.

Каким-то чудом оно дало – и зачем дало? – росток; но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий.

В этом семействе, которое, собственно говоря, не было семейством, а механическим соединением нескольких отдельных лиц, полагали, что сходить в церковь, заставить пропеть над собой брачные молитвы, значит совершить брак.

Нет, от первого поцелуя до той минуты, когда наши дети, окрепшие духом и телом, нас оставляют для новых, самостоятельных союзов, брак не перестает быть священной тайной, высокой обязанностью мужа и жены, отца и матери, нравственно ответственных за рост души и тела, за направление и чистоту ума и воли тех, кого вызвала к жизни супружеская любовь.

Воспитание было, действительно, странное. Фундамента не было, а между тем в присутствии детей, и особенно в присутствии Паши, любимицы отчима, не стеснясь, говорили о вещах выше ее понимания, осмеивали и осуждали существующие явления, а взамен ничего не давали.

Таким образом, воспитание доразрушило то, чего не могло разрушить физическое нездоровье. О влиянии воспитания нечего и говорить. Не все ли мы теперь плачемся, видя, как много бед у нас от нерадения семейств к этой величайшей обязанности отцов?..

В дальнейшем ходе речи были изложены, по фактам следствия, события от 13 до 16 лет жизни Качки.

Стареющая мать, чувствуя охлаждение мужа, вступила в борьбу с этим обстоятельством. При постоянных переездах с места на место, из деревни то в Петербург, то в Москву, то в Тулу, ребенок нигде не может остаться, освоиться. А супруги, между тем, поминутно в перебранках из-за чувства. Сцены ревности начинают наполнять жизнь гг. Битмидов. Мать доходит до подозрений к дочери и, бросив мужа, а с ним и всех детей первого брака, сама уезжает в Варшаву. Проходят дни и годы, а она даже и не думает о судьбе детей, не интересуется ими.

В одиночестве, около выросшей в девушку Паши, Битмид-отчим, действительно, стал мечтать о других отношениях. Но когда он стал высказывать их, в девушке заговорил нравственный инстинкт. Ей страшно стало от предложения и невозможно далее оставаться у отчима. Ласки, которые она считала заотцовские, оказались ласками мужчины-искателя; дом, который она принимала за родной, стал чужим. Нить порвалась. Мать далеко... Бездомная сирота ушла из дома. Но куда? К кому?.. Вот вопрос.

В Москве была подруга по школе. Она – к ней. Там ее приютили и ввели в кружок, доселе ею неведанной. Целая кучка молодежи живут, не ссорясь, читают, учатся. Ни сцен ее бывшего очага, ни плотоядных инстинктов она не видит. Ее потянуло сюда.

Здесь на нее ласково взглянул Байрашевский, выдававшийся над прочими знанием, обаятельностью. Бездомное существо, зверек, у которого нет пристанища, дорого ценит привет. Она привязалась к нему со всем жаром первого увлечения.

Но он выше ее: другие его понимают, а она нет. Начинается догонка, бег, как и всякий бег, - скачками. На фундаменте недоделанного и превратного воспитания увлекающаяся юность, увидевшая в ней умную и развитую девушку, начинает строить беспорядочное здание: плохо владеющая, может быть, первыми началами арифметики садится за сложные формулы новейших социологов; девушка, не работавшая ни разу в жизни за вознаграждение, обсуждает по Марксу отношения труда и капитала; не умеющая

перечислить городов родного края, не зная порядком белого очерка судеб прошлого человечества, читает мыслителей, мечтающих о новых межах для будущего.

Понятно, что звуки доносились до уха, но мысль убегала. Да и читалось это не для цели знания: читать то, что он читает, понимать то, что его интересует, жить им – стало девизом девушки. Он едет в Питер. Она – туда. Здесь роман пошел к развязке. Юноша приласкал девушку, может быть сам увлекаясь, сам себе веря, что она ему по душе пришлась. Началось счастье. Но оно было кратковременно. Легко загоревшаяся страсть легко и потухла у Байрашевского. Другая женщина приглянулась; другую стало жаль, другое состояние он смешивал с любовью, и легко и без борьбы он пошел за новым наслаждением.

Она почувствовала горе. Она узнала его. В словах, которые воспроизвести мы теперь не можем, изложено, каким ударом было для покинутой горе. Кратковременное счастье только большее, жгуче сделало для нее ее пустую, бесприютную, одинокую долю. Будущее с того шага, как захлопнется навсегда дверь в покой ее друга, представлялось темным, далеким, не озаренным ни на одну минуту, неизвестным.

И она услышала первые приступы мысли об уничтожении. Кого? Себя или его – она сама не знала. Жить и не видеть его, знать, что он есть, и не мочь подойти к нему – это какой-то неестественный факт, невозможность.

И вот, любя его и ненавидя, она борется с этими чувствами и не может дать преобладания одному над другим.

Он поехал в Москву, она, как ягненок за маткой, - за ним, не размышляя, не соображая.

Здесь ее не узнали. Все в ней было перерождено: привычки, характер. Она вела себя странно; непривычные к психиатрическим наблюдениям лица, - и те узнали в ней ненормальность, увидели в душе гнетущую ее против воли, свыше воли тоску.

Она собирается убить себя. Ее берегут, остаются с ней, убирают у нее револьвер. Порыв убить себя сменяется порывом убить милого. В одной и той же душе идет трагическая борьба: одна и та же рука заряжает пистолет и пишет на самое себя донос в жандармское управление, прося арестовать опасную пропагандистку, Праскофью Качку, очевидно, желая, чтобы посторонняя сила связала ее больную волю и помешала идее перейти в дело.

Но доносу, как и следовало, не поверили.

Наступил последний день. К чему-то страшному она готовилась. Она отдала первой встречной свои вещи. Видимо, мысль самоубийства охватило ее.

Но ей еще раз захотелось взглянуть на Байрашевского.

Она пошла. Точно злой дух шепнул ему новым ударом поразить грудь полуробенка-страдалицы: он сказал ей, что приехала та, которую он любит, что он встретил ее, был с ней. Может быть, огнем горели ее глаза, когда он передавал, не щадя чужой муки, о часах своей радости. И представилось ей вразрез с ее горем, ее покинутой и осмеянной любовью молодое чужое счастье. Как в вине и разгуле пытается иной забыть горе, пыталась она в песнях размыкать свое. Но песни или не давались ей, или будили в ней воспоминания прошлого, утраченного счастья и надрывали душу.

Она пела как никогда.

Голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он, мужчина молодой, крепкий, волновался и плакал.

На беду попросили ее спеть ее любимую песню из Некрасова: «Еду ли ночью по улице темной».

Кто не знает могучих сил этого певца страданий; кто не находил в его звучных аккордах отражения своего собственного горя, своих собственных невзгод...

И она запела...

И каждая строка поднимала перед ней ее прошлое со всем его безобразиями и со всем гнетом, надломившим молодую жизнь.

«Друг беззащитный, больной и бездомный, вдруг предо мной промелькнёт твоя тень» - пелось в песне, - а перед воображением бедняжки рисовалось сжимающая сердце картина одиночества.

«С детства тебя невзлюбила судьба; суров был отец твой угрюмый» - лепетал язык, а память подымала из прошлого образы страшнее, чем говорилось в песне.

«Да не на радость сошлась и со мной»... попевала песня за новой волной представлений, воспроизводивших её московскую жизнь, минутное счастье и безграничное горе, сменившее короткие минуты света.

Душа её надрывалась. А песня не щадила, рисуя и гроб, и падения, и проклятие толпы.

И под финальные слова: «или пошла ты дорогой обычной, и роковая свершилась судьба», - преступление было совершено.

Сцена за убийством, поцелуй мёртвого, плач и хохот, констатированное всеми свидетелями истерическое состояние, видение Байрашевского,- всё это свидетельствует, что здесь не было расчёта, умысла, а было то, что на душу, одаренную силою в один талант, настало горе, какого не выдержит и пятиалантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко.не без борьбы.

Большая боролась, сама с собой боролась. В решительную минуту, судя по записке, переданной Малышеву для передачи будто бы Зине, она ещё хотела покончить с собой. Но по какой-то неведомой для нас причине, одна волна, что несла убийство, перегнала другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом, унесшим сразу две жизни,- ибо и в ней убито всё, всё надломлено, всё сожжено упреками неумирающей совести и сознанием греха...

Я знаю, что преступление должно быть наказано и что злой должен быть уничтожен в своём зле силою карающего суда.

Но присмотритесь к этой, тогда 18-летний женщине, и скажите мне, что она: зараза, которую нужно уничтожить, или заражённая, которую надо пощадить?

Не вся ли жизнь её отвечает, что она - последняя?

Нравственно гнили были те, кто дал ей жизнь. Росла она, как будто между своими, но у ней были родственники, а не было родных, были производители, но не было родителей. Всё, что её дало бытие и форму, заразило то, что дано.

На взгляд практических людей – труп смердящий.Но правда людей, коли она хочет быть отражением правды Божией, не должна так легко делать дело суда. Правда должна в душу ей войти прислушаться, как велики были дары унаследованные, и не переборола ли их демоническая сила среды, болезни и страданий?

Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть по счастливому выражению псалмопевца, «правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются».

И если эти светлые свойства правды подскажут вам, что её «я» не заражено злом, а отвёртывается от него и содрогается и мучится, не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать тоже, что, вопрекихолодного расчёта и юдольной правды книжников и фарисеев, сказано было Великой и Любвеобильной Правдой четверодневному Лазарю: «Гряди вон»!

Пусть воскреснет она, пусть зло, навеянное на неё извне, как пелена гробовая спадёт с неё, пусть правда и ныне, как прежде, живет и чудодействует. И она оживёт.

Сегодня для неё великий день. Бездомная скиталица, безродная – ибо разве родная – её мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то подельвает моя бедная девочка, - безродная скиталица впервые нашла свою мать и родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести.

Раскройте ваши объятия, я отдаю её вам. Делайте, что совесть вамукажет.

Если ваше отеческое чувство возмущено грехом детища, сожмите гневно объятия, пусть с криком отчаяния сокрушится это слабое создание и исчезнет.

Но если ваше сердце подскажет вам, что в ней, изломанной другими, искалеченной без собственной вины, нет места тому злу, орудием которого она была; если ваше сердце

поверит ей, что она, веруя в Бога и совесть, мучениями и слезами омыла грех бессилия и помраченной болезнью воли,- воскресите её, и пусть ваш приговор будет новым рождением её на лучшую, страданиями умудренную жизнь!...

Семинарское занятие № 7 Анализ речей современного адвоката Г. Резника.

Задания:

1. Определить тип судебной речи (защитительная, обвинительная)
2. Определить способ доказательства или опровержения (дедуктивный, индуктивный, смешанный)
3. Определить тезис (тезисы), аргументы.
4. Назвать приемы, используемые в ходе аргументации
5. Указать ошибки или недостатки (если такие в речи имеются).
6. Дать собственную оценку анализируемой речи.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ. А СОВЕСТЬ?

Выступление адвоката Генри РЕЗНИКА в защиту Григория Пасько в Военной коллегии Верховного суда РФ 25 июня 2002 года.

Уважаемый суд!

Впервые в моей многолетней практике кассатора, вступающего в дело после вынесения приговора, я не написал собственной жалобы. Причина тому – высокое качество кассационных жалоб моих товарищей по защите, отстаивавших невиновность Григория Пасько в суде первой инстанции. Только что вы могли в этом убедиться – мои более молодые коллеги доказали: приговор противоречит закону и не основан на достоверных фактах. Ситуация для военного суда Тихоокеанского флота, однако, много хуже: постановленный им обвинительный приговор не выдерживает самой простой проверки – здравым смыслом и элементарными нормами нравственности. В теории доказательств существует понятие «адресат доказывания». Для сторон обвинения и защиты адресат доказывания – суд. К нему обращены доводы прокурора и адвокатов, его стремятся убедить в своей правоте. А существует ли адресат доказывания для суда? Да, существует. И адресат этот огромен, ибо есть он – все общество. Приговор должен быть таким, чтобы каждый рядовой гражданин, как говорится, средний человек – представитель общества – мог бы, ознакомившись с ним и сопоставив с материалами дела, сказать: приговор не беспочвенный, доказательства вины осужденного имелись. Конечно, наделенный здравым смыслом средний представитель общества понимает, что суд непосредственно воспринимал доказательства и исследовал их – посему был вправе верить одним и отвергать другие, формировать окончательный вывод по своему внутреннему убеждению. Но при всех условиях доказательства не должны быть нелепыми, обвинение – несообразным, а приговор – непоследовательным, опровергающим сам себя в силу внутренних противоречий. Я попытаюсь преобразоваться в этого среднего здравомыслящего человека, задать от его лица несколько вопросов и получить на них убеждающие адресата доказывания ответы. Вопрос первый: почему обвинение, фигурирующее в приговоре, появилось буквально в последний момент судебного разбирательства и не было предъявлено изначально, на предварительном следствии? Ведь на протяжении почти четырех лет Пасько обвинялся в том, что свои записи, сделанные на заседании Военного совета флота 11 сентября, он вскоре, практически тут же, передал японцам. И это обвинение – не только в собирании, но и в передаче государственных секретов – приписывалось Пасько при полном отсутствии прямых и сколько-нибудь весомых косвенных доказательств того, что такая передача действительно имела место. Доискиваться ответа на сам собой напрашивающийся вопрос долго не приходится – достаточно сопоставить даты. Военный совет проходил 11 сентября. Сделанные на нем Пасько записи изъяты при обыске у него на квартире 20 ноября, в день возвращения журналиста из Японии. Вылетал он туда 13 ноября, никаких материалов о прошедших учениях флота при себе не имел – все, что вывозил, было у него изъято таможенниками – и спустя неделю возвратился во Владивосток. Предъявлять Пасько

обвинение в хранении своих записей с целью передачи иностранцам при той очевидности, что он на протяжении более двух месяцев не предпринимал ни малейшей попытки эти записи передать – даже вылетая к тому, кому они, по версии следствия, предназначались, не захватил — дичайшая нелепость, полнейший абсурд. Преследователи журналиста из органов госбезопасности прекрасно это осознавали. И в то же время совсем расставаться с текстом, в котором бдительное око стражей государственной тайны усмотрело секретную информацию, не хотелось. Вот и было решено включить обнаруженные записи в обвинительное заключение, как говорится, «до кучи», пристроить к другим девяти эпизодам шпионажа. Но, конечно, не в формуле «хранил свыше двух месяцев с целью передачи», а «в середине сентября 1997 года передал». Бездоказательность все же лучше, чем глупость. А вот суд риск подвергнуться осмеянию не остановил, и очевидный абсурд приобрел силу приговора. Обратит средний здравомыслящий россиянин свое внимание и на такое обстоятельство. В обвинительном заключении в доказательство факта передачи Пасько японцу Окано злополучных записей все же приводится один довод — после того как 11 сентября прошел разбор учений флота, японец интерес к ним сразу же утратил и в своих полностью контролируемых фээсбэшниками телефонных разговорах с Пасько все два месяца этой темы не касался. Если не касался – значит, сведения получил, рассудил в обвинительном заключении следователь Егоркин. Но в суде прокурор от обвинения в передаче отказывается. Но тогда по всем законам спора, тем более судебной полемики, чахленькое, слабенькое, практически нулевое косвенное обвинительное доказательство превращается в мощнейшее оправдательное, не уступающее в силе достоверному прямому. Если перестал интересоваться тем, чего не получил, значит, на самом деле и не хотел получить, а интерес был не актуальный, абстрактный; следовательно, и цель передачи записей, сделанных Пасько на разборе учений, в приговоре надуманна. Факты говорят сами за себя, строить умозаключения и предаваться гаданиям абсолютно излишне – Окано желание получить какие-либо сведения об учениях флота в разговорах с Пасько не ведет, а как только учения эти прошли, вовсе о них не вспоминает; и Пасько ничего ему не передает и не пытается передать. В голову среднего здравомыслящего человека поневоле закрадывается сомнение: беспристрастен ли был суд, может быть, он действовал не на рассуд, а на осуд? Пасько осужден за государственную измену в форме шпионажа. Наш средний человек непременно поинтересуется: что понимается в уголовном законе под изменой, означает ли это слово то же самое, что и в обыденной жизни, или наделяется каким-то иным, специфическим значением. Обратится к научно-практическим комментариям к Уголовному кодексу, предпочтет, конечно, вот этот – подготовленный в Верховном суде России, тем более что статьи о государственных преступлениях в нем, очевидно в силу особой важности, прокомментированы самим председателем Верховного суда Вячеславом Михайловичем Лебедевым. К удовлетворению своему убедится: значение слова «измена» в кодексе и в быту не расходится. Кому-то можно изменить только в компании с кем-то, и сама измена – всегда акт по меньшей мере недружественный по отношению к тому, кому изменяют – хоть жене, хоть приятелю. Прочитает в комментарии, что государственная измена – это преступление, всегда совершаемое в соучастии: российский гражданин в той или иной форме оказывает помощь представителям другого государства или иностранной организации в проведении враждебной деятельности против России. Враг вот он, известен – подданный Японии ТадашиОкано. Это тот, кто склонил Пасько к шпионству, давал поручения собирать разнообразные сведения, постоянно получал их – о флоте, предприятиях оборонки, о социально-политической ситуации в Дальневосточном регионе. Почему не пойман и не осужден, а затем помилован президентом Путиным, как американец Поуп? Успел скрыться? Но ничего, если даже так: уголовное дело на него, конечно же, выделено, русский соучастник уже осужден, в Россию ему, японскому шпиону, путь отрезан, а коли сунется под какой-нибудь кличкой, тут же окажется на скамье подсудимых. Каково же будет изумление нашего среднего россиянина, когда он найдет в материалах дела сплошные реверансы в сторону ТадашиОкано и другого японского японца

Тако Дзюна, также определенного на предварительном следствии вораги, – тот даже побывал без всяких опасений за свою судьбу свидетелем и на следствии, и на первом судебном разбирательстве. И дальневосточный военный прокурор и председатель флотского суда рассыпаются в любезностях: явитесь на суд, дайте свои показания, вам бояться нечего, к вам никаких претензий нет, никто вас к уголовной ответственности, впрочем и к любой другой, привлечь не собирается. Почитает наш средний представитель общества эти официальные бумаги, почешет затылок, подключит здравый смысл и найдет только одно логичное объяснение непоследовательности обвинительной конструкции: никакие на самом деле японские японцы не шпионы – они агенты ФСБ и были внедрены в оперативную разработку для того, чтобы разоблачить опасного государственного преступника Григория Пасько, прикрытого журналистским удостоверением и офицерским званием, а затем, понятно, выведены из-под уголовной кары и продолжают свою важную агентурную миссию. Следующий вопрос, которым задается отечественный здравомыслец: в чем секретность записей, сделанных Пасько на Военном совете, кем и как она определялась? Обнаружит: для определения секретности следствие и суд привлекали экспертов, причем проведено было целых три экспертизы. Почему три? А как иначе, когда одни эксперты признают секретность сведений, а другие ее отрицают? Но суд находит из этого сложного положения выход, и наш адресат первоначально проникается к нему уважением, читая на странице 9 приговора такой текст: «Сопоставив данные заключения, в части объема сведений, подлежащих отнесению к государственной тайне, суд признает выводы участвовавших в судебном заседании экспертов более мотивированными, а поэтому в данной части суд признает обоснованными именно их выводы и отвергает противоречащие им выводы полученных на предварительном следствии экспертных заключений». Правда, здравый смысл и тут встрепенется: суд разобрался в том, что секретно, а что нет, обратившись за разъяснениями к сведущим в гостайнах лицам, а простой офицер Пасько, когда конспектировал выступления на разборе учений флота, возможностью посоветоваться со специалистами не располагал – как он мог тогда отличить секреты от несекретов и, следовательно, как ему можно ставить в вину то, что часть записей подпадали под гостайну? Нам, юристам, понятно, что здравомыслие среднего человека позволило ему нащупать грубейшее нарушение основы основ уголовной ответственности, именуемой объективным вменением. Но поскольку наш простолудин не утомлен, как выразился бы Михаил Зощенко, высшим образованием, Тихоокеанский суд, несмотря на еще одно повисшее в воздухе недоумение, доверия в его глазах полностью не теряет. Все-таки, прежде чем осудить, не пошел на поводу у прежних экспертов, пригласил новых – и вот они, действительно большие доки, классные специалисты по гостайнам, смогли убедить суд в своей правоте. Доверие окончательно исчезает и уступает место возмущению неправосудием чуть позже – по мере дальнейшего чтения приговора. Оказывается, эксперты, на чьих заключениях покоится осуждение Пасько, — вовсе не знатоки, они невежды и халтурщики. Суд отвергает все их остальные выводы, кроме того – единственного. И ведь как развенчивает, как припечатывает! «Ссылка на пункт 9 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, является юридически некорректной»; «...давая оценку выводам экспертов об основаниях, по которым эти сведения отнесены к государственной тайне, суд находит эти выводы необоснованными»; «...при этом эксперты безосновательно не отнесли к той же категории сведения...»; «...судебным следствием, в том числе и допросом экспертов, установлена необъективность вывода...». А вот куда как хлестко: «Сделанный в заключении вывод экспертов, по убеждению суда, противоречит закрепленным в статье 6 закона «О государственной тайне» принципам законности, обоснованности и своевременности засекречивания сведений и их носителей». И еще хлеще: «Суд находит, что эти заключения основаны на поверхностном исследовании предмета экспертизы, ошибочном толковании и применении правовых норм». А здесь для экспертов просто позор: «Нельзя признать обоснованными, по убеждению суда, и выводы экспертов... о координатах этого объекта. Согласно определениям, содержащимся в Военно-энциклопедическом словаре 1983 года и в

Военно-морском словаре 1990 года, координаты – это совокупность линейных и угловых величин, определяющих положение точки (объекта) на любой поверхности и в пространстве». Итак, приговор основан на мнении тех субъектов, кто делает юридически некорректные ссылки, формулирует необъективные выводы, поверхностно исследует предмет экспертизы, чьи суждения противоречат основным началам закона «О государственной тайне»; кому даже неизвестно, что такое координаты, и кого поэтому приходится тыкать носом в общедоступные словари. Думаю, слово, каким оценит эту скандальную ситуацию средний человек, не разойдется с термином уголовно-процессуального закона – некомпетентность. Но основывать приговор на мнении некомпетентных людей безнравственно. Когда же здравомыслящий представитель общества ознакомится с самими записями и сопоставит их с экспертным заключением, он поймает себя на том, что тихо сходит с ума. Ибо он никак не сможет уразуметь, чем отличаются значения конспективного текста «98ДВР, 28 бр., — 43он» и его продолжения «Гр. 19, 117 гоп». Между тем эксперты определили, что первый секретов не несет, а второй, оказывается, раскрывает действительные наименования особо важных и режимных соединений и частей, составляющие государственную тайну. Но узнать, чье тайное действительное наименование раскрыто, можно только тогда, когда тут же приводится другое наименование-прикрытие — либо когда оно известно тебе заранее. В конспекте Пасько такие условные наименования отсутствуют, поэтому признанные секретными записи для лиц, не участвовавших в учениях, абсолютно неинформативны, или, иначе говоря, сведениями не являются. Не сможет согласиться наш средний человек и с выводами экспертов, принятыми судом, о том, что в своем конспекте Пасько раскрыл сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений. Не сможет – потому что знает различия между понятиями «раскрыть» и «назвать». Возможно, в ходе учений опробовались какие-то ноу-хау – последние разработки отечественной науки и техники, — только из конспекта это не видно. А эксперты и суд вместе с ними предлагают считать раскрытием гостайны записи о том, что в ходе учений шли переговоры по связи, отрабатывалось противодействие техническим средствам разведки противника, проводились ракетные стрельбы, осуществлялась высадка десанта. Что и говорить: ценнейшая информация, которую, как посчитал суд, шпион Пасько собирался передать врагам – японским журналистам?! Можно было бы посмеяться над специалистами по гостайне, если бы на основе их диких заключений люди не отправлялись за решетку. Конечный вывод нашего среднего человека будет абсолютно определенным: обвинительный приговор Григорию Пасько абсурден и безнравствен.

Уважаемый суд! Я убежден, что виртуальное появление в нынешнем судебном заседании типичного представителя общества не останется только ораторским приемом. Дело Григория Пасько прогремело на весь мир, стало знаковым. Судебная драма офицера-журналиста пометила собой нынешний этап развития страны и сказала об отношениях общества и государства, человека и власти ярче и убедительнее, чем официальная трескотня о защите прав и интересов личности, клятвы верности руководителей судебной системы и силовых ведомств праву и справедливости. Верю, не столь далек тот срок, когда дело Григория Пасько во всем своем объеме станет доступным для каждого, кто пожелает с ним ознакомиться. И здравый смысл, помноженный на врожденное чувство справедливости, вынесет свои приговоры: оправдательный – военному журналисту и обвинительный – военному суду за осуждение невиновного. Я не выполнил бы свой профессиональный долг, если бы не попытался указать на причину, по которой суд изменил своему предназначению и сыграл-таки вместе с обвинением, как в фильме Абуладзе, «польку-бабочку». Вывод мой будет на первый взгляд парадоксален: осуждая человека при отсутствии доказательств его вины, Тихоокеанский флотский суд черпал уверенность в правоте своей несправедливости в одной из важнейших норм действующего закона. Через 5 дней, 1 июля, вступит в силу новый

Уголовно-процессуальный кодекс. Правила оценки доказательств в нем подвергнутся изменению: если ныне закон предписывает оценивать доказательства, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, то согласно новому кодексу при оценке доказательств надлежит руководствоваться законом и совестью. Здравомыслящие люди, в том числе и ученые-юристы, – попадаются и среди нас такие — недоумевали: какое отношение могут иметь идеологические убеждения – «социалистический» – «буржуазный», «прогрессивный» – «реакционный» — к установлению фактов: убил – не убил, украл – не украл, изменил – не изменил? Наивные. Социалистическое правосознание – синоним политической целесообразности. А политика тоталитарного государства состояла в том, чтобы не допускать оправданий в судах: население должно доверять органам и знать, что зря у нас не сажают. Тоталитаризм ушел пока только из Конституции, федерального законодательства да внешней политики, но, как Дракон в сказке Шварца, остался в мышлении и действиях представителей власти и душах людей. «Россия – не Запад, — сказал в своем докладе генеральный прокурор России Устинов. — И отношения «государство и конкретный человек», «власть и гражданин» еще долго будут строиться у нас по традиционным отечественным меркам». Не знаю, как долго. Если сильно долго, стране надеяться не на что, но в оценке нынешнего момента Устинов очень даже точен. Совести предстоит изгнать социалистическое правосознание из правосудия. И, читая приговор, я чуть ли не физически ощущаю их борьбу. Такое впечатление, что обвинительный эпизод в самый последний момент вписан в приговор, который должен был быть целиком оправдательным. Должен был, но не стал. Заговорило социалистическое правосознание и заглушило голос совести. Приговор вынесен по «традиционным отечественным» — читай: тоталитарным — меркам; хватит с ФСБ оправдательного приговора по делу капитана Никитина, «честь мундира» органов госбезопасности и прокуратуры – ценность более высокая, чем доброе имя еще одного невинного капитана Григория Пасько. Да и не такая уж он случайная жертва. Странно, что раньше за что-нибудь не осудили. Пасько – человек от природы способный, всегда прекрасно учился, только почему-то по предметам «научный коммунизм» и «партийно-воспитательная работа» с трудом получал оценки «удовлетворительно». С органами госбезопасности конфликтовал – сотрудничать с ними, то есть стучать на своих товарищей, отказался. Против цензуры в военной печати восставал, тыкал начальников носом в Конституцию и Закон о средствах массовой информации. Догнала-таки коммуно-советская власть капитана Григория Пасько и расправилась с ним через социалистическое правосознание судей. Отмену неправомерного приговора и реабилитацию невинного человека должны вам продиктовать не только глубокие профессиональные познания и жизненный опыт, но также офицерская честь и совесть.

Генри РЕЗНИК 15.07.2002

Защитительная речь адвоката по делу Поэгли В.Ю.

Первое обстоятельство, к которому я привлекаю внимание суда, состоит в том, что рассматривается незаконно возбужденное дело. По общему правилу случаи оскорбления составляют дела частного обвинения. Предварительное расследование по ним не проводится и обвинительное заключение прокуратуры не составляется. Гражданин, посчитавший себя оскорбленным, обращается непосредственно в суд и сам поддерживает обвинение. Если потерпевший и обвиняемый примиряются, дело подлежит прекращению. Право возбудить уголовное дело об оскорблении (часть 3-я статьи 27-й Уголовно-процессуального кодекса) предоставляется прокурору лишь в исключительных случаях. Для этого потерпевший в силу беспомощного состояния или зависимости от обвиняемого должен

быть не в состоянии защищать свои интересы либо дело должно иметь особое общественное значение.

Что же произошло в данном случае? Из постановления начальника управления по надзору за расследованием преступлений Генеральной прокуратуры г-на Киракозова невозможно узнать: на каком основании возбуждено настоящее уголовное дело и частное обвинение превращено в публичное? Постановление прокурорского генерала не мотивировано. Ссылка на часть 3-ю статьи 27-й Уголовно-процессуального кодекса в нем отсутствует. Остается только строить догадки. Беспомощное состояние Павла Грачева исключается. О зависимости министра обороны от журналиста говорить тоже не приходится. Значит, “особое общественное значение”? Если это так, а, по всей видимости, это действительно так, то налицо попрание основополагающего конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Оскорбление — преступление против личности, а не против должности. Оскорбленный министр ничем не отличается в правовом отношении, простите, от оскорбленного дворника. Потому что достоинство личности охраняется независимо от занимаемого кресла. Никакой высокий служебный статус, никакая сановная должность не добавляют гражданину прав и свобод и неспособны придать делу об оскорблении особое общественное значение. Поэтому возбуждение уголовного дела Генеральной прокуратурой незаконно, а следовательно, незаконно и все предварительное следствие, незаконно преобразование частного обвинения в публичное. Имеется безусловное основание для возврата дела прокуратуре в связи с грубейшим нарушением Уголовно-процессуального кодекса.

Второе существенное обстоятельство: на скамье подсудимых находится человек, в отношении которого и по факту написания статьи которым уголовное дело не возбуждалось. В постановлении о возбуждении дела фигурирует фамилия не “Поэгли”, а “Пэггли”. Это не крюкотворство, не мелочное цепляние адвоката Резника. Искажение фамилии автора статьи “Паша-Мерседес” в постановлении о возбуждении дела — свидетельство редкостного произвола, учиненного Генеральной прокуратурой. Существует законный порядок приема заявлений граждан о преступлениях. Заявления подаются на приеме дежурному прокурору. В соответствии со статьей 110-й Уголовно-процессуального кодекса составляется протокол, куда, в частности, заносится отметка о том, что заявителю разъяснена ответственность за заведомо ложный донос. Протокол подписывается заявителем и должностным лицом прокуратуры, принявшим заявление. Затем изучаются представленные заявителем материалы, в нашем случае — эта статья, и, если усматриваются признаки преступления, возбуждается дело. Сказать, что этот порядок был нарушен, — значит, ничего не сказать. Закон просто отставили в сторону. 20 октября 1994 года публикуется статья Вадима Поэгли “Паша-Мерседес”. 20 же числа заявление Грачева оказывается на столе у исполняющего обязанности Генерального прокурора России Алексея Ильюшенко, который вообще не ведет приема заявлений о нарушениях, 20-го же числа накладывается резолюция: “Гайданову. Возбудите дело и проведите расследование силами следственного аппарата Генпрокуратуры”. На следующий день появляется постановление Киракозова, содержащее глубокомысленный текст: “Установлено, что статья опубликована за подписью В. Поэгли”. Так вот, искажение фамилии журналиста в киракозовском постановлении — не ошибка и не опечатка. Дело в том, что фамилия эта искажена в заявлении Грачева. Никаких сомнений нет: ни Ильюшенко, ни Гайданов, ни Киракозов статью Вадима Поэгли не читали. А прочли бы — хоть увидели бы, как пишется фамилия автора публикации. А так: в заявлении “Пэггли” и в постановлении “Пэггли”... О каком престиже Генпрокуратуры в обществе можно говорить при таких порядках, при таком надругательстве над законом, при такой бессовестности? Беззаконие продолжается при расследовании. Дело возбуждено по статье 131-й части 2-й Уголовного кодекса — “Оскорбление в среде массовой информации”. Оскорбление закон определяет как “умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме”. Есть текст закона. Есть текст статьи. Их нужно сопоставить и определить, нарушен уголовный закон или нет. Иными словами, по сути дело

в расследовании не нуждается. Разве что нужно удостовериться: существует в действительности журналист Поэгли, не псевдоним ли это? Двух-трехдневная задача для рядового следователя районной прокуратуры. Но Генеральная прокуратура не рискует спустить дело не только в район, но даже в прокуратуру Москвы. Расследует дело сама, причем создает в своих недрах следственную группу, в которой за три (!) месяца следствия перебивало 7 (семь — ?!) следственных работников: начальник отдела, старший следователь по особо важным делам, три следователя по особо важным делам, два старших следователя. Перед ними была поставлена задача раскрыть страшную тайну: прилично или неприлично обошелся журналист Поэгли в своей публикации с министром обороны. Обвинительное заключение и речь прокурора показывают: тайна сия велика есть для прокуратуры и поныне. На предварительном следствии был подменен предмет доказывания: мощная следственная группа пыталась доказать, что Поэгли не оскорбил, а оболгал Грачева. Цель изначально негодная. Ибо публикация на 95 процентов состоит из документов следственного производства о коррупции в Западной группе войск. Пытаться говорить сейчас о том, что нужно было проверить подлинность поступивших в редакцию “МК” материалов, не спешить их публиковать, бессмысленно. Неопровержимо установлено: все документы подлинные. И протокол допроса министра, и протоколы допросов его подчиненных, и соглашения между управлением по реализации имущества ЗГВ и испанской фирмой “Трансидер”, и справка следователя Атомьева. Все эти материалы расследования, проводимого в конце 1992 года — начале 1993 года, были, казалось, надежно похоронены где-то в архиве Генпрокуратуры. Публикация журналиста Поэгли их реанимировала. Руководство Генеральной прокуратуры было поставлено перед необходимостью дать им правовую оценку и оценку эту доверили дать начальнику отдела Генпрокуратуры Евгению Ильченко. Тому самому, кто расследовал дело об оскорблении. Факты исказить было невозможно. О них следственные материалы не говорили, кричали: целевые деньги, выделенные правительством постановлениями и приказами Министерства обороны для обустройства семей военнослужащих ЗГВ, выводимых из Германии, незаконно расходуются на покупку двух “Мерседесов” — один становится персональной машиной министра обороны, другой отводится для приемов иностранных делегаций. Правонарушение налицо. Но какое? Административное или уголовное? “Уголовное” — делает категорический вывод в своей справке следователь Атомьев — “совершено преступление, предусмотренное пунктом ”а” статьи 260-й Уголовного кодекса — “злоупотребление начальника или должностного лица властью или служебным положением”. “Уголовное” — разделяет этот вывод в своей статье, публикуя справку Атомьева, журналист Поэгли. “Нет, не уголовное. Незаконная покупка “Мерседесов” всего лишь дисциплинарный поступок, финансовое нарушение”, — пишет в своем постановлении Ильченко. Отличие финансового нарушения от уголовно наказуемого злоупотребления определяется наличием или отсутствием корыстной или иной личной заинтересованности, а равно причинением существенного вреда. Ильченко что — издевается, когда не дрогнувшей, а может, и дрожащей, рукой выводит: “Нет со стороны должностных лиц Министерства обороны никакой личной заинтересованности в покупке “Мерседесов”, не причинила переброска денег государству никакого вреда”? Защита посчитала: стоимость двух “Мерседесов” — это цена двух шестнадцатиквартирных домов. Их должны были построить для 32-х офицерских семей в 1993 году. Может быть, будут построены в 1996 году или уже построены в нынешнем, 1995-м году: благодаря публикации Вадима Поэгли деньги, потраченные на “Мерседесы”, возвращены в целевой строительный бюджет. Значит, не было нанесено вреда “военнослужащим, ютящимся в общагах и снимающим за свою мизерную зарплату углы”, как пишет обвиняемый журналист Поэгли и с чем согласился в судебном процессе признанный Генпрокуратурой потерпевшим министр Грачев; значит, говоря житейским языком, не были обворованы 32 офицерские семьи, не нанесен моральный вред Министерству обороны, не дискредитировано государство? Здесь, в судебном заседании, Грачев, отвечая на вопросы защиты, признал: “Да,

“Мерседесы” куплены по моей инициативе, по моему указанию. Я знал о том, что они приобретены в нарушение действующих нормативных актов. Один “Мерседес” стал моей персональной служебной машиной”. Не скрывал Грачев этих обстоятельств и на допросе у следователя Исаенко, чей протокол опубликован в статье Вадима Поэгли. Однако Ильченко не только посчитал, что личной заинтересованности в незаконном приобретении “Мерседеса” у министра не было. В постановлении о прекращении уголовного дела фамилия Грачева вообще не упоминается. “Мерседесы” приобретались как бы независимо от министра, помимо него. Генеральная прокуратура переусердствовала, стремясь защитить министра обороны от самого себя. Постановление, прекращающее дело о “Мерседесах”, — ярчайший пример раболепия и лизоблюдства прокурорских чиновников, любыми путями отмывающих сановных вельмож от ими же признаваемых нарушений. После предания гласности следственных материалов в статье “Паша-Мерседес” государственный муж с сознанием чести и с развитым чувством собственного достоинства подает не заявление в прокуратуру, он подает вотставку. И так, ни в чем не покривил Вадим Поэгли против истины, нигде не искажил факты, публикуя принесенные в газету ксерокопии следственных материалов. Все, буквально все сведения, содержащиеся в статье, соответствуют действительности. Но суть в том, что вся часть моей речи, посвященная доказыванию истинности фактической стороны статьи Вадима Поэгли, была в значительной степени вынужденной той конструкцией обвинения, какую выдвинула Генеральная прокуратура против журналиста. Конструкция эта имеет мало общего с тем, что понимает закон под составом уголовного наказания оскорбления.

Ваша честь! Колоссальная нагрузка, с которой вам, как и всем нашим судьям, приходится работать, скорее всего, препятствует регулярному чтению газет и просмотру телевизионных программ. Но все же вы, видимо, обратили внимание на то, как освещался наш процесс в средствах массовой информации, и досадливо морщились, слушая или читая, что в Пресненском суде, оказывается, рассматривается дело по иску Павла Грачева к Вадиму Поэгли. Не далее как вчера один из самых образованных и тонких тележурналистов Леонид Парфенов объявил телезрителям о том, что мы слушали дело о клевете. Простим журналистам их юридическую некомпетентность. Но когда работники Генпрокуратуры не в состоянии отличить оскорбление от клеветы, а клевету от гражданского деликта — распространения порочащих репутацию сведений, — в пору отчаяться. Защищая Вадима Поэгли от незаконного обвинения, я обвиняю Генеральную прокуратуру в редкостном непрофессионализме. В обвинительной речи прокурора отсутствовал юридический анализ статьи 131-й Уголовного кодекса, суд так и не услышал от моего процессуального противника, в чем же все-таки заключается уголовно наказуемое оскорбление. Такое умолчание не случайно. Прокурор связан формулой обвинения, содержащейся в обвинительном заключении. Юридический анализ эту формулу враз разрушил бы, неминуемо повлек бы отозвание обвинения. Обвинение, предъявленное Вадиму Поэгли, не конкретизировано. Так и непонятно, в чем же состоит неприличная форма употребляемых в статье выражений. Против такого обвинения невозможно защищаться. Неприличными следствие считает такие случаи, когда лицо называют преступником при отсутствии на этот счет следственных и судебных решений. Большая часть речи государственного обвинителя была посвящена тому, что Поэгли не имел права в отсутствие обвинительного судебного приговора называть министра обороны “вором”. Однако соответствие действительности сообщаемой информации имеет значение для состава клеветы, но никак не оскорбления. При оскорблении наказуема сама неприличная форма, непристойное обращение обвиняемого потерпевшим. С фактической стороны произведенная в неприличной форме оценка личности может быть и правдивой. В комментарии к Уголовному кодексу, который я держу в руке, приводятся два случая из практики Верховного Суда Российской Федерации. В первом случае было признано оскорблением, когда один сослуживец назвал другого “дураком”. Хотя в судебном заседании было установлено, что потерпевший действительно не очень умен. Во втором Президиум

Верховного суда не признал оскорблением характеристику “подхалим”, констатировав, что в этом слове нет ничего неприличного. В теории уголовного права и судебной практике общепризнано, что неприличную форму составляют выражения, которые до недавнего времени называли нецензурными, а сейчас именуются ненормативной лексикой, ругательства, брань, непристойные действия и жесты. Я склонен вслед за некоторыми криминалистами считать неприличными и такие выражения, которые дают обобщенную негативную оценку личности вне связи с конкретными поступками. Но ничего подобного в деле Поэгли нет. Потерпевший заявил в судебном процессе: считаю неприличным употребление в подзаголовке слова “вор”, поскольку таковым никогда судом не признавался. Задаю вопрос: а если бы признавался, если бы осуждался, значит, слово из неприличного мигом превратится в приличное? Легко заметить разницу между двумя рядами слов. В одном — такие, как “мерзавец”, “негодяй”, “подлец”, “гаденьш” (последнее слово входит, как известно, в лексикон потерпевшего), “свинья”, “продажная шкура” и т. п. Они не информируют о фактах, касающихся потерпевшего, а в циничной клеймящей форме дают оценку его качествам и активно унижают достоинство личности. В другом ряду — слова “преступник”, “взяточник”, “расхититель”, “коррупционер”, “вор” и т. д. Они указывают на совершение потерпевшим конкретных позорных поступков. Ставшую крылатой цитату братьев Вайнеров “Вор должен сидеть в тюрьме” Поэгли использовал в подзаголовке своей статьи для информации о Грачеве как о должностном лице, совершившем преступление по службе. В русском языке слово “вор” употребляется, как известно, в двух значениях: узком — для обозначения человека, который что-то своровал, и широком — как всеобщее название нарушителя закона. Предложив вопреки закону формулу оскорбления как названия потерпевшего лицом, совершившим преступление, Генеральная прокуратура, видимо, не отдает отчета в том, сколь губительно отразится подобная ситуация на судебной практике. В гражданском суде рассматриваются сотни исков о защите чести, достоинства и деловой репутации. Едва ли половина таких споров связана с тем, что человека назвали преступником, вором, взяточником, расхитителем и т. п. Теперь, следуя логике обвинительного заключения, все эти дела должны переместиться из гражданского суда в уголовный. Поэтому в выступлении прокурора мы так и не услышали, в чем же все-таки выражается неприличная форма заголовка статьи: слове “вор”, обращении “Павел Сергеевич, вы выйдете из тюрьмы совсем молодым”? Вы слышали ответ потерпевшего на вопрос защиты: “Если бы заголовок “Паша-Мерседес” был у статьи иного содержания, посвященной страстному автомобилисту Грачеву, который предпочитает всем маркам “Мерседес”, вы бы на это обиделись?” “Нет”, — ответил министр. Есть определенная закономерность восприятия человека. Сам облик Павла Сергеевича, его простецкий вид, без всякой иронии открытая белозубая улыбка так располагают к именам “Паша, Павлик, Павлуша”. Уменьшительно-ласкательные от “Павел”. Что же здесь оскорбительного? Нередко журналисты называют по имени “Боря” нашего президента. Ельцин дает основания для этого своими запанибратскими манерами, от которых он не отходит даже в общении с главами иностранных государств. Но я никогда не встречал, чтобы нашего премьер-министра кто-то назвал “Витей”. Сам облик Черномырдина вступил бы в явное противоречие с таким обращением. Мне кажется, даже родители премьера никогда не называли сына Витей, а с самого рождения Виктором Степановичем. Генпрокуратура пребывает во власти каких-то партийных криминальных стереотипов, называя заголовок статьи кличкой. Клички заменяют подлинные имена у профессиональных революционеров и преступников. В статье нет ни единого обращения к министру обороны по какому-либо прозвищу вместо подлинного имени. У всех государств бывают периоды, когда власть, говоря словами поэта, становится “отвратительной как руки брадобрея”. Чем отвратительнее власть, чем наглее и бесцеремоннее она лапает физиономию общества, тем более раздражительной и обидчивой становится. Тем больше жаждет любви и настаивает на соблюдении каких-то приличий. С заявлением в Генпрокуратуру обратился человек, с чьим именем связаны похороны военных реформ, причастный к развязыванию кровавой бойни в

Чечне, человек, который запятнал себя кощунственной фразой о “мальчиках, которые умирают в Чечне сулыбкой на устах”.

Ваша честь! Никакие изменения политического климата не должны влиять на температуру зала судебного заседания. Ваше решение по делу должен определять только закон. Конечно, у суда есть более простой выход: вернуть дело прокуратуре в связи с нарушениями закона, выявленными защитой. Но я не прошу вас об этом. Судебное разбирательство по делу состоялось. В его ходе виновность подсудимого доказана не была. Я прошу оправдать Вадима Поэгли за отсутствием в его действиях состава преступления. Непростой журналист Вадим Поэгли с министром Павлом Грачевым не обошелся. Прошу также вынести частное определение в адрес Генеральной прокуратуры Российской Федерации в связи с грубейшими нарушениями закона, допущенными при возбуждении и расследовании уголовного дела.

2002-11-01

Семинарское занятие № 8 Анализ речей о. А. Меня.

Задания:

1. Определить тип речи
2. Определить способ доказательства или опровержения (дедуктивный, индуктивный, смешанный)
3. Определить тезис (тезисы), аргументы.
4. Назвать приемы, используемые в ходе аргументации
5. Указать ошибки или недостатки (если такие в речи имеются).
6. Дать собственную оценку анализируемой речи.

о. А. Мень. Верую... Беседы о Символе Веры.

Беседа первая

Каждый из вас, если зайдет в какой-нибудь из христианских православных храмов во время литургии, может отметить, что в какой-то момент службы хор перестает петь и поют все люди. Эта древняя традиция была возрождена сравнительно недавно, в первые годы революции, по инициативе патриарха Тихона. Инициатива эта была не случайной: поется Никео-Царьградский Символ веры — по мысли святителя, он должен был остаться в памяти людей на тот случай, если они будут лишены всего, даже писаного текста. А сам этот Символ для христианской Церкви исключительно важен; каждый христианин должен знать его наизусть и понимать его смысл. Поэтому для тех людей, которые готовятся к принятию таинства крещения, для тех людей, которые были крещены в детстве, но не были воцерковлены, для тех людей, которые хотят познакомиться с основами христианской веры, для тех людей, которые хотят знать основы мировой европейской и русской культуры, заключенные в христианстве, знание главных пунктов и сущности Никео-Царьградского Символа необходимо. Для историков, литературоведов, искусствоведов, писателей, поэтов, людей самых различных творческих специальностей, работающих в разных областях гуманитарного знания, также необходимо знание этого фундаментального Символа. Поэтому, кратко излагая вам его смысл, я буду ориентироваться на всех людей: и на готовящихся к крещению, и на тех, кто был крещен, и на тех, кто хочет посмотреть на это просто глазами культурного человека. Мы ничего не навязываем — Церкви чужда идея агитации, — мы просто свидетельствуем.

Во-первых, что такое Никео-Царьградский Символ веры в буквальном смысле этого слова? Никея — старинный город в Малой Азии, где в 325 г. при императоре Константине Великом был собран всеимперский съезд епископов христианской Церкви для решения важнейших духовных и организационных проблем. Он назывался Вселенским Собором — первым по

счету. Вселенная, *ойкумена*, в то время была синонимом Римской империи. Собор — это старое церковно-славянское слово, которое обозначает собрание людей, собрание представителей Церкви. И вот на этом I Вселенском Соборе в 325 г., то есть через несколько лет после того, как император Константин Великий провозгласил в своей империи свободу вероисповедания, было зафиксировано краткое исповедание веры, которое человек, вступающий в Церковь, должен был произносить при крещении, в процессе того обряда, который крещению предшествует. Обряд этот мы называем *оглашением*, когда человек, получивший наставления в основах веры, свидетельствует не только о своем желании, но и о своем сознательном стремлении вступить на путь, к которому призывает Христос. Дополнения к Символу веры были сделаны спустя полвека, в 381 г., на II Вселенском Соборе в Константинополе. В Древней Руси этот город называли Царьградом, и потому это исповедание веры стало кратко называться Никео-Царьградским символом.

Почему символ? Символ — очень емкое и полисемантическое слово. Символ есть знак, обозначающий некую стоящую за ним реальность (на этом было построено целое литературно-философское течение — символизм). В конце концов, и наш язык, и наше искусство, и очень многое из того, что пронизывает человеческую цивилизацию и духовную культуру, невозможно себе представить без символов. Перечислять я не буду, но обращаю ваше внимание только на одно. Не говоря о знаках, эмблемах, всевозможных условных обозначениях, возьмем только слово. Слово — это удивительная вещь. Это сигнал, который одна душа передает другой душе. Сигналы, которые подают друг другу животные, — это простые сигналы: опасность, призыв, предупреждение, констатация факта, что, скажем, место занято — здесь мое гнездо. Таковы сигналы (или мы можем сказать «символы», но — в кавычках) в мире животных. Человеческие символы — иные. Они являются таинственными связями между отдельными островами-душами. Потому что каждая душа живет в особом мире. И недаром Тютчев говорил: «Мысль изреченная есть ложь». Легко себе представить, насколько трудно передать подлинные глубинные переживания. Переживания тайны мира, переживания любви, переживания полноты жизни или отчаяния совсем не укладываются в слова. Но я прошу вас обратить внимание на одну замечательную вещь. Когда Федор Иванович Тютчев сказал: «Мысль изреченная есть ложь», — он ведь эту мысль все-таки изрек, и в прекрасной поэтической форме.

Как бы ни был несовершенен наш язык, как бы мало он ни был способен охватить таинственные пласты бытия, он все-таки нам нужен. Вот элементарный пример. Когда человек говорит, что он любит другого человека, каждый из нас вкладывает в эти древнейшие слова нечто свое, неповторимое, и все-таки он говорит те же слова, что говорили его отцы, деды, далекие пращуры. Оказывается, эти слова продолжают работать тогда, когда за ними стоит определенная душевная и духовная реальность.

Итак, любое слово — это символ. Но символы особенно важны для нас там, где мы соприкасаемся с реальностью невыразимого, с реальностью того, что выходит за пределы легкопередаваемых событий и фактов. Музыка существует для того, чтобы по-своему передать эти переживания. Поэзия — тоже. Но заметьте, что подлинная поэзия, когда она говорит о высочайшем, о таинственном, о духовном, о божественном, только тогда достигает своей цели, когда говорит косвенно, намеком. Те, кто более или менее знакомы с поэзией, вероятно, согласятся со мной, что когда поэт, даже крупный, пытается в лоб говорить о вещах, превосходящих наш обычный уровень, его покидают силы. Всегда вспоминаются заключительные строки «Божественной комедии» Данте. Когда он, описывая все мироздание, приближается к тайне вечного двигателя мира, Первопричины мира, Творца, он пытается охватить, осознать это и говорит, что здесь изнемог взлет его духа. Он уже ничего не мог сделать. Поэтому наиболее адекватна здесь символическая духовная поэзия, которая говорит с нами намеком, которая сигнализирует от души к душе лишь слегка, чтобы тот, кто может понять, понял, кто не понял — мимо.

Кстати, так же построена и иконопись. Она вовсе не претендует на адекватное изображение какой-то вещественной реальности. Это сумма символов. Вспомните новгородскую икону

Илии-пророка в Третьяковской галерее с ее кроваво-красным фоном: этот напряженный цвет — символ бури, грозы, того внутреннего огня, который сжигает пророка. Вспомните мягкие, плавные линии «Троицы» преп. Андрея Рублева, таинственный круг, который можно прочертить, глядя на эти три фигуры. Это символы. Иконописец отнюдь не притязает на то, чтобы изобразить неизобразимое, изобразить Бога; это было запрещено в Библии, потому что Божественная Вечность абсолютно превосходит все земное. И вот истинный художник дает нам символ. Что изображено на иконе Рублева? Воплощенная любовь. Трое, ведущие молчаливую беседу. Между ними — эти узы, это поле любви. Они похожи друг на друга и в то же время они разные; они одно и одновременно отличаются. Их связывает тайна любви — любви отдающей. Стол с жертвенным животным обозначает жертву Вечности, которую Бог приносит для того, чтобы приблизить мир к Себе и спасти его.

Впоследствии, в эпоху упадка духовного и художественного вкуса, стали изображать так называемую новозаветную Троицу, где одно лицо Божества изображалось в виде старика, другое в виде Иисуса Христа (каким Он был воплощен) и третье — в виде голубя. Это уже не символическое изображение. Это крайне неудачная попытка реалистического изображения.

Духовная литература, древняя священная мудрость Библии, догматы Церкви построены на принципах символизма. Они являются знаками, передающими людям Высшую реальность, которая открылась им во всей своей парадоксальности. Иногда спрашивают, почему Бог Один — и в трех лицах. Не проще ли было сказать, что Он просто Один? Наверное, рассуждая логически, это было бы так. Но духовный опыт христианства был иным, и пришлось жертвовать рассудочной логикой и создать догмат антиномичный, парадоксальный или диалектический, как бы это ни называть. Так же в отношении догмата о Христе. Кто Он? Человек? Да, отвечает Церковь, подлинный Человек. Значит Он — не Бог? Нет, говорит Церковь, Он — подлинный Бог, истинный Бог. Парадокс, противоречие? Проще было бы убрать одно из утверждений, чтобы все сошлось логически? Но нет. На самом деле Высшая реальность открылась как сверхлогическая тайна. И ничего не оставалось делать, как принять ее в парадоксальном виде, как она открылась.

Постигая законы мироздания, человек постепенно пришел к выводу, что и природа в глубине своей тоже построена на парадоксах. Возьмем хрестоматийный пример.

Анри Бергсон говорил, что наша элементарная логика есть логика твердых тел, то есть каких-то простейших соотношений. Между тем, уже физика знает столько парадоксов, что наше рассудочное мышление как бы останавливается перед ними. Мы знаем, что существуют другие системы математики. Для простой рассудочной логики параллельные линии никогда не сойдутся, но для неевклидовой геометрии они сходятся; для логики вещь является либо непрерывной, либо прерывной — для физики частицы одновременно являются и непрерывными волнами.

Иными словами, человеческое мышление не может охватить целиком всю реальность. Поэтому физики создали так называемый принцип дополнительности. Это очень важный научный принцип. Он полностью подходит и к догматике, более того, — принцип дополнительности был употреблен в догматах Церкви задолго до Нильса Бора и других, кто этот принцип выдвигал в науке. Он заключается в том, что значительные и фундаментальные явления действительности могут быть описаны только в противоречивых терминах; соединяющего их интегрального описания невозможно найти в принципе — его не существует.

Отец Павел Флоренский, один из выдающихся христианских мыслителей XX в., говорил, что целокупная истина, падая с неба, как бы разбивается на отдельные части, и мы видим ее в таком расколотом состоянии. Еще Гегель отмечал, что Никео-Царьградский Символ веры изложен не в умозрачительной форме, то есть это не философская или богословская система, — это цепь образов. Я бы сказал, художественных, емких образов, намекающих на ту реальность, которая стоит за этими словами.

Первое слово, которое произносит читающий Символ веры, — *Верую*. Часто это слово употребляется в негативном контексте, например — «слепая вера». Мы решительно протестуем против такого определения. Наоборот, вера является не слепой, а ясновидящей. Каждое познание требует определенного подхода. Как говорил русский философ Иван Ильин, один из крупнейших метафизиков XX в., необходимо осуществить «правильный акт» (у него было такое выражение). Он говорил, что если человек хочет увидеть картину, он должен иметь глаза — слепой или человек с завязанными глазами картину не увидит. Если хочешь слушать симфонию Бетховена, надо, чтобы у тебя были уши, слух. Если хочешь познать любую вещь — мельчайший объект, для этого нужны микроскоп и другие приспособления; для отдаленных объектов — радио- и другие телескопы. Для того чтобы постичь высшую реальность, духовную реальность, инструментом служит наш собственный дух. И когда люди говорят, что им надо «пощупать Бога руками — где Он, покажите!» — то здесь содержится некое недоразумение: ведь самые важные на свете вещи пощупать нельзя. Покажите мне человека, который когда-либо пощупал совесть, любовь, вдохновение, мудрость. То, что делает человека человеком, то, что является главной особенностью нашего человеческого бытия, основано на вещах, которые нельзя пощупать.

С определенного времени в истории, лет 300—400 тому назад, у человечества стало возрастать искушение придавать самое большое значение вещам, которые можно пощупать, измерить и взвесить. Никто не возражает — эти вещи существуют, и изучать их, и пользоваться ими, и создавать их человеку необходимо. Но когда возникало увлечение ими, когда уже ничего не оставалось, кроме чувственного мира, человек ступил на ложный путь развития. Потому что он тем и отличается от животного мира, что в нем возможно развитие сверхчувственных сил и способностей. Познание, любовь, свобода — это все сверхчувственные вещи, сверхвременные. Подчеркиваю, они потенциально заложены в человеке как способные стать сверхвременными. Но перед нами огромное искушение. Человек ставил себе задачу: иметь как можно больше пищи, одежды, хорошие материальные условия личной жизни. Хорошо это? В принципе, да, — но только при условии, если человеческое в нем также будет развиваться. Ибо иметь как можно больше жилья, одежды и так далее — это не человеческое, это у нас общее со всеми живыми существами. И птица должна иметь гнездо, и звери должны иметь нору, и антилопа должна иметь место, где она будет пастись, и каждая птица имеет свой охотничий регион, где она может питаться. Это общебиологическая закономерность, борьба за существование. Конечно, она есть и у растений, и у животных, и у человека.

Но человек стал человеком тогда, когда в нем появилось особенное начало, которое над всем этим возвышается. Если мы возьмем лучших — подчеркиваю, лучших представителей человечества: великих мудрецов, святых, поэтов, художников, героев, — то мы сразу увидим, что ради своего внутреннего мира, ради своих принципов, идей, убеждений они часто шли вразрез потребностям тела. Они могли не спать ночами, долго обходиться без пищи, жертвовать удобствами, семьей, комфортом, даже жизнью. И когда человек устремлялся только на материальное, он начинал душить в себе эти высшие потребности.

И возникли две модели. Одна модель — реальное стяжательство. Реальное стяжательство означает, что человек целиком устремлен на материальные блага. Эта болезнь до сих пор существует во всем мире. Чем она кончается? Катастрофой, особой катастрофой, потому что человек здесь обманывает свою природу и, пресыщенный, начинает бесноваться. Вот откуда в высокоразвитых странах возникают самоубийства, наркомания и прочее.

Вторая модель — утопия, когда материальное благополучие не дается, но без конца обещается. И поэтому люди к нему стремятся в течение десятков лет, через всяческие жертвы, как к некоей недостижимой цели, и в конце концов не достигают ни духовного, ни материального. Все это тоже кончается глубоким нравственным, социальным и хозяйственным кризисом.

Только гармония между духовным, физическим и психическим в человеке может обеспечить нормальное, гармоничное развитие.

Вера есть стержень, в котором человек обретает единство собственного «я». Поэтому потенциально каждый человек, даже воинствующий атеист, в подсознании своем является верующим. Неверующих людей не существует — потому что дух человека запрограммирован на бессознательное стремление к Высшему началу. История XX в. доказала нам это с необычайной наглядностью. Недаром Мао Цзэдун перед смертью говорил одному из журналистов, что он понял значение тайны Бога, только раздумывая над собственным культом. Он понял, что человек, лишенный представления о Боге, в конце концов будет обоготворять все что угодно. И это оказалось совершенно очевидным.

Во всех странах, где так или иначе пытались уничтожить понятие о Божественном начале, его немедленно подменяли чем-нибудь другим, гораздо более вульгарным, гораздо более ничтожным; создавался идол, в роли которого оказывались либо отвлеченные социальные призраки, либо политические деятели, из которых больше половины были негодьями — всегда, во все века.

Итак, вера есть бессознательное стремление человека к высшему смыслу бытия, его принятие. Более того, вера есть состояние человеческого духа, которое достигается этим бессознательным восприятием смысла бытия. Если смысл есть — стоит жить. Когда смысл полностью уничтожается, у человека как бы выпадает стержень жизни и он заживо гибнет. Есть вера осознанная — такова христианская вера. Она осознает, к чему человек стремится и почему. Она-то и говорит нам о *едином Боге Отце, Вседержителе, Творце неба и земли*.

Это первый пункт Символа веры. Бог — единый. Почему? Потому что человек всегда ощущал за многообразием духовных и физических начал нечто единое. И наука оказалась на том же пути. Падают метеорит. Ученые изучают его состав. Оказывается — те же элементы, что и на Земле. Спектральный анализ проникает в глубины звезд, открывает их состав — там та же таблица Менделеева. Всюду действуют общие законы, все как бы подчинено некоему единому замыслу. Недаром знаменитый английский астроном Джеймс Джинс говорил, что Вселенная сегодня больше похожа на огромную мысль, чем на огромную машину.

Что стоит за этим совершенством Вселенной? Откуда эта закономерность? Когда нам говорят, что нет чудес, я сразу думаю о том, что самое большое чудо — существование мира, причем чудо, которое человек может познать.

Аристотель говорил, что всякое познание, и научное в том числе, начинается с удивления. Человек изумляется тому, что он видит. Вторя ему, Альберт Эйнштейн писал, что тот, кто потерял способность изумляться, душевно мертв. Знать, что существует сокровенная реальность, которая является как высшая мудрость и совершенная красота, — это знание, это убеждение есть ядро подлинной религиозности.

В эпоху создания классической механики, которая предшествовала эйнштейновскому пониманию мира, один из основателей небесной механики, Иоганн Кеплер, говорил: «Когда я изучаю законы мироздания, я как бы прикасаюсь к Богу руками».

В XVIII в. шведский ученый Карл Линней, создавший классификацию животных и растений, которой мы до сих пор пользуемся, закончив свою работу, написал: «Бог прошел мимо меня, я видел Его в Его творениях». Основатель экспериментальной науки Фрэнсис Бэкон писал: «Лишь поверхностное знание уводит от Бога, глубокое познание, напротив, опять к Нему возвращает».

Несколько лет назад в Москве вышла книга «Диалоги». Там, в частности, помещена статья физика Чарлза Таунса, одного из создателей мазеров, нашего современника. Статья эта называется «Единство науки и религии».

Как наука постигает материальную часть мира, так вера познает его духовную основу. Но и та и другая теснейшим образом связаны между собой — потому что и та и другая познают в конце концов Творца и Тайну. Удивительно, что человек способен ощутить Творца просто интуитивно. На самом деле наше глубинное интуитивное познание — это и есть тот орган, который может постичь «Отца всяческих».

Когда человек смотрит на жизнь не поверхностно, когда он не скользит по вещам, когда он задумывается над чудом атома, клетки, расцветающего цветка, сложностью собственного устройства, то чем больше он проникает в это, тем сильнее его бесконечное изумление.

Вселенная — гигантский организм. Любая вещь, созданная человеком, требует усилий, искусства, таланта и разума. Но насколько велик и необъятен должен быть тот разум и тот гений, который стоит за всей Вселенной! К нему подводит нас все то, что нам известно о мироздании.

Разумеется, я не буду останавливаться на примитивных аргументах, которые вытаскивали из пыльных ящиков лет тридцать назад, когда я еще только начинал служить. Я помню, тогда был плакат с изображением спутников. И там была забавная надпись от лица спутников, что они всю Вселенную обошли — нигде Бога не нашли. Конечно, вызывало сомнение само это утверждение, что они обошли всю Вселенную. Надо иметь некоторое представление о том, что такое Вселенная, чтобы понимать, насколько такое утверждение бессмысленно.

В связи с этим вспоминается притча, написанная Солоухиным о том, как один карась решил выяснить, что происходит «по ту сторону». Выпрыгнув из воды на несколько сантиметров, он плюхнулся обратно и заявил: «Ну, там никакой жизни нет, конечно, там вообще жить нельзя». Так вот, человек поднимается над своей планетой не больше, чем этот карась — над своей.

Но в пространстве Божественное начало вообще искать нельзя. Бог не находится ни тут, ни там. Он здесь или всюду, Он пронизывает всё. И когда человек постигает Его, он постигает не вещь, которую можно сфотографировать или измерить, — он открывает Его своим внутренним взором. В свое время было принято говорить, что эта вера, которую мы называем религиозной, уводит человека от жизни. Между тем только она и наполняет смыслом нашу жизнь. Значит, для чего-то мы созданы, значит, для чего-то создана Земля, для чего-то создана вся природа, к какой-то цели Высший разум ведет и человека, и жизнь. И тогда Он дает нам вдохновение, тогда мы не просто пузыри, которые лопаются на поверхности кипящей жидкости, а каждый из нас является образом и подобием Творца.

О Боге Символ веры говорит как об Отце и Творце неба и земли. Что это значит? Понятие *отец* подчеркивает, что это не безличная стихия вроде той, которую изобразил Карел Чапек в романе «Фабрика Абсолюта». Там, в этом фантастическом романе, герои выделили из материи некий сверхъестественный элемент. Нет, это не стихия, Отец — это личностное начало. Потому и человек — личность, что он отображает в себе высшее личностное начало Божие — Творца неба и земли.

Что такое небо и земля? Это очень древнее обозначение Вселенной. Еще за шесть тысяч лет до нас древние шумеры называли Вселенную *Ан-ки*, что значит «небо и земля» — два полюса бытия. Так же и Библия начинает свое повествование словами «В начале сотворил Бог небо и землю», то есть все основные параметры Вселенной.

И еще два параметра указываются в Символе: *Видимым же всем и невидимым*. Он — Творец всего видимого и невидимого. Эти слова приводят нас к идее двойственности всего мироздания, двойственности нашей природы. И человек, который является микрокосмосом, то есть маленькой вселенной, соединяет в себе все. В наших тканях, в наших костях живут минералы. В каждой клетке нашего организма заложены те же принципы, что и в клетке любого растения. В нашей физиологии заложено все то, что есть в физиологии высших животных. Но, кроме этого, у нас есть еще и невидимое начало, то самое начало, которое мы называем духом. Душа, если говорить строго, является связующим звеном между духом и телом.

Дух отличается прежде всего творчеством. Только дух творит. В животном мире творчества нет. Поэтому человек похож на Бога. Дух познает нравственные ценности, выбирает между добром и злом. Дух свободен, потенциально свободен — поэтому человек несет ответственность за свои поступки. Дух не материален, он не имеет цвета, формы, веса, не занимает пространства, поэтому он и неразрушим. Почему разрушима материя? Потому что она из чего-то создана: из молекул, атомов, элементарных частиц, которые двигаются в

пространстве. Что такое движение? Это изменение местонахождения в пространстве. Творчество, сознание, любовь не находятся в пространстве, поэтому материальное движение им недоступно, и разрушение тоже. Душа человека внутренне обогащается, она может расти, но рост ее не материальный. Растет дерево, растет организм. Растет и дух — но совсем по-другому. Все свойства духа суть *динамические* величины. Я подчеркиваю, динамические величины, то есть они могут увеличиваться и уменьшаться. Можно закопать талант в землю, можно его развить; можно учиться любить, а можно подавить в себе это стремление, и т. д. То есть не надо думать, что этот дар нам дается в готовом виде, что он появляется, как Афина из головы Зевса, и больше ничего не надо добавлять. Нет, вся человеческая жизнь является развитием духовных свойств. Библия называет эти свойства *образом и подобием* Творца.

Человек является образом и подобием природы, я уже говорил об этом. А как творец, как познающий добро и зло, как мыслящий, охватывающий всю Вселенную, он — подобие своего Создателя. В этом отношении он бесконечно возвышается над всем. Блез Паскаль, знаменитый физик и философ, писал, что человек — былинка, тростинка, что ничего не стоит уничтожить его, малой капли достаточно, чтобы его убить. Но если вся Вселенная обрушится на него, он будет выше ее, потому что она обрушится на него бессмысленно, бездумно. Только он один будет понимать, что он погибает.

Человек явился в последний миг истории мира. Для нас остается тайной, создан ли он только на Земле или и в других мирах. Практически сегодня мы говорим пока только о нашем, земном человечестве. Могут быть два варианта: либо Бог заселил Вселенную другими человечествами, либо наше человечество является эпицентром, откуда со временем пойдет разумное заселение всей Вселенной. Но важно другое, то, что мир, согласно Библии, согласно Священному Писанию, — это не готовая вещь, а некая заданность, призвание человека. И когда человек изменяет своему призванию, он начинает разрушать мир. Вместо того чтобы его преобразить, одухотворить, он его загаживает. Вместо того чтобы развивать способности духовного познания, он тупеет. Вместо того чтобы углублять братство и любовь, он звереет. И это в конце концов приводит к тяжким последствиям.

Не надо думать, что Божественное наказание есть наказание уголовное. Часто меня спрашивают, почему говорят: «Бог наказал» и прочее. Нет, Бог не уголовная инстанция. Но Он создал определенный нравственный миропорядок, и в этом нравственном миропорядке посеянное зло в конце концов оборачивается против того, кто его посеял. Человек несет ответственность за то, что он создал, причем эта ответственность связана с глубокой солидарностью людей. Люди связаны между собой, и когда мы творим зло, то это не наше личное дело — это всегда распространяется вокруг.

Таким образом, первый пункт Символа веры касается главного пункта любой религии. То, о чем я сейчас говорил, является догматом и ислама, и иудаизма. И даже язычники, которые почитают Божество в отдельных явлениях природы, все-таки знают, что за отдельными явлениями сокрыта Высшая реальность. Поэтому первый пункт Символа веры вводит нас только в преддверие христианского вероучения. Пока это еще религия в самом широком смысле этого слова. Является ли это отвлеченной теорией, метафизикой, богословием, философией? Нет, и богословие, и философия лишь осмысливают ее.

На самом деле для каждого человека существует возможность глубочайшей таинственной личной встречи с Высшей реальностью. Человек может и должен всегда искать к ней путь. У нас никогда не будет полноты жизни или того, что мы называем счастьем, если мы будем отрезаны от этой реальности. Мы никогда не будем по-настоящему счастливы, если будем подменять ее идолами: рано или поздно идол упадет, и мы увидим, что он бессилён и бесславен.

В течение ста тысяч лет, с того момента, когда человечество осознало себя, оно всегда было устремлено к Небу, всегда искало Бога. Как говорит нам Библия, Бог создал человека, и человек Его ищет — а на самом деле Он не далек от каждого из нас. Так сказано в 17-й главе книги Деяний апостолов. История человеческого духа и культуры — это история

богоискания. И только на отдельных отрезках истории как бы вспыхивало черное пламя бездуховности — попытка отказаться от стремления к Вечности. Таковы были попытки материализма в Древней Индии, Древнем Китае, Древней Греции и в нашем столетии. Но это аномалии духовного развития. Нормальное духовное развитие всегда проходило под знаком веры, под знаком того, что мы называем религией.

Слово «религия» происходит от латинского *religare* — связывать. Мы — отдельные люди, и есть тайна, которая нас связывает друг с другом, связывает нас с Высшим, связывает нас с целью бытия и каждому в отдельности придает непреходящий смысл. Мы больше не песчинки, мы больше не мусор и не осенние листья, которые падают на землю. Каждый из нас бесконечно драгоценен, как жемчужина, извлеченная из волн. Каждая душа — это жемчужина. Все зависит от того, как она обработана. А обработка — это и есть духовная жизнь, духовное усилие.

Таков первый пункт Символа веры. Дальше мы будем двигаться по основным темам Символа. Разумеется, я не могу охватить эту неисчерпаемую проблему во всей полноте. На некоторые вопросы я попытаюсь ответить позже. А сейчас я благодарю вас всех. Я был очень рад, что вы собрались здесь, чтобы услышать древнее и вечно юное слово Церкви — тот Никео-Царьградский Символ, на котором стояло христианство в течение столетий и будет стоять неизменно, все время открывая в нем новые и новые глубины, все время постигая его, ибо здесь — путь, не имеющий конца, путь в бесконечность. Это открытая модель, модель полета и путешествия к свету.

Семинарское занятие № 8. Деловая игра.

Задание:

Студенты самостоятельно готовят деловую игру.

Студенты в ходе деловой игры показывают полностью приобретенные навыки и знания, полученные в курсе теории аргументации.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.

В процессе преподавания и изучения студентами курса дисциплины Логика на аудиторных занятиях широко используются следующие технологии: неимитационные активные методы обучения (проблемная лекция, лекция-визуализация и др.); на семинарских занятиях: развернутые ответы, сравнительный анализ, метод обсуждения, дискуссия, учебная конференция, тестовый контроль знаний, самостоятельное изучение и конспектирование.